Тамара Привалова

Бредущие из ада

Повесть и рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА РОССИИ
Писатель Дона
РОСТОВ-НА-ДОНУ

2012 год

ББК 99(2Рос-Рус)81
УДК-900
П-94

Привалова Т.И . — Бредущие из ада — Повесть, рассказы — Издательство Литературного фонда России «Донской писатель»: Ростов н/Д, 2012 — 196 с.

ISBN 988-5-87612-029-4

К читалю:

После смерти Сталина была объявлена амнистия заключённым и некоторые из них, возвращаясь домой, заходили в наше село. Я хорошо помню их глаза, в которых смешались: боль, отчаяние, робкая надежда. В моей книге нет вымышленных героев. В ней отражены реальные события и реальные люди, с которыми меня столкнула судьба. Некоторое эпизоды в книге похожи на события из мира фантастики. Но это тоже реальность, иногда уходящая за рамки моего понимания. В детстве довольно часто я испытывала странные, на тот миг, сказочные для меня состояния, (называемые в наше время — особыми состояниями сознания). С возрастом сей дар мой почти исчез, оставив после себя неизгладимые впечатления и яркую память о них.

Я рассказываю о простых людях села, их судьбах, о душевном отношении к тем, кто вернулся из ада лагерей.

С глубоким уважением, Тамара Привалова.

© Привалова Т.И . 2012 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель» 2012 г.
© Художник Коновалова Н.Я. 2012 г.

Бредущие из ада

Повесть

Часть I

Первая ласточка

— Дурак, дурак идёт! — звонкий голос Лёньки заставил нас поднять головы.

Бросив копаться в гравии, где отыскивали камешки с замысловатыми рисунками, мы выскакиваем на дорогу, по которой, размахивая руками, идёт Колька-дурачок.

— По долинам и по взгорьям… — орёт он во все горло. Увлёкшись песней, не сразу заметил нас. Увидев, остановился, а потом резко развернулся и побежал в обратную сторону, шлепая стоптанными парусиновыми туфлями. По натуре он был добрый, никого не обижал даже словом. А нас, детвору, боялся как огня по одной причине: мы гонялись за ним, дразнили, кидали в него сухие комья земли, а попросту «грудки».

Наша компания только и ждала, чтобы он побежал. Свистя и улюлюкая, мы кинулись за ним. Меня остановил громкий оклик мамы:

— Томка! А ну-ка марш ко мне! — Её голос не предвещал ничего хорошего.

Опустив голову и глядя себе под ноги, направляюсь к ней. Посмотреть в глаза не решаюсь. Мой взгляд не поднимается выше ее пояса. Светло-серая юбка мамы испачкана зеленью. Ладони и пальцы грязно-зеленого цвета. «Наверно, пропалывает картошку», — подумала я.

— Ты, почему обижаешь человека? — строго спрашивает мама.

— Это Колька-дурачок, — робко объясняю ей тихим голосом.

— Ну и что из того, что он дурачок? Он человек, как и все остальные. — Немного помолчав, спросила:

— А ты хоть раз поинтересовалась, почему он такой? — и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Его немец автоматом по голове ударил за то, что Коля ему сапоги чистить отказался. Вот разум у мальчонки и помутился. Вы же пользуетесь тем, что он за себя постоять не может. И вместо того, чтобы заступиться, ты, моя дочь, участвуешь в травле. Объясни, почему ваша, такая храбрая, компания не дразнит Валькиного отца?

«Ага, чтобы он нам по шее надавал», — подумала я.

— Что? Боитесь? Правильно делаете, он сильный, сдачи дать может. Слабого куда легче обидеть. Правда? В общем, так. Еще раз увижу это безобразие — выпорю.

Мама никогда меня не била. Но страшное слово «выпорю» заставило похолодеть мое сердечко. Однажды я видела, как соседа Кольку отец порол ремнем, после чего у него на спине остались красные припухлые полосы.

— Что молчишь? Ты меня поняла?

— Да, — тихо отвечаю я.

— Что «да»? — раздраженно спрашивает мама.

— Больше дразнить Кольку не буду.

— Поживем — увидим. — Она уходит, громко хлопнув калиткой.

Я облегченно вздохнула.

Возвращаются преследователи, потные, с румяными щеками, возбужденные.

— Нет, вы видели, видели, как я его грудкой шандарахнул? — кричал Лёнька.

— А я по ноге попала, — хвасталась Валька. — А ты, Ванька, мазила, ни разу не попал. Петька вон в ногу колючку загнал, и то не отставал от нас и почти попал дурачку по руке.

— Ага, — подтвердил Петька, сидя прямо на дороге. Он сосредоточенно пытался подцепить кончик злополучной колючки, загнанной в пятку.

Ванька, глуповато улыбаясь, почёсывал свою давно не мытую голову.

Лёнька повернулся ко мне.

— А ты чо не пошла с нами? Испугалась? Не бойся. Это он нас должен бояться, а не мы его. Видела, как он улепетывал?

— Видела. Но гоняться за ним больше не буду. Он тоже человек.

— Это Колька-дурачок человек? — переспросил Лёнька и тут же утвердительно подытожил: — Он дурак, и ты дура.

— Сам дурак, — огрызнулась я.

— Кто дурак? — зловеще поинтересовался Лёнька.

— Ты, — голос мой дрогнул.

Лёнькины глаза превратились в щелки. Это не предвещало ничего хорошего. «Будет бить», — подумала я и тут же получила оплеуху. Валька не заставила себя ждать. Она вцепилась в мои волосы всей пятерней, и, что есть силы рванула их, оставив в зажатом кулаке клок волос. Ванька, который сам никогда в драку первым не лез, ударил ногой в живот, хорошо, что еще босиком был. От боли я согнулась пополам. Мама с бабушкой всегда говорили мне:

— Не дерись, это некрасиво, особенно, когда дерется девочка.

И я никогда не дралась. Но сейчас где-то в затылке появился холодок, который в одно мгновение, пробежав по спине к ногам и обратно, огнем полыхнул в голове. Моё тело наполнилось необычной силой. Выпрямляясь, я сбрасываю прыгнувшего ко мне на спину Ваньку и, схватив Вальку за челку, с силой опускаю ее голову на свое согнутое колено. Никогда до этого я не видела и не знала такого приема. Все получилось само собой.

Валька, взвыв, зашлась в крике. Разворачиваюсь и отталкиваю от себя Ваньку, готового снова прыгнуть мне на спину. Пролетев метра полтора, он грохнулся на землю и заскулил.

— Только встань, убью! — кричу я и, сжав кулаки, делаю к нему шаг. — А Кольку сама не трону и вам его бить не дам!

Увидев убегающего Лёньку, хватаю обломок кирпича, ко-

торый лежал на обочине дороги, и швыряю ему вслед. Лёнька прямо с ходу прыгает в яму, вырытую для столба, под радио. Я слежу за полетом кирпича. Он летит как в замедленном кино, наконец, падает на край ямы, приподнимается, и, ныряет в нее. Раздается дикий рев. Показывается голова Лёньки, с которой на рубашку быстро-быстро, словно догоняя друг друга, падают капли крови.

— Убила… — выдохнула Валька, забыв про свой расквашенный нос.

Ванька, перестав потирать ушибленную спину, смотрит на меня выпученными глазами. Петька, как сидел, так и продолжает сидеть на дороге, держась за пятку, при этом широко раскрыв рот. Со двора выскакивает Валькин отец. Первым делом он подбегает к дочери и вытирает ей нос подолом своей рубахи. Поняв, что страшного ничего нет, направляется к Лёньке, зыркнув в мою сторону глазами. Порывшись в карманах, он достаёт мятую, не первой свежести цветастую тряпку, которая служит ему носовым платком, и, приложив к Лёнькиной голове, просит Ваньку сбегать за Лёнькиными родителями. Валька показывает язык и, подбоченясь, пугает меня:

— Вот погоди, придёт сейчас Лёнькина мать и задаст тебе трепку, будешь знать, как драться.

Мои ноги, словно свинцом налились. Хочу бежать и не могу с места двинуться. Сердце колотится как бешеное, того и гляди, из груди выскочит.

Из калитки выходит Петькина мать с Райкой на руках. Узнав, что к чему, заорала на меня:

— Покалечила парня, безотцовщина чертова! Ишь, ты, тихоня проклятая! — и, отвесив Петьке подзатыльник, продолжила: — Сколько раз тебе говорила, не ходи за этой шмарой по пятам! Медом она намазана, что ли?

Голоса доносились словно издалека, все плыло как в тумане, и из этого тумана навстречу мне двигался Лёнькин отец

с матерью. Они постепенно заполнили все видимое мною пространство.

— Ну что, у врагов солидное подкрепление… — то ли спросил, то ли подытожил незнакомый голос, всплывший из глубокого омута криков, причитаний и Лёнькиного плача. На мое плечо опускается теплая костлявая рука, она крепко держится за него, словно ее хозяин боится потерять найденную опору.

Подняв голову, я увидела высокого мужчину в фуфайке. Несмотря на жаркий день, у него на голове была теплая солдатская шапка-ушанка, светло-серые глаза сочувственно смотрели на меня. Он сбрасывает с плеча тощий «сидор» себе под ноги, обутые в стоптанные кирзовые сапоги, и замирает. С появлением нового человека я обретаю способность двигаться. Рука, лежащая на плече, обещает защиту, голос — успокоение. Переступив с ноги на ногу, я спокойно смотрю на родителей Лёньки. Его мать, толстая, маленького роста, была самой горластой бабой на нашем краю села. Перекричать или переспорить ее было невозможно. Отец слыл человеком рассудительным и спокойным. Несколько раз он пытался остановить причитания жены, но попытки не увенчались успехом.

Подошла моя мама.

— Вот, полюбуйся на дела своей бандитки! Лёнька, наклони-ка голову. Видишь, Маруська, нет, нет, ты посмотри, что натворила твоя шалава. Правду люди говорят, что в тихом омуте черти водятся! — Она стала трясти голову сына, словно от этого окружающие могли лучше рассмотреть ранку в волосах.

— Ты, Нюра, выражения подбирай. Какая она тебе шалава? — строго сказала мама.

Тетка Нюрка только открыла рот, чтобы достойно ответить, как незнакомец командирским голосом крикнул:

— Тихо! Всем молчать!

Лёнькина мать так и замерла с раскрытым ртом. Наступила тишина.

— Нужна водка или самогон, бинт, на худой конец полоска чистой ткани, парня-то перевязать надо.

Все засуетились. Валькин отец вынес стакан самогона, мама принесла ножницы и бинт. Незнакомец ловко выстриг вокруг раны волосы и, промыв ее самогоном, облегченно вздохнул:

— Крику больше, — успокоил он всех, перевязывая Лёнькину голову. — Ранка мизерная, просто сосуд задет, отсюда и крови много. Ну, вот и все, — сказал незнакомец, завязывая кончики бинта. — Выглядишь ты, парень, теперь как солдат с поля боя.

Лёнька после этих слов смешно вытянул шею и важно повел головой. Все засмеялись. Незнакомец неторопливо обтер руки о фуфайку и спокойно продолжил:

— Как я понимаю, народ жаждет правды. Итак, с одним делом управились, приступим ко второму. Я, кажется, один из взрослых, кто видел начало и конец сей баталии. Бой начался и закончился слишком быстро, поэтому я не успел вмешаться. Позвольте мне первым взять слово. Я человек не заинтересованный принимать ту или иную сторону, поэтому, буду, объективен. Разбираемся по справедливости, что и как было.

Голоса соседей градом обрушились на временную тишину, разом сломав её хрупкую оболочку. Мужчина поморщился и поднял руку. Гомон стих, но тишины я не услышала. Окружающие меня люди напоминали собак, сидящих за приоткрытыми калитками, готовых по первому сигналу броситься на жертву. Я слышала их нетерпеливое сопение и сдерживаемую ярость. В этой зловещей тишине только голос незнакомца звучал спокойно и уверенно.

— За что ты первым ударил ее? — спросил он Лёньку, указывая на меня. — Она тебя не трогала.

Лёнька опустил голову и, потирая под носом ладонью, засопел.

— Ладно, подумай над ответом. Иногда думать очень полезно, — миролюбиво проговорил самозваный судья и повернулся к Вальке.

— А ты зачем вцепилась ей в волосы, а? Двое дерутся — третий не лезь. Что, скажешь, не знала такого правила?

Валька спряталась за спину отца.

— А ты, командир, почему за спину матери прячешься? — повернулся он к Ваньке. — Зачем ногой в живот девочку ударил? Негоже мужику за бабьей юбкой отсиживаться, коли ответ перед народом надо держать. Чего стоишь, иди сюда.

Среди взрослых наступило замешательство. Все знали, что я никогда не дерусь, не ябедничаю, а главное, не жалуюсь маме на обидчиков. Обо всех моих бедах она узнавала от доносчиков, а попросту ябед.

— А я знаю, за что они ее били, — заявила Райка, девчонка с соседней улицы. Она была старше нас и в наши игры уже не играла.

Все повернулись к ней. Райка поставила на землю бидончик с водой и, обтерев о грудь ладони, продолжила:

— Томка сказала им, что больше Кольку-дурачка дразнить не будет. Лёнька ее дурой обозвал, а она ответила ему, что он сам дурак. С этого все и началось. Они на нее потом гуртом накинулись, а Томка им всем сдачи дала.

Мужчина повернулся к взрослым.

— Надеюсь, что теперь всем все ясно. Я только могу подтвердить все вышесказанное. Выходит, что за дело она тебе нос расквасила? — обращаясь к Вальке, спросил он.

Та засопела и с ненавистью посмотрела на судью и дознавателя в одном лице.

— А она Ваньку на землю толкнула… — как всегда, начала ябедничать Валька, надеясь этим сообщением хоть как-то реабилитировать себя.

— Да, тебе, герой, меньше всех досталось, — засмеялся не-

знакомец и потрепал Ваньку по давно нестриженной голове.

Взрослые растерянно молчали.

— Ну, а теперь о самом главном. Как тебе голову разбили, герой? Здесь я что-то упустил или недопонял.

— Кирпичом, — неохотно ответил Лёнька.

— Ну, ясно, что не табуреткой. Где этот злополучный кирпич?

— Он в яме валяться должен, — опередив всех, крикнул Ванька, — принести?

— Неси, — милостиво разрешил мой спаситель.

Когда кирпич лег к ногам судьи, все в недоумении уставились на него.

— Ты ничего не напутал? — растерянно спросил Лёнькин отец.

— Не-е, там другова нету, а этот вот в крови, видите? На уголочке. — И Ванька указал на красное пятнышко.

Солдат поднял увесистый обломок и, перебросив с руки на руку, передал Валькиному отцу. Кирпич побывал в руках у каждого. Даже моя мама его подержала.

— Откуда она его кидала? — спросил Лёнькин отец у моих жертв.

— Да вот отсюда и кидала, где стоит, — наперебой затараторили те.

— Как схватит, да как пульнет, прямо на край ямы попала, а потом он уже сам подпрыгнул и свалился в нее, — заявил Петька.

Взрослые разом заговорили, заспорили. Из этого водопада слов я поняла только одно: они не верят, что я могла кинуть кирпич на такое большое расстояние. Мне стало обидно.

— Отойдите в сторону, — скомандовала я и, взяв обломок кирпича в руки, несказанно удивилась, до чего же он был тяжелым. Попыталась переложить в правую руку и кинуть — безрезультатно.

— Может, она подбежала и кинула его в яму? — спросил кто-то из толпы.

— Не, — замотал головою Петька, продолжая выковыривать колючку, — она от меня не отходила, я уже подумал, что Томка меня пришибить этим кирпичом хочет.

— Ерунда какая-то получается, — почесывая затылок и сдвигая кепку на лоб, сказал Валькин отец. — Ну, как там ни было, ты больше камнями не кидайся. Убить можешь, поняла? — обратился он ко мне.

Взрослые еще долго обсуждали произошедшее, по очереди пытаясь добросить кусок кирпича до ямы, но никто из них этого сделать не смог.

— Может, он с неба упал? — задумчиво произнес Лёнька.

Все засмеялись.

— Ага, как раз на твою голову, чтобы вначале думал, прежде чем руками махать, — сказал незнакомец.

Постепенно стихли споры. Умолкла даже Лёнькина мать. Все начали расходиться по домам.

— А Вы к кому приехали? — спросила мама моего защитника.

— Да я здесь мимоходом, — ответил он, — отдохнуть бы не мешало. Может, пустите на постой? Или подскажите, к кому обратиться. Правда, рассчитываться мне нечем, гол как сокол. Единственное, что смогу сделать, — это по хозяйству помочь.

— Чего уж рядиться, пошли.

— А муж ругаться не будет? — спросил незнакомец.

— Мужа нет, — ответила мама и нахмурилась, — так что бояться Вам некого.

Подняв с земли «сидор», мужчина покорно пошел за мамой. На крыльце замялся и, смущенно улыбаясь, сказал:

— Мать, портянки у меня не первой свежести, да и с «гостями» я. Мне бы на сеновал…

«Ага, — подумала я, — чтобы потом корова чесалась. Это же, сколько масла с керосином придется на её извести».

— Ладно, идите пока в сад, а я сейчас что-нибудь придумаю. Тома, проводи гостя.

В саду у нас была плита, на которой мы летом готовили еду, там же стоял стол с табуретками и лавкой. Сев напротив гостя, я с любопытством рассматривала его. У меня была странная особенность. Глядя на человека, могла определить его характер. Обычно объект моего наблюдения представал предо мною в образе животного или предмета. Иногда видимое не совмещалось с действительностью. К примеру, мать соседа Петьки я видела бодливой коровой с лисьим хвостом, а соседку тетю Зину воздушным шариком из бычьего мочевого пузыря, сплошь покрытым колючками. Однажды я рассказала об этом бабушке. Та рассмеялась:

— Верно, подметила, Танька первой нападает, старается побольнее боднуть, а цыкнешь на нее, так тут же пытается след хвостом замести. Зинка же пустая, глупая баба, пыжится, а для пущей важности язык свой поганый распускает. Плохие слова, внученька, — те же колючки. От таких людей подальше держаться надо. Лучше стороной их обойти, чем потом из души занозы вынимать.

Сидящего передо мной незнакомца я видела книгой, большой и толстой. Внимательно рассматривая ее, пыталась заглянуть внутрь, но книга была плотно закрыта. Сердцем чуяла: хорошая книга, добрая, мудрая, таящая в себе историю прожитого отрезка нелегкой жизни, не только этого человека, но и многих других. Жизнь была в ней описана не сказочная, а другая, незнакомая мне. Так как я не имела возможность прочесть написанное, то оно предстало передо мной в цветовой гамме. Цвета от нежно-голубого, в розовом ореоле, резко переходили в сумрачно-черные, с редкими проблесками светлых тонов. Книга словно светилась. Затаив дыхание, я мысленно, осторожно приподнимаю плотную обложку, за которой обычно следует чистый лист, который скрывает название книги и имя автора. Мужчина

тревожно дернулся. Книга зашелестела страницами, и я успела заметить, что она заполнена едва наполовину. Прошелестев, книга плотно закрылась, не оставив даже малейшей лазейки проникнуть в нее. Человек все больше и больше притягивал мое внимание, разжигая любопытство. Кто он? Откуда? Куда идет и что ищет?

— Знаешь, я ведь видел, как ты бросала кирпич, но никак в толк взять не могу: ты, такая маленькая девочка, смогла метнуть его на такое большое расстояние. Тут взрослому это сделать не под силу.

Я вздрогнула. Его голос застал меня врасплох, словно вора на месте преступления. Оставив попытку проникнуть в книгу, переключаюсь на действительность. Обычно я стесняюсь чужих людей, но этот незнакомец располагал к себе, и я доверительно поведала:

— Не знаю, но со мной такое иногда бывает, когда сильно-сильно разозлюсь или чего-нибудь очень-очень захочу.

— Часто такое с тобой случается?

— Редко. Бабушка говорит, что этим баловаться нельзя.

— Возможно, она права.

Незнакомец, немного помолчав, заговорил:

— Иногда с нами происходят странные вещи, которые объяснить невозможно. Вот, например, со мною на Курской дуге такая история приключилась. Сижу в окопе, а немец по нашим позициям шквальный огонь открыл. Головы не поднять. Никогда до того момента у меня в душе паники не возникало, а тут места найти не могу. Такой страх в меня вселился! Не выдержал: выскочил из своего окопа и в соседний прыгнул, прямо на голову бойца. И в тот же миг мой окоп прямым попаданием накрыло. Вот тебе и мистика. Тебя, кажется, Тамарой зовут?

Я кивнула головой.

— А ты знаешь, что в Грузии была царица и ее тоже звали Тамарой.

— Знаю, она жила в замке на высокой скале.

— Тебе кто об этом рассказывал?

— Мама. Она песню часто поет про нее, а написал ту песню Лермонтов.

Человек-книга улыбнулся, и я почувствовала, как её листы слегка шевельнулись.

Тем временем бабушка с мамой нагрели в чугунках воду и, вылив ее в бочку, позвали гостя купаться, отгородив его от посторонних глаз ряднами. Снятое белье и верхнюю одежду замочили в щелоке, добавив травяного настоя от вшей.

— Тома, пойдем, поможешь мне, — позвала бабушка.

Зайдя в дом, она велела мне взять тарелку и ложку с вилкой.

— Отнеси в сад, а я пока белье для горемыки достану. — И направилась в другую комнату к своему сундуку.

Каждый раз, когда она его открывала, я с замиранием сердца ждала встречи с Ним, ибо была уверена, что именно в бабушкином сундуке живет домовой, который курит по ночам трубку моего покойного деда. Ведь не будет же бабушка, от нечего делать, класть в сундук табак в узелочке. Я бы на ее месте так не рисковала. Ведь, чего доброго, домовой по неосторожности пожар устроить может.

Каждый раз, когда поднимали крышку, я замирала, надеясь увидеть этого таинственного хозяина дома. Но, к моему постоянному огорчению, он всегда успевал спрятаться. Однажды я без спроса взяла ключ, и отомкнула сундук. Немного подождав, резко подняла крышку. Домовой, как всегда, успел исчезнуть. Тогда я лихорадочно стала искать его среди вещей, но, когда я рылась в одном углу, он ухитрялся перебраться в другой. Надо же быть таким проворным! Перевернув содержимое сундука вверх дном, и никого не найдя, заплакала.

Глядя на учиненный мною беспорядок в его хозяйстве, решила задобрить хозяина дома, за свое внезапное вторжение

— положив ему три конфеты-подушечки, которыми меня угостила мамина подруга, тетя Маша Гойда.

Заметив в сундуке раскардаш, бабушка вначале рассердилась, а потом долго смеялась, наводя в нём порядок. Мне она сказала, что конфет не нашла, значит, домовой принял подарок и не сердится.

Чтобы не проворонить момент открытия сундука, быстро хватаю тарелку, ложку, вилку и кидаюсь в другую комнату. Не знаю, но что-то останавливает меня на пороге, словно в грудь кто-то толкнул. На сей раз, я опоздала. Бабушка сидела на уголочке раскрытого сундука, бессильно уронив на колени руки. По её морщинистым щекам бежали слезы и, падая вниз, оставляли на белой полотняной рубахе мокрые пятнышки, словно от капелек дождя. Одна из слезинок упала на медный крестик. Эта капелька не скатилась, а застыла на нем. Мне вдруг стало невыносимо больно в груди, хочу глубоко вдохнуть, не могу: мешает боль. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем бабушка встала и склонилась над сундуком. Достав со дна аккуратный сверток, развернула его и вынула пару мужского белья, когда-то принадлежащего дяде Пете, который пропал без вести на войне. Нежно погладив ткань своей шершавой ладонью, прижалась к ней лицом и зарыдала, сотрясаясь всем телом. Постепенно рыдания стали стихать, как уходящая гроза. Бабушка отняла белье от лица и, виновато посмотрев на меня, сказала:

— Прости меня, внученька, напугала я тебя, голова моя садовая. — И, прижав сверток к груди, направилась в сад, где за висящими ряднами, в бочке, покряхтывая от удовольствия, купался гость.

Разомлевшего, в чистом белье, незнакомца усадили за стол, где уже дымилась тарелка с постным борщом.

— Не обессудь, разносолов нет, — сказала мама и положила на стол пучок лука и чеснока.

Пока бабушка сливала воду с картошки, хлеб и борщ исчезли.

— Господи, да куда ты торопишься? Чай, за тобой никто не гонится, — говорила она, отрезая, новый ломоть кукурузного хлеба.

Мужчина смущенно улыбнулся.

— Прости, мать, лагерная привычка, да и со вчерашнего дня во рту крошки не было.

Макая в соль лук, он аппетитно хрустел им, обжигаясь, ел картошку, запивая взваром. А, насытясь, стал бездумно смотреть на огонь, пляшущий в утробе плиты. В его глазах я увидела нечеловеческую усталость, тоску, боль.

— Ты, сынок, иди, отдохни, я тебе в зале постелила, мы тут с Марусей пока твои вещи постираем.

Поблагодарив за обед, гость приподнялся из-за стола.

— Ты что же, охальник, в исподнем перед бабами шастаешь? — как гром среди ясного неба пророкотал голос.

Все вздрогнули и оглянулись. По другую сторону перелаза стоял дед Норенко.

— Тьфу, на тебя, леший! — выругалась бабушка. — Разве можно так подкрадываться? Заиками чуть не остались.

— Прямо, так уж и заиками, — довольно проворчал дед, поглаживая бороду.

Надо сказать, что борода у деда была знатная, ниже пупка свисала. Любой леший его обличию позавидовать мог. Густая шевелюра волос касалась плечей, прокуренные усы, свисая, терялись в бороде, сам же он был невысокого роста, коренастый. Дед напоминал мне старый пень, заросший мхом. Я всегда удивлялась, глядя, как он ест. Ну, надо же так ловко находить рот среди волосяных зарослей, при этом не пролить ни капельки содержимого ложки!

— Сватья, — обратился дед к бабушке, кряхтя, перебираясь через перелаз, — я штаны принес твоему постояльцу. Бабка моя давеча на грядке перья с лука щипала ну и узрела, что гость ваш бесштанный.

Дед перелез через плетень, и заковылял к столу.

— Ну, так он же не голый сидит, — возразила бабушка.

— Это, Дементьевна, как посмотреть. Может, мужику неудобно в исподнем перед бабами красоваться, а деться некуда. Не оденет же он Марьину или твою юбку. Верно, казак? — обратился он к нашему гостю. — Накось, примерь; Стешка, царство ему небесное, с тебя росточком был, только чуть посправнее. — И дед протянул ему штаны с лампасами.

Незнакомец неловко стал надевать их, приплясывая то на одной ноге, то на другой. Запутался в одной холошине, и чуть не упал. Смутился, покраснел.

— Да ты не тушуйся, тут все свои.

Наконец гость надел штаны, которые ему были чуть широковаты.

— Казак, чисто казак. Тебе, сынок, только папахи да рубахи с сапогами не хватает, а еще чуба крутого и нагайки знатной.

— Сказал тоже, сват, курам на смех, совсем чуток добавить осталось, и казак готов. Что ж, сам напросился. Совет твой, как мастера, нужен. Можно с ними что-нибудь сделать? — спросила бабушка, доставая сапоги гостя из-под плиты. Дед долго вертел их в руках и, вздохнув, сказал:

— Попробую. Повозиться, конечно, придется, но дело не безнадежное. — Вернув сапоги бабушке, дед присел на лавку. — Зовут-то тебя как, мил человек?

— Данилой, — ответил человек-книга и поднялся из-за стола.

— Доброе имя. Да ты сядь, чего вытянулся, как пионер на линейке, в ногах правды нет.

Дед порылся в одном из своих карманов, и вынул чекушку самогона.

— Ну, чо, бабы-то, небось, тебя взваром потчевали, а солдата с войны надо горькой встречать. — Дед хитро прищурил глаза. — Чай-то, давно этой заразой не баловался?

— Какой я солдат, — тихо сказал Данила, — да и война давно кончилась.

— Не скажи, сынок. Для кого кончилась, а для кого продолжается. И конца ей, треклятой, не видать. Маруся, — обратился он к маме, — ты нам картошечки с лучком положи, хлеб я свой прихватил. — И он достал из-за пазухи полбуханки пшеничного хлеба.

На стол картошку мама подала в чугунке, так она дольше остается теплой. Принесла из дома стопки и, поставив перед мужчинами, вернулась к корыту.

Как-то в разговоре с бабушкой она сказала, что самогон у деда зверь, быка свалить с одной рюмки может. «Как они его пить будут, если он такой крепкий? — рассуждала я, с любопытством наблюдая за мужиками. — Если быка свалить может, то деда с дядей Данилой и подавно. Кто же потом этих бугаев в хату затаскивать будет?»

Тем временем Данила, одним ударом ладони в донышко бутылки, выбил обломок кукурузного початка, служащего пробкой, и разлил зелье по стопкам.

— Ну, за тебя, мил человек. — Дед одним махом опрокинул стопку в рот. Крякнул, понюхал корочку хлеба, и положил ее на стол. Данила отхлебнул, закашлялся, замотал головой и, шумно выдохнув воздух, сказал:

— Крепок зверь! Сам гнал, дед?

— А кто мне гнать будет, не председатель же. Хотя как-то подкатывал ко мне единожды, всё расспрашивал, когда и чего поскольку кладу. Тоже мне, дурака нашел, чтоб свой секрет обалдую выдавать. А водица сия у меня на травах настояна, через кремний цежённая. Другие поставят бутыль на стол, а в ней хлёбово непонятного цвета налито, будто подойник после дойки сполоснули да в неё и вылили. Смотреть противно, не то, что пить. А у меня, зришь, цвет майского мёда, на дне ни малейшего намёка на муть. Тут как-то возвели на меня хулу,

дескать, самогон гоню да трудовой народ отравой потчую. Приехал околоточный, по-нонешнему милиционер, дошлый такой, все углы облазил. Даже к поросёнку в саж заглянул. Искал, искал моё зелье — не может найти. Стращать стал. Мол, посажу тебя, дед, годочков на пять, будешь знать, где раки зимуют. А я ему в ответ, дескать, где раки зимуют, мне давно известно, а вот ты сначала найди то, зачем пришёл, а потом уж стращай. Сбил я его с панталыку своей уверенностью, постоял он, полупал зенками и засобирался уходить. Но настырный же, гад! На прощанье снова в кладовку заглянул, а бутыль с зельем в рядочке с горшками, наполненными мёдом, стоит. Спрашивает: чего это ты, дед, мёд в бутыль налил, как доставать его, потом будешь? А я ему в ответ, мол, много накачал, вся посуда занята, вот пришлось налить в четверть. А доставать проще простого: переверну её на макитру — мёд сам и вытечет.

— А куда же ты самогонный аппарат спрятал, что он не нашел его? — спросил наш гость.

— Так я его, намедни, Ваньке, зятю своему, дал бражку прогнать. Так околоточный и ушёл от меня не солоно хлебавши. Ну что, сынок, по второй?

— Может, не надо, дед? Как-то неудобно получается.

— Э-э-э, неудобно штаны через голову одевать, да и что ты заладил — дед, дед. Иваном меня кличут, и отчество Иванович. С тобой я выпить неспроста пришел. Понимаешь, Данила, душа саднит, огнем жжёт в груди, а пожар сей только водкой погасить можно, да и то ненадолго. Бабы этого не понимают. Один пить не могу, так что окажи милость, поддержи меня.

— Беда, какая случилась, Иваныч? — встревожился Данила.

— Беда, сынок, беда. А беду эту ты всколыхнул. Дуняшка, дочка моя, как услышала, что к сватье солдат пожаловал, всполошилась, к плетню кинулась, думала, что Стефан объявился, ан нет, осечка вышла. Теперь в хате ревет белугой, а бабка ей подголашивает. Они слезами свое бабье горе заливают, а мы с

тобой сей водичкой зальем. Схожу-ка я за следующей порцией, а то бишь ни в одном глазу не дернулось.

«А еще говорят, что быка с одной рюмки валит, — разочарованно подумала я. — Ну почему взрослые постоянно врут? А может дед самогон, водой развел? Бабушка как-то говорила, что у деда снега зимой выпросить нельзя». Пока я об этом рассуждала, у перелаза появился дед с четвертью своего хваленого зелья. За ним шла тетя Дуня с глубокой глиняной миской, в которой горкой лежали нарезанные кусками соты с медом. Глаза у нее были заплаканы. Кончиком белого платочка она их постоянно промокала.

— Ну, атаманша, — обратился ко мне дед, — возьми у Дуняши миску, а ты, Даня, принимай наше пойло.

Такая щедрость была неожиданной. Поставив миску на стол, я вопросительно посмотрела на маму. Та, сорвав лист лопуха, положила на него кусочек сота, истекающго медом, и, подвинув ко мне, сказала:

— Жуй не спеша, а воск не выбрасывай, мы из него потом свечку сделаем.

Дед молча наполнил стопки. Ветерок шептался с кронами яблонь, чирикали воробьи под стрехой дома. Вскрикивали ласточки, улетая от гнезда, где они только что бросили в рот своим ненасытным чадам очередную порцию еды.

— Тишина... — задумчиво произнес Данила. — Бывало, на фронте немец лупит по окопам для острастки, а тебе хоть бы хны, спишь как сурок. А стоит тишине наступить, сам не свой становишься, будто не хватает чего-то…

— Ты, в каком году на фронт попал? — перебил его дед.

— Если не считать командирских курсов, то с начала января сорок второго. — Человек-книга умолк. Обложка откинулась, обнажив белый лист, который робко, с придыханием, приподнялся и замер, потом резко взметнулся крылом вспорхнувшей птицы и перевернулся.

— Первые дни февраля стояли морозные, пасмурные, а в день нашей отправки на фронт солнышко выглянуло. Толпимся мы у теплушек, женщины ревут, ребятишки носами хлюпают. Со мной рядом солдат стоял с семьей. Жена и говорит ему: «Васенька, посмотри, солнышко выглянуло, знак нам хороший Господь подал». А вокруг этого Васи пятеро толкутся, мал, мала меньше... — Данила дрожащей рукой опрокинул стопку в рот, вытер губы рукавом. — Не доехал этот Вася до фронта. Налетели «мессеры», и осколком бомбы у него полголовы снесло. Вот тебе и знак Божий.

Обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, Данила замычал. Дед нервно теребил рукой бороду. Бабушка перекрестилась. На нижнюю ветку яблони уселся скворец, держа в клюве несколько гусениц. Покосился на нас черным глазом и, тяжело взмахнув крыльями, полетел к скворечнику. Появление родителя было встречено таким гвалтом, что даже кот, дремлющий в лопухах, недовольно поднял голову. Данила словно очнулся. Повернув голову, стал наблюдать за скворцом, который по справедливости делил добычу между детьми.

— Растут на нашу голову утробы ненасытные. Почти всю черешню обнесли гопники. А наглецы-то, какие! Поставил чучело, так они об него клювы стали чистить. — Дед почесал переносицу. — Однако уважаю за трудолюбивость, невесть, сколько нечисти с деревьев снимают.

— Заодно и кукурузку взошедшую пропалывают, бурачком не брезгуют, — продолжила бабушка, — трясца их утробе ненасытной.

У перелаза появилась бабка Норенчиха. Руки спрятаны под передником.

— Сватья, поди, сюда.

Вытирая руки о домотканое полотенце, висящее через плечо, бабушка направилась к ней.

— На, вот, Дементьевна, мужикам на закуску, а то ведь на-

чисто окосеют. — Она достала из-под фартука большой кусок сала. — Глядишь, чем суп приправить будет, а то гость ваш больно тощий. В дорогу ему шматочек положишь, пусть поминает наших близких.

— Спасибо, Никоноровна, твоя, правда, дохлый он уж больно, без слез смотреть нельзя. А у нас окромя картошки да зелени ничего другого нет. Масла подсолнечного и того в натруску. Курчонка бы зарезать, да он еще мал.

Скоро на деревянной дощечке выросла горка из кусочков сала, розовато-белого внутри и с легкой желтинкой по краям. Дед вытащил кисет и трубку.

— Балуешься? — спросил он Данилу.

Тот, разглядывая кроны яблонь, отрицательно покачал головой.

— Правильно, не куришь, и начинать не стоит, втянешься — не остановишься.

Раскурив трубку, дед оперся руками на костыль и, положив на них подбородок, стал выпускать изо рта дым, который роился в бороде и усах. Это напоминало тлеющий костер, когда бурьян дымится, а гореть не горит. Мне казалось, что вот-вот вспыхнет борода, даже подуть на нее захотелось, чтобы это скорее произошло. Первым молчание нарушил Данила:

— Знаешь, Иваныч, я в тот миг как наяву увидел его ребятишек и подумал, грешным делом, что лучше бы меня убило. Но, да видно, у каждого своя судьба и своя мера отмерена. — Данила умолк, прикрыл глаза, нервно покусывая нижнюю губу. Потом глубоко вздохнул. — Вот ты сидишь, пьешь со мной, а сам, как пить дать, думаешь, кто я, откуда, зачем землю ногами топчу. — Дед мотнул головой, но Данила опередил его:

— Думаешь, ведь знаю, думаешь, да спросить не решаешься. Боишься, как бы ненароком не обидеть. А я тебе без твоих вопросов отвечу. Я бывший учитель истории, бывший капитан, бывший орденоносец, бывший заключенный — я, отец,

— БЫВШИЙ! Этим сказано все! Иду к маме в Белареченскую и не знаю, смогла ли она выжить в минувшем аду. Вот такая каша получается. Бывший никто идет в никуда. Вот ты, дед, не боишься сидеть со мной за одним столом. А вдруг все завтра изменится и возьмут тебя, старого, за жопу, да и спросят со всей строгостью закона: дескать, что ж ты, старый хрен, пил с предателем Родины, шпионом американским?! О чем с ним говорил, что замышляли вместе? Ну что тогда жирным рожам ответишь? А? — Данила со злостью смахнул со стола чугунок с картошкой.

— Ты вот что, вояка, свои психи брось. Ишь, развоевался. Сейчас же собери картошку и поставь на стол, ненароком сватья с Марусей увидят. Они ее перед тобой от чистого сердца поставили, а ты руками размахался. В другом месте ими махать надо было.

Данила, как нашкодивший ребенок, послушно вылез из-за стола и стал собирать картошку. Я кинулась ему помогать.

— Прости, отец, — тихо сказал он, ставя чугунок на стол.

— Я, Даня, на свете немало пожил, всякого повидал. В людях, слава Богу, разбираться умею. Если бы в тебе злодея увидел, неужто бы с тобой за один стол сел? Сердцем чую, не мог ты слихоманничать. Тут без злых людей не обошлось. — Дед буквально буравил своего собеседника глазами, словно просвечивал насквозь.

Данила спокойно смотрел на него. Но сколько было тоски и боли в глазах солдата!

— Верно, подметил, дед, жил я, не нося за пазухой камня. Душу нараспашку держал, по себе других мерил. Сыграла судьба со мной злую шутку, а в этом ей злые люди помогли.

Данила наполнил рюмки, но пить не стал. Он положил руки на стол и стал нервно теребить пальцы: заламывал их, сжимал в кулаки так, что на них косточки белели. Наконец, обмяк и заговорил:

— Воевал честно. Две медали за храбрость имел, орден Красной Звезды, орден Красного Знамени, представлен был к ордену Ленина, но получить не успел. От младшего лейтенанта дослужился до капитана.

И вдруг со всей силы как хватит кулаком по столу! Так, что четверть подпрыгнула, а из рюмок водка наполовину выплеснулась. Я от неожиданности кусочек воска проглотила

— Суки! — выдохнул он. — Как мы радовались там, на Эльбе, думали, что с ума сойдем от счастья. И кто мог подумать, что в такой момент сволота злой умысел может увидеть в добрых делах. Поверишь, отец, веселились мы как дети, обнимались, плясали, не соблюдая законов танца. Не пели, а скорее орали на разных голосах. Виски, водка — все перемешалось. И уже не найти было своей фляжки. Мы были счастливы! Казалось, что никто и ничто не может омрачить этот миг, миг встречи двух великих армий!

Из глаз Данилы потекли слезы, но он даже не заметил этого. Одним махом выпил содержимое стопки, макнул луковицу в соль, помедлил и, отложив её в сторону, потер виски. Потом потянулся к кисету. Рывком раздвинул тесемки и запустил в него пальцы, но, не найдя там газеты, снова задернул и положил кисет на место. По-детски шмыгнул носом, ладонью вытер глаза.

— Среди американцев был негр — высокий, широкоплечий, одним словом, косая сажень в плечах. Так вот, он был ранен в руку, чуть повыше локтя. Как видно, в медсанбат идти не хотел. Смотрю, а бинт кровью набух, да и повязка неумело наложена. Достал я тогда свой индивидуальный пакет и объясняю ему жестами, что, мол, давай перевяжу. Он заулыбался, головой радостно закивал. Сменил я ему повязку, рана пустяшной оказалась. Пуля навылет прошла. Уселись потом мы на подбитый танк, и давай о жизни толковать. Он по-своему лопочет, я на своем родном языке речь веду. И, как не странно, Иваныч, мы понимали друг друга! По-ни-ма-ли! Негр мне жестами объяс-

няет, что на паровозе работает, а я ему про детей да книжки. Он мне про жену и двух дочерей, которым исполнилось одной девять лет, а второй — три года, фото показывает, а я ему про маму толкую. Парня этого Джорджем звали. По-нашему значит Жора. Достал этот Жора свою записную книжку, написал свой адрес и листик мне протягивает, а сам так горячо о чем-то просит. Понял его, в гости приглашает. Я ему свой адрес оставил и тоже пригласил в гости. Обнялись мы с ним на прощание, и подумал я тогда: «Хорошо, что вот такие парни, как Джордж, по земле ходят». — Данила умолк, отломил кусочек хлеба и, посыпав солью, отправил в рот.

— Так я не понял. За что тебя загребли, за негра что ли? А, они взавправду чернющие, как сажа?

Гость улыбнулся.

— Да нет, дед. Как бы тебе подоходчивее объяснить. Кожа у них темная, на шоколад смахивает, а, вот, что интересно, ладони розовые.

Дед покачал головой.

— Ишь ты, начудила матушка-земля. То черных, то узкоглазых сотворила. Это, вроде, она метит нас, людей, как мы кур. Чтоб не перепутать, откуда родом тот или иной народ. Хитро придумано, ничего не скажешь.

Данила снова потянулся к кисету, но, вспомнив, что в нем нет газеты, обратился ко мне:

— Томочка, принеси газетку.

Я потащилась в хату. Долго и упорно разыскивала газету, пока не обнаружила её в кладовке на мешках. Схватив, вприпрыжку побежала в сад.

— …он сидит гад, откинулся на спинку стула, рожа кирпича просит, да ехидненько улыбается. В руках голубка бумажного вертит. То на хвост поставит, то носиком об стол постучит. Потом взял и кинул его в угол. А голубок плавно так спланировал, слегка в сторону повернул и … тюк … в окно. У меня внутри словно что-то оборвалось…

Данила взял из моих рук газету, оторвал кусочек и, насыпав нужную порцию табака, ловко скрутил цигарку. Обжав один из ее концов, прикурил. Закашлялся.

— Хорош горлодер, свой?

— А то чей же. Сам сеял, сам собирал, сам пушковал, сушил, резал — все сам. Да и хранить тоже уметь надо. Такое дело бабам доверять нельзя, тут мужская рука требуется. Вот будешь уходить, дам тебе попушку на дорогу.

— Нет, не буду начинать. Просто разволновался, думал, легче станет, если закурю, но не идет что-то.

— Не пошло — значит, не надо. Наша организма лучше нас ведает, что ей надобно, а чего нет. Это у меня все внутри прокоптилось. Я тут бабке как-то сказал, что дымить брошу, так она, слышь, что учудила. Говорит: «Так хоть мужиком от тебя пахнет, а то плесенью вонять будет, что от пенька трухлявого». — Дед засмеялся. — Вот с тех пор и не бросаю. А от попушки не отказывайся. Обменяешь на что-нибудь. Что самогон, что табак в наше время — те же живые деньги.

Мужчины умолкли. Солнышко стало клониться к горизонту. Во дворе вразнобой горланили утки, провожая бабушку от сарая до крыльца, требуя очередной порции мешанки. Вот утробы ненасытные, сколько не дай, все мало.

— Ты вот поинтересовался, за что меня арестовали, так я сам до сих пор голову над этим ломаю. Как тому черту в голову могло прийти, будто…

— Помянешь черта, а он уж за спиной стоит, ядреный лапоть. — Дед сплюнул себе под ноги.

Я обернулась. Сердце заколотилось как бешеное. От калитки, помахивая облезлым портфелем, шел мой кровный враг — председатель сельсовета, неся впереди себя пухлый живот.

— Кто это? — поинтересовался наш гость.

— Я же тебе сказал — черт, — проворчал дед.

— Ну, если черт, то, значит, власть местная. Чую, что по мою душу пожаловал.

— Добрый вечер, — важно произнес незваный гость и, достав из кармана платочек, стал вытирать лысину и шею.

Его бесцветные глаза не выражали ничего, словно вместо них были вставлены стекляшки. Как я ненавидела этого человека! Если бы кто знал, как мне хотелось укусить его за пухлую руку, исцарапать начищенные до блеска сапоги и испачкать их грязью! Чтобы, не дай Бог, не поддаться искушению, я опускаю глаза и начинаю рассматривать руки деда. Большой и указательный палец правой руки у него с желтинкой, это оттого, что он постоянно берет ими табак, набивая трубку. Вены крупными жгутами выступают из-под потемневшей кожи, по которой, словно веснушки, рассыпаны бурые пятнышки разного размера. Кожа ладоней огрубевшая, с шершавинкой, как у бабушки…. И вдруг, словно молния полыхнула у меня в голове! Только бы успеть! Зная привычку председателя покочевряжиться, у меня оставался шанс выполнить задуманное. Я вся дрожала.

Вскочив с табуретки, опрометью кинулась в дом. Схватив со стола стакан, взбираюсь на лавку, которая тянется от образов до печки, и сливаю в него лампадное масло. Быстро бегу обратно в сад, сдернув по пути платье куклы, сохнувшее на колышке плетня. Появилась в саду вовремя. Председатель уже начал приседать на табуретку, предварительно постелив платочек с голубеньким цветочком на одном из его уголков. С ходу выплескиваю масло под опускающийся зад, и отбросив стакан в лопухи, я, как ни в чем не бывало, взбираюсь на свою табуретку и честными глазами смотрю на своего врага. Затем беру платьице и начинаю расправлять на нем измятые оборки.

— Кх-кх-кх, — закашлялся дед, прикрывая рукой рот, чтобы скрыть улыбку.

У Данилы глаза на лоб вылезли, а бедная мама остолбенела, прижав к груди тарелку, которую собиралась поставить перед председателем. Почувствовав некоторые неудобства, наш нежеланный гость заерзал, а затем стал медленно подниматься.

— Господи, Василий Петрович, как же Вас угораздило, надо же смотреть, куда садитесь. Чистый стул рядом стоит, а на табуретку Томка давеча масло пролила, Вы в него плюхнуться успели, — запричитала мама.

Пока она вздыхала да охала, председатель, словно загипнотизированный, все еще поднимался из-за стола. А, когда поднялся, то тупо уставился на табуретку, пытаясь осмыслить произошедшее.

— Да, вроде, на табуретке ничего не было, — растерянно промямлил он, оглядываясь вокруг.

Затем провел по своему заду пальцем и, поднеся к носу, понюхал, а для пущей убедительности лизнул. Но все присутствующие были от него на приличном расстоянии, не считая деда и Данилу, сидящих напротив. Я в расчет не шла.

— Ну не мы же с Данилой тебе масла под зад плеснуть успели. У нас вот только самогон, можешь попробовать, если не веришь, — с издевкой проговорил дед.

Председатель уже взял себя в руки и с нескрываемым раздражением сказал небрежно:

— Я пришел сюда не самогон пить…. — медленно начал он.

— Напрасно, много потерял, зелье мое на этот раз как никогда отменное получилось, — вставил дед, перебивая гостя.

Тот, не обратив внимания на реплику, облизнулся и продолжил:

— …а по государственным делам. Надо документы у этого голубя залетного проверить, бродят тут всякие, а бабенки голодные, вроде Маруськи, привечают их.

— Ну, ты вот что, Петрович, полегче на поворотах, а то не посмотрю, что власть, так костылем по кумполу сдану, мало не покажется. Был недоумком в детстве, так им и остался. О Марусиной чести глаголать не надо, она знает, как себя блюсти. Ты лучше за своей Любкой приглядывай, чтобы козу в балке пореже пасла.

— Ты что, свечку держал?

— Не, помогал, а другие козу держали, — хмыкнул дед.

«Почему тётя Люба должна реже козу в балке пасти… — подумала я, — и почему дед ей помогал в то время, когда другие козу держали?» Загадка для меня оказалась непосильной, но спросить деда о чем-либо я не решилась.

Тем временем Данила достал из своего «сидора» железную коробочку, завернутую в полотенце, и вынул из нее сложенный вдвое листок бумаги, который протянул председателю. Тот внимательно стал изучать документ, затем нехотя вернул его владельцу и, брезгливо поджав губы, сказал:

— Таких, как ты, надо было без суда и следствия, сразу в расход пускать, а не нянчиться с вами, предателями.

Данила подался вперед и сжал кулаки. Его лицо сначала сделалось белым как стенка, а затем побагровело, как бурак. Он неестественно задергал головой. Я бросилась к нему, уцепилась за руку и, тряся её, повторяла сквозь слезы:

— Дядька, дядечка, не слушай его, он дурак и убивец!

Мама подала Даниле кружку с водой.

— Шел бы ты, погань, от греха подальше, — проговорил дед, поднимаясь со своего места.

Не сказав никому «до свидания», председатель засеменил к калитке, постоянно оглядываясь назад.

Данилу усадили на стул. Он жадно глотал холодную воду, остатки вылил на голову. Проведя по лицу рукой, облокотился на стол, закрыл глаза и затих.

— Паскудник, он и есть паскудник, — успокаивал его дед, — тебе, сынок, еще не раз с такими нещадными сталкиваться придется. Надо уметь себя держать в руках, ненароком сорвать-ся можешь. Тогда тебе твою биографию заново всю перепишут. Этот так — мелкая сошка. Его у нас не уважают, вон дите малое и то на него зуб имеет.

— Да, Иваныч, власть ты не жалуешь. — Данила открыл глаза.

— Да не власть, а этого гада, — уточнил дед, — он редкостной породы мерзавец, как и отец его, царство ему небесное. Наверное, и на том свете короста пакостить пытается. А знаешь, как он во власть попал? Когда поделили панскую землю, мы на ней от зари до зари спины гнули. Света белого не видели. Копеечка к копеечке складывали, чтобы быка или лошадку прикупить. А эти лодыри за пол-урожая землю другим сдавали, дескать, здоровья нет на ней работать. Получат по осени свою долю — и в гадюшник. Пока не пропьют — из него не вылазят. Потом на всех углах трезвонят, что кулаки их обобрали. Община в то время у нас в селе крепкая была. Законы строго блюла. Вдовам, солдаткам да немощным в первую очередь положенное количество борозд должен вспахать, а потом уж себе. Бывало, староста к каждому пласту придирается. Так же и с уборкой было. Жнейку к ним первым запускали, а землю в порядке содержать должны были сами. Когда в колхозы нас загонять стали, то этих пропойц, как бедноту, начальниками над нами поставили. Так и повелось. Батя начальник, — значит, и сыну портфель найдется. Вот она тебе и справедливость. Сколько у нас умных людей, а ими дураки командуют. Вон, как засерутся в бухгалтерии, так к Марусе бегут, мол, выручай, разгребай им то, что их родня бестолковая натворила, а разгребет, так под зад коленом и в поле с тяпкой. Сколько раз ей говорил: «Не ходи, пусть сами выкручиваются, бестолочи». Так нет, душа добрая идет, а потом ревёт в подушку. — Дед умолк и стал раскуривать трубку.

— А за что ты ему масла под зад плеснула? И разве можно взрослого человека дураком обзывать? Нехорошо получается.

Потупив взгляд, и немного помолчав, я ответила:

— За дело.

— Я понимаю, что просто так, из озорства, ты его наказать не могла. Крепко, видно, он перед тобой провинился.

Я молчала, боялась, что не смогу найти нужные слова, чтобы описать то, что было, а самое главное — разреветься. Мне

никогда не забыть одного из последних дней прошлой зимы, когда председатель пришёл к нам за налогом. К этому времени мама собрала 150 руб., а надо было 190. Не хватало 40 рублей, и, хотя срок уплаты налога ещё не наступил, он стал его требовать. В счет недостачи хотел забрать поросенка, но тот накануне издох. Осмотрев хату, председатель остановил свой взгляд на швейной машинке, единственной ценной вещи в доме. Машинка была нашей кормилицей. Мама ночами шила людям, а они расплачивались с ней, кто молоком, кто кусочком сала. Это была весомая поддержка семье. Лишиться машинки — значит голодовать. Когда он стал снимать её с сундука, мама с бабушкой заплакали и бросились на колени. Но слезы двух беззащитных женщин только подогрели его. Он упивался властью. Бабушка подползла к его ногам. Обхватив их, она стала покрывать поцелуями блестящие сапоги, на которые были надеты грязные галоши. Председатель с усмешкой смотрел на неё сверху. Отпустив ноги, бабушка потянулась к руке. Прижалась к ней лбом, горько рыдая. Тогда он толкнул её в грудь ногой. Та упала замертво. Я закричала, затопала ножками. Мама схватила и унесла меня в другую комнату, где посадила на кровать, с которой я тут же слезла. Не обращая больше на меня внимания, мама стала брызгать водой бабушке в лицо, но, как-то неловко, медленно оседая, упала рядом. Самодельная медная кружка выпала из её рук, и вода растеклась по глиняному полу большой темной кляксой. Я зашлась в крике. Один человек, кто мог мне помочь в этот момент, молча взял машинку и вышел, громко хлопнув дверью. Я обомлела от страха. Как была в чулочках и платьице, так и выскочила на улицу. Бежала, не разбирая дороги по жидкой грязи, вперемешку с тающим снегом, пока не уткнулась в живот деда. Я не могла сказать ни слова. Напуганный дед схватил меня на руки и кое-как занес в хату, где на полу лежали две бездыханные женщины. На его зов сбежались соседи. Приведя маму и бабушку в чувства, успокаивали их, ломали голову, где добыть

эти злосчастные сорок рублей. Но денег ни у кого не было. Ведь на трудодни ничего не давали, и все, как могли, целый год соскребали копейки, чтобы заплатить налог. Чувствуя себя виноватыми, соседи несли нам то кусочек сала, то блюдечко пшеничной муки, а кто пару яиц. Даже бабка Могилина, в тайне от своего мужа, принесла кувшин молока. Дед угостил нас орехами и медом. Бабы тихо плакали, мужики хмурили брови.

Машинка была выставлена в местном сельпо за сорок рублей. Но никто из односельчан её не покупал. По несколько раз в день я бегала на разведку и, возвращаясь, торжественно объявляла:

— Стоит!

На третий день, забежав в магазин, я не увидела машинки. Моё сердечко оборвалось и полетело в пропасть. Ноги приросли к полу.

— Та-ма-ра-ара-ара, по-ди-ди сю-да-да, — донеслось издалека.

Повернула голову на голос. Меня звал завмаг, дядя Миша. Это был старый еврей, осевший в нашем селе после войны. Шагнув к нему, не почувствовала под ногами пола, я словно плыла по воздуху. И вдруг увидела машинку, которая была спрятана в ящик и задвинута под прилавок. Глубоко вздохнув, обретаю способность осмысливать окружающее.

— А зачем Вы её туда спрятали? — спрашиваю завмага, указывая пальцем в то место, где стояла машинка.

Бедолага лишился дара речи. Шаркая ногами, в обрезанных старых валенках, он засеменил к выходу из-за прилавка. Подойдя ко мне, недоуменно уставился туда, куда указывала я.

— Откуда ты знаешь, что она там? — спросил он меня шепотом, разглядывая ровные доски прилавка, выкрашенные в голубой цвет.

— Я её там только что видела, — тоже шепотом ответила я, — она стоит в ящике из-под спичек.

— Через доски прилавка? — недоверчиво спросил дядя Миша, с ужасом глядя на меня. — Фу, — он выдохнул из себя воздух, — задала ты мне задачу, девочка. Ну ладно, вот что, скажи маме, как только стемнеет, пусть приходит к нам домой. Только попозже, чтоб никто не видел. Это будет нашей тайной. Поняла?

Я кивнула головой. Мне не терпелось сообщить эту новость маме с бабушкой. Разворачиваюсь, готовая бежать с радостной вестью, но он меня останавливает.

— Погоди, на вот тебе гостинца. — И наполняет карманчик моего пальтишка цветными, шершавенькими конфетами-подушечками.

Домой летела, словно на крыльях, крепко прижимая ладошкой, край кармана, в котором, прижимаясь, друг к дружке, лежали конфеты.

Вечером машинка стояла на своём обычном месте, а мама, захлебываясь от счастья, уже в который раз рассказывала, что дядя Миша с тетей Любой решили выкупить для нас машинку.

Пока я вспоминала эту историю, дед в двух словах объяснил Даниле, что к чему. Тот молча играл желваками да хрустел пальцами.

— У нас тоже в лагере сволочей хватало, особенно один выделялся. Мы его Адольфом прозвали. Сколько людей на тот свет отправил, сосчитать невозможно. Куражился. Я диву давался, сколько злобы может носить в себе человек. — Данила говорил медленно, приглушённым голосом. — Особенно осенью да весной лютовал. Бывало, построит нас на плацу, дождь ли, ветер, ему нипочём: сам-то под навесом стоит, а мы мокнем. Прикажет одежду снять да вшей искать заставляет. Каждый из нас должен был кусочек стёклышка в кармане носить, чтобы им со швов вшей удобнее соскребать было. Эту процедуру он баней называл. После такой «бани» многих недосчитывали,

царство им небесное, хотя земное тоже бы не помешало. Целыми днями мы лес валили, норма зверская была, еле-еле её выдавать успевали. Не выполнишь, так и без обеда остаться можно. И решили мы его укокошить, да Господь не дал нам такой грех на душу взять, сам с ним расправился. — Данила умолк. Подпёр подбородок руками, прикрыл глаза. То ли трудно ему было вновь вспоминать прошлое, то ли он пытался воспроизвести детали произошедшего. Его никто не торопил.

Зашелестели листья подсолнухов, росших вдоль канавы. Все, кроме Данилы, повернули головы. На дорожку, ведущую к колодцу, выплыла бабка Черкасиха, неся на коромыслах вёдра.

— Добрый вечер, соседушки! Ой, никак, гость у вас? Кто ж такой будет?

Бабушка махнула рукой: уходи, мол. Но любопытная старуха не спешила покинуть нас.

— Иду за водичкой, гляжу, а вы не одни. Дружненько так сидите! Ну, думаю, желанный гость, коль все собрались. Уж не Шурка ли приехал?

Бабка прекрасно видела, что это не мой дядя, просто её сжигало любопытство. Она хотела получить ответы на свои вопросы: кто, к кому, зачем, откуда, куда?

Дед свирепо погрозил ей кулаком и повертел у виска пальцем.

Бабка засеменила к колодцу. Нарочно медленно стала доставать воду, громко звякая вёдрами.

Данила открыл глаза и бездумно стал смотреть на бабку, у которой шею словно заклинило в нашу сторону. Черкасиха смутилась под его взглядом, неуверенно кивнула головой в знак приветствия и, подхватив вёдра, шмыгнула в канаву, под сень подсолнухов, которые охотно скрыли её от нас.

Данила вздохнул, провёл по лицу рукой и продолжил:

— Наш Адольф частенько посещал делянки, как обычно,

пьяный. А тут явился как стёклышко, ни в одном глазу. «Ну, — думаем мы, — не к добру это». Так и вышло. Идёт, по сторонам глазищами зыркает, жертву себе выбирает, как видно, покуражиться захотел. Да, забыл сказать, что наша делянка тянулась вдоль реки, по которой мы лес молем* сплавляли. Берег там был высокий, крутой. И не иначе как чёрт подбил Адольфа пойти по-над самым его краем. Шёл, шёл да возьми и оступись. Охранники, шедшие сзади, глазом моргнуть не успели, как их начальник полетел под откос. Ничего страшного бы не случилось, царапинами да испугом отделался б, но одно бревно зависло на склоне. Когда он налетел на него, то сдвинул с места, и там уже разобрать невозможно было, где Адольф, а где бревно. Помяло его крепко. Долго мучился, пока Богу душу не отдал. Знаешь, Иваныч, хоть и сволочь был, но всё же страшную смерть ему Господь определил, мог бы и помягче обойтись.

— По делам и награда, — сказал дед, крестясь.

Мужчины умолкли.

— Данила, а, правда, что там лес непроходимый? Аль брешут?

— Да нет, всё, правда, Иваныч. Деревья действительно высокие, задерёшь голову, чтобы макушку увидеть, так шапка наземь падает. А где бурелом, так ни пройти, ни проехать. Грибов да ягод в тех местах немерено. Может, и не подохли мы с голода, не замучила нас цинга оттого, что вокруг витаминов море было. А сколько там зверья! Белки, так те чуть не по головам скакали. Хороший край, богатый, но только, видно, я его всю жизнь в чёрном свете видеть буду.

Весело потрескивали в печке дрова, вкусно пахла жарящаяся картошка, вызывая во рту слюну. Кот, предвкушая сытный ужин, тёрся о ноги Данилы, громко мурлыча. Данила взял подлизу на руки, почесал за ушком, под шейкой, отчего кот замурлыкал ещё громче.

*Молем — россыпью

— Голос сорвёшь, бездельник! — засмеялся дед.

— Ну, сват, не скажи, — вступилась за кота бабушка, — он у нас работник, мышек хорошо ловит. Вон вчера Черкасиха взяла его на ночь кладовую сторожить, так он ей крысу поймал. Так что нашего Ваську не хули.

— Ладно, ладно, защитница, нельзя его нахваливать да потачки давать, мигом на голову сядет, и хвост свой свесит.

Я как наяву увидела нашего кота, сидящего у деда на голове, и громко захохотала.

— Ты чего гогочешь? — удивленно спросил он у меня.

— Да я, дедушка, представила, как наш кот у тебя на голове сидит.

Все засмеялись.

— Сват, а картинка получилась бы писаной! Таким портретом самого чёрта напугать можно, — сказала бабушка.

Дед хитро прищурил глаза.

— А вот скажи, Дементеевна, что сейчас кот делает?

— Бездельничает, да песни поёт.

— Ан нет, промахнулась. — Дед поднял кверху палец и, выждав паузу, продолжил: — Он за тебя, сватья, молится.

Бабушка развела руками.

— Ты что, с катушек сошёл? Где это видано, чтоб коты молились?

— Да нет, я в полном порядке. Мне наш батюшка сказал, что когда кот мурлычет, то это значит, что он за своих хозяев молится, то есть молитву за их здравие читает. Вот сама посуди. Ведь ни одну животину в церковь не пускают, а котам в ней находиться дозволено, так что принимай всё, как есть.

— Может, оно и так, батюшке виднее, он ближе к Богу, — вздохнула бабушка и стала подбрасывать в плиту дрова.

— Марья Дементеевна, — смеясь, обратился Данила к бабушке, — вы кота, случайно, не в честь председателя назвали?

— Что ты, отведи Господи, за что же животину так обижать!

Он мне ничего плохого не сделал, а что Васькой назвала, так это у нас почти в каждом дворе такое имя котам даётся, а кошек всех Мурками зовут. С испокон веков так и тянется.

С улицы послышалось мычание коров, возвращающихся с пастбища. Угомонились накормленные утки.

— Скоро бабка принесет нам парного молочка. Поди, соскучился по нему?

— Да я его вкус давно позабыл, — вздохнул гость. — Странное ощущение испытываю сейчас. Я будто не я, и все это, вроде, не со мной происходит. Меня выдернули из привычной среды, а в новой я еще не освоился. Окружающие предметы настораживают, звуки пугают, повсюду, кажется подвох. Но самое страшное не это, а то, что все с нуля начинать надо. Худо-бедно, но в той жизни меня кормили, если это только можно было назвать едой. Здесь же самому пищу добывать надо. Непривычно и немного страшно. Как примет меня общество, как жить с той болью и обидой, которая заполнила мою душу до самых краёв.

— А ты, милок, послушай старого дурака. Не держи в себе своё горе, выговорись, поверь, легче станет. Оно ведь как, получается: построишь на речке запруду, а сток не обозначишь. Вода прибывает, прибывает, давит на нее, давит, да и вырвется на свободу, но только не в том месте, где надо, а где не ждешь. Так и в твоем случае. Спусти всё, что накопилось за эти годы, здесь поймут тебя, глядишь, и полегчает. Надо — поплачь, никто не осудит за слабость. Мы сами с бедой да горем в обнимку ходим.

Наступило молчание, время от времени нарушаемое всплеском воды, в которую бабушка бросала мытую картошку.

Дед вздохнул:

— Вот хмырь Васька, сбил нашу беседу. Ты, кажется, остановился на том, как тебя допрашивать стали.

Данила молчал, словно решался, рассказывать или нет. Потом заговорил:

— Ну что рассказывать, стал меня краснооколышник спрашивать, о чем я с негром говорил, что он у меня выпытывал, что обещал. И все сводил к одному — зачем к себе в гости звал. Я рассказал все, как на духу. Вижу: не нравится ему мой рассказ, не верит. Потребовал адрес Джорджа. Я его отдал. Повертел гад бумажку в руках и положил к себе в планшетку. Потом повез к себе, где со мной уже по-другому разговаривали. Сорвали погоны, забрали ордена и все бумагу заставляли подписывать, будто я на американскую разведку работаю.

— Били? — поинтересовался дед.

— Били, страшно били, нахлебался вдоволь собственной кровушки. Со мной в подвале лейтенант сидел. Вина его была в том, что не так приказ сверху выполнил, не стал в лобовую дот брать, не бросил своих солдат под пулеметный огонь на открытом месте, а схитрил. Смог обойти площадь и, зайдя немцам в тыл, уничтожить проклятый дот. Знаешь, Иванович, сколько солдат полегло в минувшей войне от самодуров, которые, лишь бы отрапортовать о взятой высотке, не задумываясь, целые дивизии бросали в мясорубку. Хотя этих потерь можно было бы избежать. Так вот, подавил лейтенант дот, а полковнику неймется. Ослушался, видите ли, подчиненный. Устроил ему, по всей форме разнос. Тому бы промолчать, а он не выдержал и послал полковника к такой-то матери. Тот мигом состряпал донос на лейтенанта. Ты только послушай, отец, что ему припаяли: подрыв изнутри мощи Советской Армии и передача врагу сведений о дислокации наших войск на Дальнем Востоке. Во, как закрутили! У лейтенанта казах в роте был, так его в связные определили. Дескать, через него он сливал информацию. Казаха арестовать не успели, погиб парень в бою, зато лейтенанту за двоих досталось. Вот он и посоветовал мне бумаги подписать. «А то, — говорит, — забьют до смерти». Подумал я, подумал и решил: подпишу — враг народа, не подпишу — тоже враг. Подписал. И месяца через три валил лес в Сибири. Если бы

кто видел, сколько там невинного народа маялось! Были те, кого еще в 30-х годах загребли. Ой, Иваныч, всего рассказать невозможно...

— Ну а почему вы Сталину не черкнули, может, он об этом ничего не ведал? — Дед вздохнул и сам же ответил на свой вопрос: — Хотя какой хозяин не знает, что у него на базу делается. Вон, сын сватьи, Петька, царство ему небесное, Беломорский канал рыл. Без суда хлопца замели. За что, про что, никто не знает. Ходила сватья к главному начальнику, чтобы узнать, в чем парня обвиняют, так эта погань наорал на нее, настучал и из кабинета взашей вытолкал. Когда Петя возвернулся домой, то такие страсти поведал, что кровь в жилах стыла. Тех, что от голодухи падали, живьём зарывали. Петька говорил, что этот канал костьми людскими вымощен. Неужто хозяин страны не знал об этом? Сумлеваюсь я что-то. Прав был Колька, а мы, дураки, его осуждали. — Дед погладил бороду.

— Кто такой Колька? — поинтересовался Данила.

— Да мужик местный, радистом работает. Балагур, весельчак был, все на гармошке наяривал, девки за ним табуном ходили. Ну и угораздило его под окнами председателя частушку пропеть. Как ее там …— Дед почесал затылок. — Ага, вспомнил!

Мы работаем за палку,
Что зовется трудодень.
Черствый хлеб едим мы с луком,
В Кремле мясо — каждый день.

Вернулся домой в 47-м без ноги, бревном ее на лесоповале придавило. А так как в технике у нас никто не кумекал лучше его, то Кольку определили радистом. Правда, радио пока в дома не протащили, но в бывшем доме кулака Свиридова поставили огромный черный ящик, горластый, не приведи Господи! Бывает, вытащит он его на улицу да как врубит — на дальних окраинах села собачий лай перекрывает.

Когда Еська умер, из района начальство прикатило и нака-

зало Кольке своего горлохвата на площадь выставить. Примостил он свой ящик на пеньке возле кузницы, и давай та коробка голосить на все село. Музыка жалобная такая. День выл ящик, два, три, а на четвертый не выдержал Колька, напился да и сменил пластинку. Вместо похоронной музыки как грянула плясовая! Вначале никто ничего не понял, а потом смеяться стали. Начальство только к вечеру очухалось.

— Ну и что за это Кольке было?

— Да собственно ничего, пожурили, на десять трудодней штрафанули, да и только. Председатель сам в растерянности был, не знал, какому Богу надо было начать молиться.

Дед встал, подошёл к плите, и, вынув из неё головешку, прикурил.

— Сват, да спички — то на выступе плиты лежат, — сказала бабушка, возвращаясь от колодца, — чего зря пальцы жжёшь? От спички, чай, удобнее прикуривать.

— Ничегошеньки вы, бабы, в сем деле не понимаете. Здесь главное…, ну как тебе доходчивее объяснить…., вот, когда прикуриваешь от спички, то один вкус, а от уголька другой. Он, так сказать, служит приманкой к предстоящему удовольствию. У него свой дух — особенный, чистый, а у табака — многообещающий, который приятно дурманит. Спичка, она и есть спичка, хотя из дерева сделанная. Там весь вкус сера портит. Недаром в народе говорят, что третий лишний.

— Так ты что спичками не пользуешься при курении?

— Нет. У меня на этот случай огниво припасено. Правда, запах не тот, но всё же приятнее спички. Теперь понятно, голова твоя бабья?

— От чего бы ты не прикуривал, всё одно — табачищем воняет.

— Нет, ты только послухай, Данила, что она мелет. Сама ведь, небось, всякими одеколонами духмянится, вот уж откуда вонища прёт, а нас табачком попрекает. Сам-то, солдат, как считаешь, от чего лучше прикуривать?

Данила, улыбаясь, пожал плечами.

— Да я, если честно сказать, об этом никогда не задумывался.

— Плохо, что не задумывался. Просто глотать дым — одно дело, а получать удовольствие — другое.

— Ну, чего ты разбухтелся? Кто как умеет, тот так и прикуривает, — прервала деда бабушка.

— Вот именно, кто как умеет, — ворчал дед, умащиваясь на прежнее место.

Попыхивая трубкой, он о чём-то напряжённо думал. Данила положил сцепленные руки на затылок и, разведя их в стороны, рассматривал кроны яблонь. Кот лениво дремал на развилине одной из них, смешно свесив вниз голову с высунутым язычком.

Дань, вот ты тут о командирах самодурах говорил, так неужто управы на них не было? Я вот об чём подумал. Сколько бы мужиков домой возвернулось, сколько бы деток народилось на свет божий.

— О какой управе ты говоришь, Иваныч. Приказы на войне не обсуждаются, даже если они дурные, как ты говоришь.

— Да, офицерство нонешнее не то, что прежде было.

— Можно подумать, что при царе ничего подобного не происходило.

— Тут я с тобою чуток поспорю. Оно, конечно, были блямбы, не без этого. Завсегда в стаде, хоть одна паршивая овца, да найдётся. И всё-таки теперешние офицеры не чета царским, у них даже той стати нет, коя была у прежних. Тех даже за версту в цивильной одежде можно было отличить от простолюдина. Что выправка, что походка — заглядение! Сейчас таких редко повстречаешь. Какие-то все прижученные, плечи и те развернуть не могут. Да и благородства в лицах поубавилось. А главное, солдаты страх перед своими командирами потеряли. Это плохо.

— О каком таком страхе ты говоришь? Между офицером и солдатом должны быть….

— ...Панибратские отношения! — вставил дед, — нет, дружок, я старый солдат, и супротив таких отношений.

— Я не говорил о панибратстве, — возразил Данила, — а….

— Один чёрт, — снова воткнулся дед в речь нашего гостя, — не согласен с тобой! — он хлопнул ладонью по столу. — Видел я как эти нонишние, с подчинёнными водку с одного котелка хлебали до поросячьего визга.

— Значит, на то причина была! — вскипел Данила.

— Да не может быть никаких таких причин! Командир должен быть командиром, а солдат солдатом. Вот тогда порядок будет. Каждый должен знать свой шесток! Раньше как было? Поднесёт тебе командир чарку за хорошую службу, опрокинешь ёе, крякнешь, утрёшься рукавом, а на сердце трубы играют! А что теперь…? — Дед в сердцах сплюнул себе под ноги.

— То было в царской армии…

— А я в ней и служил. За матушку Россею не хуже нонешних солдат переживал. Надо было бы жизнь отдать — отдал. Что при царе, что при советах, солдат за неё родимую бился, за детишек, баб со стариками. Когда нас в атаку командиры поднимали, то, что кричали? За царя! За Отечество! Что кричат нонешние командиры? За Родину! За Сталина! Получается одно и тоже.

— Не скажи Иваныч, — возразил Данила, — то царь, а то Сталин.

— Ну и чем же они отличаются друг от друга? Царь был главою Россеи, Сталин — Советского Союза. Названия только разные, а земля-то одна. Вот перед тобою стоит миска, назови её корытом, а она, как была миской, так ею и останется, портки в ней не постираешь.

— А забыл, как тебе зуботычины подносили? — вставил Данила.

— Не забыл, помню. Но зуботычина не штрафбат, и тем более не лагеря, куда вас ни за што, ни про што загоняли. Такие

слова, как командир слуга Отечеству, отец солдату, не всем нонишним офицерам ведомы. А почему? Да потому, что раньше это ремесло из поколения в поколение передавалось. От деда к отцу, от отца к сыну. И они с пелёнок сии слова зубрили. В революцию офицерство под корень извели, а на их место голытьбу взяли, да и стали командирскому делу обучать. А костяка-то нет, на чём мясу нарастать? Смешно, из неграмотных лапотников решили цвет армии сделать. Оно пару слов связать не может, а туда же — офицер! Ядри его мать!

— Дед, да ты, что хочешь сказать, что у нас нет грамотных командиров?

— Я сего не утверждал. Во все времена находились умельцы блох ковать, только результат разный получался. Видишь ли, желающих много, а умельцев — раз и обчёлся. Одни шли на офицера учиться, чтобы землю свою горемычную защищать, а другие, чтобы из толпы выдвинуться, заметнее стать. Так вот что я тебе скажу. Первые сполна армейской каши поели, а вторые, пока первые корячились, по их спинам наверх лезли, соблюдая закон курятника. Знаешь такой?

Данила отрицательно покачал головой.

— Клюй ближнего, сери на нижнего, и без передыху лезь на верха.

Наш гость рассмеялся.

— Чо ржёшь, разве я не прав? Вот ты говоришь, что окопных вшей вдоволь покормил. Верю. Рядом с тобою такие же были. Так ответь мне, много ли вас новоиспеченных командиров в живых уцелело? Молчишь? То-то же. Чай на ваших курсах не успевали лейтенантиков штамповать. А всё потому, что ложили они свои горячие головушки на сырую землицу от недоучения. Спросишь, кто виноват? Отвечу. Те самые, вторые, которым не терпелось отрапортовать о выполненном поручении.

— Это как понимать?

— Как хочешь, так и понимай. Что, скажешь, вас там всяким премудростям обучали? Сумлеваюсь. Я не был на тех

курсах, но скажу тебе, что больше половины того, чему вас там обучали, никому не нужно.

— Погоди, Иваныч…

— Не погожу, коль начал. Прочитав устав, без навыка окопа хорошего не выроешь. Правильно вырытый окоп тебе жизнь спасёт, а твой устав и от града не укроет. Почему нас стариков не позвали, не посоветовались с нами, а ведь мы могли бы многому вас научить. Да что там говорить. Нужны были командиры, нужны. Но к этому с умом подходить надо было.

— Объясни.

— Очень просто. Нельзя было мальчишек восемнадцатилетних на эти курсы записывать, а надо было брать мужиков посолиднее, которые жизнь повидали, жену, детей имеют.

— А при чём здесь возраст?

— Да притом, что люди в годах жизнь ценить научились. Они сначала всё взвесят, по полочкам разложат, потом дело делают, а молодёжь по зову сердца живёт, не по уму. Теперь ответь мне, только честно, приходилось отдавать приказ человеку, который тебе в отцы годиться? Это мой первый вопрос. Второй — где ты видел, чтобы стаей молодой волк верховодил?

— Отвечаю на первый. Приходилось и не раз.

— Ну и как ты себя чувствовал? Уютно?

Данила задумался.

— Не совсем. Присутствовало чувство неловкости, но это было поначалу. Потом межвозрастная грань стёрлась сама по себе.

— Вот значит как, стерлась, говоришь. Нет, милок, просто ты почуял власть над людьми, которые, по вашему уставу, огрызнуться не смеют, а тем более советы давать. Как же, не приведи, Господи, так и командира в военной неграмотности уличить можно! А этого делать нельзя, — подрыв командирского авторитета! Сам же сказал, что приказы не обсуждаются. Ты на меня не обижайся, что вот так, буром на чины пру. Из десяти восемь этого заслужили. Трудно было, понимаю, но на

одном «ура» не выедешь. Немцев-то мы в большинстве случаев, поначалу скопом брали, а он нас техникой давил. Слава Богу, быстро очухались, стали поболее делать танков, да пушек. Но всё же, кто побашковитей был, тот сам уцелел и солдат уберёг. Ты ведь только что мне поведал о лейтенанте. Выходит, нацепить погоны одно дело, а стать настоящим командиром — другое. Редко кому золото погон глаза не застит. Командир не только в военном деле должен кумекать, но и знать, сколько у солдата вшей, и где они в данный момент находятся. Первое и второе не всем удаётся совместить.

— Вот тут я с тобою, Иваныч, согласен. Надо не только уметь приказы отдавать, но и самому быть уверенным в правильности поставленной задачи. Быть примером для подчинённых, начиная с внешнего вида….

Не дав Даниле договорить, дед снова перебил его, и радостно хлопнув себя руками по бокам, воскликнул:

— Наконец-то, родил! Об этом я тебе уже битый час толкую. Насмотрелся я на этих командиров и до войны и после. Особенно с лётчиками хорошо знаком.

— Господи, да каким ветром тебя в авиацию занесло? — удивился Данила, напрочь забыв, о чём говорил до этого.

— Да, как-то ездил с Марусей к Шурке, уж больно хотелось на ероплан вблизи посмотреть.

— Ну, что, посмотрел?

— А как же, аккурат, как тебя сейчас зрю. Шурка даже хотел прокатить на нём, да я струхнул малость.

Данила громко рассмеялся. Дед обидчиво поджал губы.

— Думаешь легко на такое решиться человеку, который только на лошадях, да волах ездил? Вон, когда паровоз увидел, и то глаза от страха закрыл. Маруся так и затолкала меня в вагон, как слепого. Так то на земле было, а тут небо…. Да, вот, между прочим, Шурка настоящий офицер, до мозга костей. Прадедовская кровь. Что стать, что взгляд!

— А что он потомственный военный?

— Можно сказать и так. Его прадед от звонка, до звонка оттрубил, а это четвертак будет. Он солдатом начинал, но за хорошую службу, да храбрость, ему офицерский чин пожаловал царь. Сватья рассказывала, что у него вся грудь в крестах была — полный георгиевский кавалер. Во как! Так и похоронили его вместе с ними в станице Упорной. Ему и земельный надел был пожалован. Да ведь детей тогда помногу рожали. После его смерти поделили наследники эту землю меж собой, каждому с ладошку досталось, а к той ладошке беды клин. Сватью до сих пор в селе, нет-нет, да и назовут барыней. Даже Шурке в 33-м припомнили прадеда офицера, чуть в лагеря не упекли. Хорошо, что его отец дошлым мужиком был, намного вперед зрил, книг несметное множество прочёл. Он когда узнал, что народ в колхозы загонять собирается власть, пришёл домой, пожёг все документы, да всё остальное, что связывало его с прадедом, лёг на кровать и помер. Перед смертью наказал Дементеевне, чтобы она Петра со Стефаном отделила. А когда, мол, в коммуну сгонять начнут, то чтобы первой заявление подала. И как в воду глядел. Раскулачили бы их, ведь хозяйство по тем временам крепкое было. Батраков, правда, они не нанимали, сами горбатились, может, ещё это их спасло. А Шурка, когда парнишечкой был, приглянулся нашему пану. У того своих детей не было, вот он и положил на него глаз. Сначала просто, от нечего делать, стал заезжать на пастбище, где малец коров пас, беседы умные с ним вел. Потом позвал Ивана, — Шуркиного отца, так, мол, и так, твоему сыну учиться надо, а не коров пасти. А Иван говорит пану: «Надо. Но кто деньги зарабатывать будет?». К тому-то времени у них в семье восемь детей было. Пан крепко подумал, да и положил ему харчевые за сына — рубль в месяц. По тем временам это большие деньжищи для села были. Вот и стал Шурка каждый день к пану на учение ходить, как на работу. Тот его сам обучал. Башковитый мужик был. Он парня заморским языкам учить стал, говорил, что это в жизни ему пригодится.

Бывало, скажет Шурка чего-нибудь не по-нашему, а ты стоишь и думаешь — толи обругал тебя, толи чего умное ляпнул. А ещё каждое лето Шурку на море увозил, где премудрости морского дела вдалбливал — кораблик под парусами водить учил. О всяких полководцах ему рассказывал, ну и сбил парня с панталыку так, что и сам не рад потом был. В 14-м году сбежал Шурка на фронт, а вскоре и похоронку на него получили, в то время парню шёл всего 17-й год, правда, выглядел он на все двадцать. А какой красавец был! Плакал пан, как за своим дитём. Говорил сватье: «Прости, мать, не углядел. Хотел его своим наследником сделать, да видно не судьба».

— После революции, что с паном стало?

— Один Бог ведает. Он вскорости продал имение и уехал в белый свет. С тех пор о нём, ни слуху, ни духу.

— Так если Шурка погиб, то, как ты мог к нему в гости ездить?

— Так он живой. В том бою его ранило, свои приняли за мёртвого, да при том еще отступили. Шурку подобрали немецкие санитары, они-то и приволокли его на перевязочную. А там на него обратил внимание один поляк — офицер. Когда узнал, что Шурка по-польски, по-немецки, да по-французски болтать умеет, то обалдел. Стал выспрашивать у него, где и у кого обучался. Шурка поведал ему свою историю. Поляк тот не простым гусем был. Немцев ненавидел, как чёрт ладан, хотя с ними в одной упряжке ходил. Взял он Шурку под своё крыло, и в какую-то военную школу определил. И стал наш парень юнкером величаться. Пока суд да дело, революция, будь она неладна, на нашу голову свалилась. А Шурка же к тому времени с большаками связался. Опять на фронт удрал, только теперь с польского эшелона, когда их повезли с красными воевать. Поначалу служил рубакой у Будённого, а после на Балтике матросом. Когда закончилась Гражданская, поступил в лётную школу, и только потом дома объявился. Сватья чуть с ума не сошла от радости. Вот так он и посватался в офицеры.

— Выходит, что он на фронте в авиации служил?

— Только первые четыре месяца ломал хвосты немцам, если память мне не изменяет, то, кажется, он четверых укокошил. Но немцы тоже не промах, подбили Шурку. После госпиталя комиссовать хотели, да он здорово заартачился. Полгода в лётной школе учительствовал, а после добился самолёты испытывать. Однажды при испытании у одного самолёта штурвал заклинило, но Шурка смог его кое-как посадить. Только старые раны сильно потревожил. Подлечился маненько, а после лечения ему полк доверили. И вот, что значит судьба, снова его приложило, крепко, по-мужски. Живым чудом остался. Санитарочка Лена, его раненого, собой закрыла от пуль. Царство ей небесное…. — дед перекрестился. — Как ты думаешь, где его ранило?

Данила пожал плечами.

— Под Варшавою! Как будто круг замкнулся. Странно всё же судьба людьми крутит. Опять по госпиталям скитался, а после снова в испытатели. Вот ведь какой упрямец! А ты ранения имеешь?

— Не без этого. Серьёзных три, две лёгких контузии, а по мелочи — не счесть.

— Да, паря, приласкала тебя война, ничего не попишешь, хорошо, что живым остался. Так давай за это выпьем.

— Может уже хватит, дед?

— А мы понемножечку, так, для видимости.

Дед плеснул в рюмки своего зелья. Мужчины выпили.

— Ты давай сальцем заедай, а то начисто окосеешь.

— Да, по-моему, я уже и так готов.

— Ничего, страшного, вон достань воды из колодца, окуни голову, и снова будешь как огурчик.

— Придётся последовать твоему совету.

— Ну, последуй, последуй. Полотенце не забудь захватить, а то рубаха намокнет.

Дед с усмешкой наблюдал за Данилой, пока тот принимал водные процедуры.

— Хилый мужик, и десятка рюмок не выпил, а уже скопытился.

Довольно покряхтывая, наш гость вернулся от колодца. Повесив на верёвку полотенце, сел на своё место.

— Ну вот, начал с огурцов, а кончил капустой, — вздохнул дед.

— Ты к чему это, Иваныч? Что-то я не понял тебя.

— Тут и понимать не надо, речь у нас с тобою о командирах шла, а перекинулась на Шурку. Хотя одно с другим крепко связано. Когда я у него гостил, то вечерами мы с ним подолгу обо всём гуторили. Он мне много чего интересного рассказал о командирах. Вот, например, был у них начальник училища — Попов. Шурка о нём уважительно отзывался. Так этот Попов больно злился, что лётному делу часто присылают обучаться обалдуев. Гонял он своих подчинённых, страсть как. А те злились на него, считали, что он придирается к ним, мол, зачем нас учить как себя за столом вести. Считали, что это лишнее. Нет, ты только представь, из какой дыры надо было выскочить, чтобы не знать, что масло, поданное к чаю, на хлеб надо намазывать, а не ложить его в стакан.

— Как в стакан? — удивился Данила.

— Обыкновенно, ложкой.

— Может они, таким образом, горло лечить вздумали

— Какое горло? Они к девчатам в гости пришли, а те их чаем решили попотчевать. Поставили на стол хлеб, масло. Ну, летуны и попили чайку, сунув в стакан по две ложки масла. У девок глаза на лоб повылазили. Правда, Шурка выручил их, сказав, что когда не хватает времени, то они так чай пьют — по скорому. Шурку Попов уважал. Во-первых — учился хорошо, во-вторых, был толмачом, когда приезжали мастера из-за границы. Шурка только один раз опростоволосился, ероплан покалечил, но не разбил. Там что-то с мотором не так было. Снаружи всё нормально, а внутрях неисправность, это потом уже механик

ихний докопался. Одним словом, посадил носом в землю, а сам из него вылетел, как ядро из пушки. Он потом этот ероплан даже на карточку снял. Ты попроси Марусю, она тебе покажет. Так вот, о командире этом — Попове. Надоело ему смотреть, как летуны бьют машины, и придумал он, как отучить их от этого. Представь, разобьётся кто-нибудь, а Попов собирает их всех вместе, да и показывает то, что от лётчика осталось, а потом приказ отдаёт — все в небо! Что ж ты думаешь, меньше стали летуны гробиться. Шурка говорил: — «Летишь, а перед глазами видишь то, что от тебя может остаться». Вот это командир я понимаю! Многие, конечно его осуждали, но я скажу — прав мужик.

Со двора раздался яростный лай Дружка, и тут же оборвался на высокой ноте радостным повизгиванием.

— Никак, кто-то из своих, — изрек дед.

Все повернули голову в сторону двора. В зеве распахнутой калитки стояла моя крестная. Я ее звала маманькой. Она неотрывно смотрела на нас, близоруко щуря глаза, затем медленно стянула с головы косынку и, прижав к груди, радостно крикнула:

— Петя, Петечка!

Распахнув руки для объятия, она побежала напрямик через капустную грядку. Мама с бабушкой ахнули, прикрыв ладонью рот. Дед и Данила соскочили со своих мест. Вдруг маманька резко остановилась, шагнула назад и, слегка поведя головой из стороны в сторону, отмахнулась от нас рукой, словно увидела привидение. Затем стала медленно-медленно опускать руки, которые, в конце концов, повисли, словно плети. Косынка выпала из ослабевших пальцев ей под ноги. Не издав ни звука, крестная падает на грядку лицом вниз, потом резко переворачивается на спину, и страшный крик разрывает напряженную тишину:

— Господи! За что, за что ты так со мной!

Она начинает выгибаться, хрипеть, загребая пальцами землю. Первым очнулся дед.

— Данила, тащи сюда бабу, не ровен час, преставиться сердешная.

Данила, смешно прыгая меж кустами капусты, побежал к ней. Подхватив на руки разом обмякшую крестную, понес к нам. Мама бежала от колодца с ковшиком холодной воды. Белую, как стенка, маманьку положили прямо на траву, и стали брызгать в лицо водой.

— Господи, — заплакала бабушка навзрыд, — Маруся, посмотри, она кофточку одела, в которой Петю на фронт провожала.

Сначала дрогнули веки, потом открылись глаза. Они были как неживые, остекленевшие, смотрящие Бог знает куда. Глубоко, со всхлипом вздохнув, маманька попыталась подняться. Мама и Данила бросились ей помогать, а, усадив на табуретку, дали воды. Слезы ручьем текли по ее щекам, падая в ковшик. Мне стало не по себе. Создавалось впечатление, что крестная пьет свои слезы, которые тут же вытекают обратно. Бабушка сняла с ее головы, прилипшие к волосам травинки и, уложив на затылке тяжелую косу, сколола заколками.

— Ну, будет, будет, дочка, — сквозь слезы приговаривала она, гладя её по голове, словно ребенка.

На крик крёстной прибежала тетя Дуня и бабка Норенчиха. Дед их обругал:

— А вы, вороны, зачем слетелись? Ядрен корень! Кыш отседова, без вас тошно…

— Не ругайся, батя, гуртом оно как-то легче, — тихо сказала тетя Дуня.

Дед досадливо махнул рукой, подошел к столу и налил стопку самогона.

— На. Рая, выпей, легче будет.

— Водкой горе не зальешь, — отмахнулась та от рюмки, и тяжело поднялась с табуретки.

Повязав на шею косынку, повернулась к Даниле.

— Обними меня, — почти шепотом попросила она его.

Данила растерянно оглянулся.

— Да не бойся, не съем тебя! — И, шагнув к нему, обняла

за плечи. С решительным отчаяньем крепко поцеловала в губы. Отстранилась, вздохнула.

— Росточком ты, как Петя, такой же чернявенький, только мой посправнее был. А пахнешь, как он после бани.... — И беззвучно заплакав, направилась к калитке.

— Рая, поужинай с нами, — предложила бабушка, семеня следом за ней.

— Мамочка, родненькая, не могу, корова, наверное, уже под калиткой толкется, как бы не пришлось ее, потом до полуночи в балке искать. Да, вот еще что. У меня там рассада осталась, завтра принесу, насадим, где повредила. Правда, поздновато высаживать, но должна приняться.

— Да Господь с этой капустой! Не думай об этом, — отмахнулась бабушка.

— Господь-то Господь, а зимой на стол что-то надо ставить.

Проводив маманьку, бабушка вернулась к плите. Все молчали. Бабка и тетя Дуня побрели к перелазу, расположенному между двух старых яблонь, кроны которых тесно переплетались меж собой. Эти яблони напоминали ворота с аркой. Солнышко склонило голову к горизонту и сейчас заглядывало в них своим кровавым глазом. На его фоне фигуры двух женщин смотрелись одиноко и беззащитно. Солнце словно заглатывало их. Молчание нарушил дед:

— Ах, Даня, Даня, вот что я тебе скажу, сынок. Твоя беда — это полбеды, а настоящая, вот она, — он махнул рукой в нашу сторону, — бабья, одним словом. Ты на фронте четко знал, что впереди фриц и его бить надо. Худо-бедно, может, не всегда досыта, но тебя кормили, одевали, а бабы? Они по сей день, в окружении находятся, или, по-вашему, по-военному, — в котле. И не знают, с какой стороны от кого и от чего отбиваться. От холода, от недоедания, от работы не бабьей, от одиночества, ожидания, ночей бессонных… Господи, да всего и не перечис-

лить. Вот, вроде, кончилась война, а для баб она продолжается и не кончится до самого их смертного часа. За день намаются бедолаги, ведь и бабья, и мужская работа на них, а по ночам в подушку воют. Ладно,еще тем, кто похоронку получил, да в ней прописано, где погиб, где похоронен. Тем, вроде, легче, могилка родная есть. А вот каково нашим бабам: Рае, Пелагее, Дуняшке, сватье моей. Одна детей с фронта не дождалась, а другие не жены, не вдовы. — Дед умолк. Он нервно теребил набалдашник своей палки, время, от времени приподнимая и ставя ее на место. — Мне как-то говорит дочка: «Батя, снится мне плохо Стеша, будто бродит по земле неприкаянным. Дойдет до околицы — назад поворачивает; неужто убит, да не похоронен по-христиански? А может, в чужой сторонке мается? И я с ним маюсь. Не знаю, то ли свечку за упокой ставить, то ли за здравие». — И вдруг дед заплакал как ребенок, шмыгая носом. Достал из кармана пиджака платочек и стал вытирать нос и слезы одновременно. Потом затих, глубоко со всхлипом вздохнул и продолжил: — А в том году, на проводах, что учудила: набрала в подол крупы кукурузной и пошла на ферму, где под стрехой воробьи живут. Стала их потчевать, дескать, помяните моего Стефана, вы везде летаете, все на свете знаете, может, на его могилочку присядете, а может, и воочию увидите, так передайте ему от меня привет. Да скажите, что есть у нас теперь сынок Федя, которого я из приюта взяла. Так хоть наша фамилия сохранится. Рыдала за коровником, рыдала, пока ее доярки не услышали. Привели домой, а она все со Стефаном разговаривает, никого не слышит, Стефан да Стефан. Мы с бабкой вначале подумали, что у нее с головою не в порядке стало, но, слава Богу, все обошлось. — Он достал кисет и, набив трубку, закурил. — Вот в толк взять не могу. Чужой ребенок, а похож на Стешу и лицом, и повадками. Такой же работящий, добрый, уважительный. Он нам стал родней родного, души в парне не чаем. Сейчас положенный срок в армии отбывает. Недавно благодарность от командира получила Дуня.

— А что, у них со Стефаном своих детей не было?

— Отчего же, были, трое, — дед перекрестился, — да всех троих в один день похоронили. Царство им небесное. Заболели скарлатиной, повезли в больницу, а обратно получили три гроба. Вот она такая жизненная несправедливость.

Мужчины замолчали. Горьковатый дымок тоненькой ниточкой вплетался в молчание, сея тоску.

— Таких женщин, как у нас в России, наверное, нет нигде, — задумчиво проговорил Данила, — видел бы ты их на фронте, Иваныч. Зачастую нам, мужикам, нос утирали. И подвиги совершали так, как будто обычную женскую работу выполняли. Была в моей роте санитарочка. Танюшка, добрая девчонка, ласковая. Пока раненого перебинтует, раз пять поцелует, ласковыми словами одарит, как маленького, по голове погладит. До сих пор себе простить не могу, что обругал ее, когда она стала молитву читать над умирающим пожилым солдатом. Последними словами крыл, а когда взглянул в его лицо, то понял: для него эта молитва была той самой спасательной соломинкой, вернее, мостиком, по которому он уходил из этого мира в другой, спокойно, смиренно. Лицо его светилось, как у святого. А через неделю Танюшки не стало. Подстрелил снайпер, гад, прямо в висок. Ребята мои озверели. Третий день немцев с высотки выбить не могли. Начальство сверху жмёт — давай, давай! А что давать-то? Окопались суки. Пулеметы, что грибы, вдоль всей линии обороны натыкали. Уже столько ребят полегло, а с места двинуться не можем. Обещали артиллерией подолбить, но, да видно, где-то в другом месте батарея нужней оказалась. А тут стихийно все получилось. Рванулись в атаку без всякой подготовки. Соседи слева и справа, ничего не поняв, всё же поддержали нас. Ну и досталось немцам! Они никак в толк взять не могли, с чего это русские среди белого дня так озверели. Упустили фашисты момент, и он для них роковым оказался. В атаку мы шли молча. Если бы ты видел глаза солдат в тот миг! Сошлись лицом к лицу. Такой рукопашной, дед, ни до, ни после

я в своей жизни не видел. Пленных не брали. Отбросили фрицев за деревеньку и там, у разбитой церкви похоронили Таню, а с нею 17 ребят.

После похорон подошел ко мне политрук и говорит: «Данила Николаевич, что-то я не припомню Вас седым». Посмотрел я на себя в зеркальце, а виски, словно снегом припорошило. Нравилась мне Танечка, прикипел я к ней сердцем после того случая с умирающим солдатом. Так и не успел разобраться со своими чувствами. Может, это и была моя первая любовь? — Данила сжал руками виски, вдохнул широко раскрытым ртом и повел головой из стороны в сторону.

Над столом появилась белая бабочка-капустница. Она то опускалась до самой столешницы, то поднималась над головами. Все молча наблюдали за ней. Наконец бабочка решилась. Села на кусок хлеба и, подрагивая крылышками, поползла к его краю.

— Наверное, это душа Танина прилетела, — вдруг сказала я и поймала себя на мысли, что об этом совсем не думала. Будто кто-то другой за меня высказался.

Все вздрогнули и с удивлением посмотрели на меня. Данила потянул руку к бабочке. Она сначала замерла, а потом взлетела. Попорхав над его головой, поднялась к свисающим веткам яблони и исчезла в них. Данила помолчал немного, а потом продолжил:

— Если бы не Танюшкина смерть, то неизвестно, сколько времени нам пришлось бы у той высотки стоять. Ведь на нашем участке немцы эсэсовскую дивизию выставили. А это настоящие звери. Видел бы ты их, дед.

— И этих видели. Когда фрицы отступали, то они последними шли. Один день в селе простояли, а натворили больше, чем все скопом. Все подчистую выгребли. Ни куренка, ни поросенка — ничего не оставили. После них хоть трава не расти. Спешили проклятые. Красноармейцы им на пятки наступали, а партизаны за яйца дергали. А тут и Господь помог. Накануне их

отступления три дня дождь ливмя лил. Дороги раскисли намертво. Шагу ступить нельзя, чтобы не застрять в нашей кубанской землице. Машины вязнут, лошади пушки вытянуть не могут, так эти идиоты решили им в помощь быков запрячь. А ведь оно как: есть левый бык и правый. Если ты командуешь: «Цоб-цоб», — бык идет вправо, а «цобе-цобе», — влево, «цоб-цобе», — быки идут прямо по дороге. А они правого поставили в ярмо слева, левого — справа. Кричат: «Цоб-цоб, цябе-цябе». Левый бык вправо идти начинает, а правый влево разворачивается, смехота! Народ втихаря из-за калиток выглядывает, смеется, а немцы понять не могут, что с быками творится. Выволокли меня на дорогу, и ихний толмач спрашивает, что это, мол, быки идти не хотят. А я возьми да и ляпни: «Так они до того, как к вам попали, у партизан служили и, как видно, новым хозяевам прислуживать не хотят». Толмач глаза выкатил да как звезданет меня в ухо, аж искры из глаз посыпались. Я как не стоял, лежу в грязи, а он, гад, кобуру расстегивает. Помертвел я весь. «Ну, — думаю, — смертушка моя пришла». А тут, откуда ни возьмись верховой с бугра скачет и орет как потерпевший: «Партизанен! Партизанен!» — и в верности его слов на бугре, за селом, как жахнет снаряд. Тут эти хваленые эсэсовцы не только про меня, но и про пушки забыли. Все побросали, и давай драпать. Партизаны на их спинах в село въехали. До самой Мостовской гнали без остановок, а там наша армия их подхватила. Даня, а почему у них под мышкой что-то вроде печати стоит? Или их метили, как скотину породистую.

— Ну, вроде того. Они считались цветом нации, чистокровными арийцами. Когда попадали в госпиталь, то по этой наколке врачи определяли, что это эсэсовец, и ему в первую очередь помощь оказывать надо. А наколка не что иное, как группа крови.

— Ну, наши не сортировали их по группам, одинаково всем пускали кровушку. Да как! До сих пор с ужасом, наверное, вспоминают, — проворчал дед, попыхивая трубкой.

— Немцы здорово у вас лютовали? — спросил Данила.

— Да как тебе сказать. Наше село Бог миловал. Ни одной хаты не спалили, но народ потрепали. Марусе за всех нас досталось. Видишь ли, когда немцы вошли в село, то согнали жителей на базарную площадь, дескать, посмотрите на нас, вояк. Только их главный рот раскрыл, как откуда ни возьмись, из-за кладбищенского бугра, «ястребок» выскочил. Немцы кто куда. Думали, бомбу бросит, а он всех листовками осыпал. Разозлились они, жуть! Надо же, им смотрины испохабил. Виноватых стали искать. Партизаны, мол, наводку сделали. Нашлась местная паскуда, да и ляпнула им, что это, мол, наверное, Маруськи Легезиной брат покуражился. Он у нее летчик, майор, село как пять пальцев знает. Братья и муж в Красной Армии, и сама комсомолка. Арестовали сватью, Марусю со старшей дочкой. Правда, к вечеру старую да малую отпустили, а Марусю оставили. Все допытывались, как она связь с братом держит. Понимают, что ерундой маются, а все равно своё долдонят, не хотят свой промах признавать. Решили концы в воду опустить. Отобрали из арестованных самых рьяных активистов села и повели на расстрел. Среди них и Маруся была. Привели их на Ходзь и заставили яму рыть. Только хотели в расход пустить, и снова, откуда ни возьмись ястребок летит. «Низко, — рассказывала Маруся, — почти над деревьями». Вот что значит судьба. Кому в огне сгореть начертано, тот в воде не утонет. Увидел их летчик, да и смекнул, что к чему. Полосонул очередью по фрицам. Одного уложил, а остальные в кусты кинулись. Наши ждать не стали, пока те очухаются, ноги в руки и врассыпную. А вояки прибежали в село, кричат: «Партизанен!» Чем бы все кончилось, неизвестно, но к вечеру легковушка прикатила, засуетились фрицы, собрались, и мы их только видели. На хозяйстве одни полицаи остались. Немцы потом только наведывались да указания давали. А те их приказы исполнять должны были. Стали баб на строительство дороги от Мостовской до Лабинска гонять.

Две недели одна партия работает, две — другая. Грабили, но не особо, терпеть можно было. Да и мы, не пальцем деланные, знали, что и куда припрятать. А в тот год много фрукты уродилось они, наверное, отродясь такого не видели. Сами жрали в три горла и в ящиках куда-то отправляли. Ну, наши бабоньки, слышь, Дань, им эти яблоки мочой польют, в ящички аккуратно слоями уложат, да сенцом притрусят. Везите, ешьте, гости дорогие. Хорошо, что не прознали, а то многим бы не поздоровилось. Ну, кое-как прозимовали. А вот в конце мая, целый полк в село на отдых привезли. Месяц на постое были. Усталые, потрепанные. Не мародерничали. На нашем краю среди них только трое злыдней было. Пакостить уж больно любили. То ведро в колодец закинут, то курице голову свернут, а однажды один на поленницу насрал.

Моя бабка возьми да пожалуйся ихнему начальнику, он у нас как раз квартировался. Тот позвал этого гада, и, спокойненько так ему что-то сказал. Тот весь пятнами пошёл, а возразить не смеет. Направился в сарай и оттуда выносит своё дерьмо в горсти. Я так и обомлел. Думал житья от него не будет, но ничего, больше не пакостил, только при встрече злобно косился на меня с бабкой. А начальник, надо сказать, строгий был, страсть! Денщик, бывало, за ним стул всюду носил. Захочет барин присесть — пожалуйста! И вот как-то единожды мой постоялец письмо из дому получил. А в нем карточка. Читал, читал да и заплакал. А надо отдать ему должное: по-нашему болтать умел. Так вот и говорит он мне: «Иван, война плёхо. Гитлер и Сталин лобами бух-бух. Нам гут было б». — «Ну, так зачем полезли к нам, если знали, что война плохо? Чего не сиделось дома у юбки своей фрау?» — спрашиваю его. «Нельзя, эсэс пух-пух делать будет. Мой фрау, — и три пальца показывает, — драй киндер, — сует мне карточку, а на ней бабенка, ладная такая, с тремя девчонками в обнимку сидит, — моя завтра Сталинград ту-ту», — говорит он, а у самого слезы в глазах. Перед отъездом мне пачку сигарет подарил, скажу тебе, — гадость несусветная, а

вообще, они какие-то малахольные. Вот ты, ученый человек, ответь, когда люди гадают?

— На Рождество, если не ошибаюсь.

— Фигушки, это у нас, нормальных людей, в Рождество, а у них летом.

— Летом? Что за ерунда?

— Во-во, — оживился дед, — я и говорю, — ненормальные они. Ну, ляд с ними, дальше слушай. Как-то прибегает моя бабка со двора, плачет: «Дед, — говорит, — немцы нашего гусака куда-то поволокли». — «В суп, наверное», — отвечаю ей. Смотрим, а где-то через час гусак средь своего гарема гоголем вышагивает. Решили мы с бабкой, что наш гусь ихнему котелку не понравился или наоборот. Это мы потом уже от Маруси узнали, что они решили погадать.

Дед повернулся в сторону корыта, в котором мама стирала Даниловы вещи.

— Марусь, иди, расскажи человеку, как все было, — попросил он.

Мама вытерла руки о передник и присела на край лавки.

— Да что тут рассказывать. В тот день я у печки с утра возилась, — начала она, — когда услышала во дворе гомон. Выхожу и вижу: весь двор немцами забит, а посредине круг образован. Ведро с водой, а в нем полбуханки хлеба на дне лежит. Наш петух в кругу стоит да по сторонам озирается. Тут немец прибегает с гусаком под мышкой. Пустил его в круг. Старший фриц крикнул что-то, и все замолчали. Постепенно и петух с гусаком успокоились, стали по кругу ходить. Среди немцев был француз, он у них врачом служил. По всему было видно, что служба эта ему поперек горла стоит. Он хорошо говорил по-русски, Пушкина даже читал наизусть. Я его и спрашиваю, что это, мол, немцы затеяли. А он говорит: «Гадают, кто в этой войне верх возьмет. Гусак — это Гитлер, петух — Сталин. Кто три раза первым хлебушка отведает, тот и победит». Правду ты, Иваныч, сказал, малахольные они. Ну, подумали бы, для гусака вода, что мать

родна, а петуху, ни с какого бока не прилепишь. Ходили птицы по кругу, ходили, и решил гусак напиться. Заглянул в ведро, а там хлебушек маячит. Ну, он долго раздумывать не стал. Сунул голову в воду и отщипнул кусок, немцы ожили, завозились, словно их блохи кусать стали. Но только гусь голову высунул из воды, Петька хвать у него изо рта кусочек и проглотил. Гусю вторая роль досталась. И так все три раза. Расстроились фрицы, понурые сидят, словно самих без хлеба оставили. А француз хлопает меня по плечу: «Радуйся, Маша, — Сталин победит, но случится это не так скоро, как хотелось бы».

— Интересно, первый раз такое слышу, — засмеялся Данила.

— Так Марусе до сих пор многие не верят, когда она эту историю рассказывает. Ну, хватит лясы точить, одними разговорами сыт не будешь, — сказала бабушка, ставя на стол сковородку, на которой шкварчала в растопленном сале жареная картошка с золотистой корочкой на боках.

Раскладывая её по тарелкам, бабушка не забыла и про кота. Положив несколько ломтиков на лист лопуха, позвала Ваську ужинать. Картошка была очень горячей. Кот осторожно трогал её лапкой, перебрасывая ломтики с одного бока на другой. Воцарилась жующая тишина, подпитанная запахом чая, настоянного на травах. Ели молча, помня святое правило: «Когда я ем, я глух и нем.». Вечер вступал в свои права. Угомонились скворцы и ласточки, лениво переругивались под крыльцом утки, настраивали скрипки обитатели трав. Меня начало клонить в сон. Разговор не клеился. Все устали.

— Никак, кто-то идет к нам, — сказала бабушка, подслеповато вглядываясь в конец огорода.

Действительно, по канавке шел сосед, чей огород примыкал к нашему с параллельной улицы.

— Привет честной компании, — начал он. — Вот пришел с работы, а Валя говорит, что к Марусе солдат забрел. Дай, думаю, пойду, поздороваюсь, может, однополчанин.

— Проходи, Аким, садись, — смахивая с табуретки несуществующие соринки, предложила бабушка.

Аким слыл мужиком нелюдимым, неразговорчивым, как и его отец. Считался лучшим трактористом. Все свое свободное время возился по хозяйству, не пил, не курил. Бабы его всегда своим мужьям в пример ставили, на что те, огрызаясь, добавляли: «Ну-ну, ты забыла еще сказать, что он Герой Советского Союза».

Достав из-за пазухи увесистый сверток, Аким положил его на стол. Из карманов брюк извлек десяток яиц и только после этого сел на предложенную табуретку.

— Ты, в каких краях воевал, брат, — обратился он к Даниле, — не артиллерист случайно?

— Да нет, слышал про царицу полей?

— Это пехота, что ль? Я войну с неё начинал, меня уже потом в артиллеристы сосватали. Сказали, что я идеально подхожу для этой военной профессии. Случись ежели что, ну там лошадей или тягача под рукой не окажется, так, мол, я всю упряжку один заменить могу. — Аким засмеялся.

И, правда, он походил на богатыря из сказки. Крупный, широкоплечий, кряжистый.

— А я в пехоте начал войну и в ней же закончил.

— В каких краях воевал, если не секрет?

— Какой же это секрет. Если брать крупные объекты, то под Харьковым был, в Сталинграде немца бил, через Орёл протоптал, а на Эльбе последнюю пулю выпустил, — вздохнул Данила, — а ты?

— Под Москвою дрался, а после госпиталя на Ленинградский попал. Слыхал про Синявские болота? Так я их своим пузом на пару с пушкой сушил.

— Аким у нас герой, Золотую Звезду носит, — вмешалась в разговор бабушка.

Аким мгновенно стал суровым.

— Не я герой, Мария Деменьтеевна, а вся наша славная батарея. Печально то, что мне одному эту Звезду носить приходится.

Аким сдвинул брови и умолк.

— Как же это понимать? — Данила удивлённо посмотрел на него.

— Это, друг, печальная история. Под Москвою дело было. Немец пёр как бешеный. От нашей батареи всего два орудия уцелело, чуть позже, одно из них прямым попаданием накрыло. Остались мы вдвоем с командиром да пушкой покалеченной. А танки ихние прямо на нас прут. Снаряды кончаются, прицел разбит. Так командир, хоть и молоденький парнишка, но башковитый, через ствол целиться стал. Троих мы намертво подбили, а четвертому башню заклинили. И вдруг из-за подбитого еще один выползает да как жахнет по нам. Командира наповал, меня контузило и землицей сверху присыпало. Может, поэтому уцелел. Очухался — ни немцев, ни наших. Голова чугунная, земля под ногами из стороны в сторону раскачивается. Вспомнил, что раненые в блиндаже с санитаром были. Доплелся туда кое-как, а от него одно название осталось. Сел я на край траншеи, и тут меня выворачивать стало. Да было бы чем, а то ведь три дня, кроме снега и двух сухарей, во рту ничего не держал. Вдруг чувствую: за плечо кто-то трогает. Оглянулся, а их человек десять стоит. Все в белых масхалатах, звания не различить. Но по виду сразу сказать можно, что не рядовые. Тот, который в папахе, о чем-то спрашивает меня. А от его слов в голове только бу-бу-бу-бу. Пытаюсь объяснить, что произошло на батарее, но сам себя не слышу, язык, как у пьяного, заплетается, говорить толком не могу. Вижу: один побежал куда-то, а остальные, кроме того, что в папахе, по батарее разошлись. Документы у убитых достают да самих в рядочек кладут. Тот, что убежал, с санитаром явился. Главный знаками мои документы попросил, что-то на бумажке, вынутой из планшетки, записал. На прощанье крепко обнял и,

как я понял, за службу благодарил. Уже в госпитале узнал, что к Золотой Звезде представлен и что сам командующий об этом позаботился. Сначала получать не хотел: что, мол, я такого совершил? А потом дошло до меня: ведь вся батарея полегла, я один в живых остался, и эту общую Звезду мне Господь за всех носить доверил. Поэтому не мне лично вручили эту награду, а всей батарее. Меня только хранителем выбрали. Вот такие, брат, дела. Ты надолго к нам?

— Да вот как высохнет одежда, сразу двинусь в путь.

Аким оценивающим взглядом посмотрел на фуфайку, висящую на верёвке.

— Ну, на это неделя уйдёт, да и то, если дождей не будет. Заходи в гости, как-нибудь вечерком, вспомним живых, помянем павших.

— Так чего откладывать, сейчас это и сделаем, — засуетился дед.

— Нет, Иваныч, такие дела с наскока не делаются. Здесь подготовка должна быть соответствующая. — Аким поднялся. — Ты обязательно приходи, я тебя буду ждать, — обратился он к нашему гостю, — а мне идти надо, завтра ни свет, ни заря в поле. По дому ещё работа несделанная стоит. Спокойной всем ночи!

Аким ушёл. Мы молча смотрели ему вслед.

— Так ты, говоришь, под Сталинградом воевал? — нарушил тишину дед. — Вот и наш Виталий тоже там был.

— А кто это? — поинтересовался Данила.

— Муж ейной внучки, — дед махнул рукой в сторону бабушки, — ему осколком от бомбы главную жилу на руке перебило, она и усохла, теперь он калека. Учительствует у нас в селе, детишкам байки про звёзды рассказывает, а о войне ни гу-гу. Пытались его разговорить — бесполезно. Молчит как партизан на допросе, зараз в себе замыкается да папиросу за папиросой смалит. Одно нам только ведомо, что в конце августа каждый

год поминает кого-то. Накроет стол, позовёт нас. «Помяните, — говорит, — невинно убиенных». А, кого, не сказывает. Спрашивали — не говорит, только здоровой рукой слёзы смахивает. И, что интересно, сколько живёт в наших краях, а на Родину ни разу не ездил. «Слишком тяжел груз памяти», — сказывает. Ну, мы и перестали к нему в душу своими граблями лезть. Оно ведь как: покроется рана корочкой, а ты эту самую корочку сковырнёшь нечаянно. И что получается? А то, что рана вновь оголяется, и свежей кровью исходить начинает. Ничего, пройдёт время, очухается парень, сам всё расскажет.

— Дай-то Бог, — вздохнул Данила, — только сказывается мне, что многие до скончания своих дней не смогут очухаться. Сколько ночей бессонных им ещё предстоит провести с воспоминаниями да самокруткой. Но, кажется, вашу загадку я смогу разгадать. Понимаешь, Иваныч, где-то 23-го — 25-го августа немцы Сталинград бомбили, страшно бомбили, они почти стёрли его с земли. Десятки тысяч ни в чём не повинных людей остались лежать под развалинами, город пылал как факел. В ночное время зарево за десятки километров видно было. Скорее всего, у него кто-то из близких погиб в тот роковой день, а может, и все сразу.

— Точно, — дед взмахнул руками, — ведь он один как перст, кроме жены да сынишки, на этом свете никого из родных больше нет. Ах ты, бедняжка. — Дед покачал головой. — А мы-то, пакостники, в душу к нему своими граблями лезли.

Он наполнил рюмки, но пить мужчины не стали. Воцарилась гнетущая тишина, и, как бы дополняя её, где-то протяжно завыла собака.

— Кость те в горло, треклятая, тоску нагоняешь, — вздохнул дед. — А ты в самом городе воевал или где поблизости?

— В самом, отец. Начал на подступах, а закончил в центре.

— А до этого, где был?

— В районе Харькова. Когда немцы отрезали нам пути отхода из Барвенского выступа, мы думали, что спастись уже не удастся. Боеприпасов нет, продовольствия тоже, одним словом, воюй и спасайся, как знаешь. И стали мы тогда небольшими группами прорываться через фронт, а там, если повезёт, на восточный берег Северского Донца. Шли, надеясь соединиться с регулярными частями. Такой кавардак стоял в те дни, что в страшном сне не привидится. И бойцы, и командиры, что свои части потеряли, шли пешком, а если и были какие транспортные средства, то их отдавали раненым... — Данила умолк. Дрожащими руками скрутил самокрутку, просыпав немного табака на стол, закурил. — Пекло страшное, воды нет, лошади падают, раненые мрут, но все мы шли за Дон к Волге. Днём самолёты житья не давали. Куражились гады, как хотели, доходило до того, что за одиночками гонялись. Пока не убьют — не отстанут. Ни бензина, ни патронов не жалели. А мы — как стадо баранов без вожака. И тут меня словно осенило. А что если собрать всех этих несчастных под одно крыло? К тому времени со мной одиннадцать человек было. Остановились мы в небольшой деревне, на дороге пост выставили, в степь разведку посылать стали. И потянулись к нам обездоленные... — Данила поднялся, набрал в кружку воды и стал пить большими глотками.

— Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи... — произнёс дед.

Данила выплеснул остатки и, поставив кружку, сел на прежнее место.

— Хорошо сказал, Иваныч.

— Сии слова не мои, а богоносного отца нашего Сергия. Ну, так что же там дальше было?

Данила молчал, пытаясь поймать оборванную нить разговора. Нахмурил брови, почесал затылок и заговорил:

— Организовал я при школе штаб беженцев. Вновь прибывших местное население обстирывало, ремонтировало одежду,

обувь, наладили какое-никакое питание, и через пять дней нас уже было около тысячи. Чтобы не подвергать деревеньку риску, мы расположились в колхозном саду, соблюдая маскировку по всем правилам. В основном жизнь кипела ночью, днём отлёживались. Только хотели в путь двинуться, как к нам прибился майор с доброй сотней бойцов, пришлось задержаться, что не входило в планы. Тем более разведка накануне засекла в нескольких километрах немецкие танки, которым ничего не стоило появиться у нас. Но делать нечего, солдаты были измотаны, голодные, и мы решили рискнуть. Пока новеньких приводили в порядок, мы с майором обсудили план наших дальнейших действий. Разбили наше войско на взводы, роты — всё как полагается. Майор — мужик с головой попался, он и взял на себя командование...

— А ты чего, сдрейфил? Ведь это твоя задумка была, тебе и карты в руки.

— Не сдрейфил; во-первых, он старше по званию, во-вторых, старый кадровый офицер и своё дело на зубок знает, я против него в военном деле птенец желторотый. Так вот, утрясли мы все свои дела, да и двинулись в путь. Шли в основном ночами, при случае немцев пощипывали, да ещё как! Остановить их даже ценой своей жизни не могли, но крови им попортили немало. Помню, как-то под утро залегли в подсолнухах, а тут немецкая мотопехота. Едут так, как будто их на блины к тёще позвали. А подсолнухи высокие, густые, по обеим сторонам дороги стеной стоят. Только немцы полностью втянулись на поле, мы по ним и жахнули, чего те меньше всего ожидали. В том бою мы крепко поживились за их счёт. Раздобыли боеприпасы, питание, оружие, а потом, на свой страх и риск, двинулись по дороге. Пыль, как дымовая завеса, накрыла нас. Появился немецкий разведчик, сделал над нами круг и улетел. Видно, за своих принял. Ему и в голову не могло прийти, что русские вот так нахально, в открытую, идти будут. А уже с обеда до нас стали доноситься звуки боя.

Мы свернули с дороги и небольшой лощиной пошли в ту сторону, откуда была слышна стрельба. Прямо с марша и вступили в бой, вклинившись между фрицами и своими. Вот так и закончились наши скитания.

— Да, чуть не забыл, майор-то наш своё знамя полковое на себе вынес. Пока мы начальству докладные писали да за трофейное оружие отчитывались, набежали НКВДэшники. Вот тут-то я с ними впервые и познакомился. Растащили нас по разным сторонам, и давай выпытывать. У товарища Иванова спрашивают: «Что делал тов. Петров в такой-то день, с кем разговаривал, о чём шла речь?» А тов. Петрова выспрашивают о тов. Иванове. С ума сойти можно. Ну, тут наш майор и проявил себя. Как заорёт на ихнего капитана: «Ты что, кота облезлого с утра съел? Какого хрена моих бойцов мордуешь? Ты там был, где они протопали? Ты бросался на танки с одной гранатой и винтовкой без единого патрона? Целый час мне долдонишь о предателях да изменниках. Их здесь нет, запомни это. Перед тобой бойцы Советской Армии. Если считаете нас виноватыми, то наказывайте всех, ибо мы единое целое, — это доказано в боях. Да, мы драпали, драпали и воевали. Ты что думаешь, то оружие, с которым мы пришли, нам немцы просто так дали? По доброте душевной? Нет, милок, мы его у них зубами вырвали! Это МЫ уложили мотопехоту в подсолнухах, МЫ встали между вами и немцами, прежде чем воссоединиться, а ты тут о неблагонадёжных выпытываешь! Вот этому младшему лейтенанту, — и подталкивает меня вперёд, — Звезду дать мало. Это он объединил нас, одиночек, в один кулак, заставил поверить, что ещё жива наша армия. Мы хоть сейчас готовы в бой. Нам не нужны ни боеприпасы, ни оружие, ибо это всё у нас есть!» Ну, думаю, конец майору. Но, как ты говоришь, Иваныч, что на всё воля Божья, так оно и вышло. Капитан не конченой сволочью оказался. Не тронули нас. С другими, рассказывали ребята, обходились круто.

— Как же это?

— Очень просто. Пускали в расход или отправляли в лагеря. Обидней всего, что, когда мы кровь проливали, эти сволочи за нашими спинами находились. Заградотрядами именовались. Это на всякий случай, если мы отступать начнём, то они по нам огонь должны были открывать. Я тебе сейчас такое про них расскажу, что ты надолго сон потеряешь, отец.

Данила тяжело задышал, будто в гору воз тащил. Мне показалось, что он вот-вот заплачет. Немного успокоясь наш гость заговорил:

— Это было уже в самом Сталинграде. Когда немцы прорвались к Волге в районе тракторного завода, то путь им преградило рабочее ополчение. Самого завода, как такового, уже не было, его сровняли с землёй. И вот эти люди, в замасленных рабочих комбинезонах, в ситцевых платьях, встали на пути хорошо обученных, вышколенных, до зубов вооружённых солдат... — Данила поперхнулся, закрыл глаза и прикусил сжатый кулак. Было не разобрать: то ли он всхлипывал, то ли дышал с надрывом. — Иваныч, представь, враг не прошёл! Захлебнулся своей кровью. А за спинами этих рабочих стоял вооруженный полк НКВД, который не вступил в бой, не пришёл им на помощь. Когда нас перебросили на этот участок, в живых никого не было. Ночью мы взяли «языка», и он отказался поверить в то, что погибшие никакого отношения к военной службе не имели. Всё твердил, что мы его обманываем, называя элитные ударные войска рабочим ополчением. «Да на них же даже формы армейской не было!» — сказал майор. На что немец ответил: «Это была маскировка».

— Ну, так почему же эти НКВДэшники не помогли им?

— Да потому, что у них другой приказ был, — не дать рабочим отступить, а в случае отхода с позиций стрелять по ним. Иваныч, это ведь не единственный случай. Знаешь, сколько таких полков за нашими спинами стояло! Небось, не одна дивизия набралась бы.

— Вот ты говоришь, что под Сталинградом отборные войска фрицев стояли, а взять его не смогли. Как ты думаешь, почему?

— Этот вопрос не ко мне. Сам бы хотел знать на него ответ. Не одно поколение историков расшибёт себе башку, пытаясь разобраться в этом. Но ответа не будет. Там произошло нечто такое, что человеческий разум не в силах разгадать эту загадку. Одни будут говорить, что умело, командовали, другие — что погода не та была и что, дескать, мы в резерве прятали силу несметную. А на самом деле никто не знает, что произошло. У меня, лично, было такое ощущение, что живые и павшие в одном строю стояли. Ведь недаром прусский король, Фридрих Великий, сказал о нас, что русского солдата мало убить, его ещё сбить с ног надо, а то он и мёртвый воевать будет. И вот тебе пример. Мы удерживаем клочок земли, а рядом участок, на котором никого нет, все полегли, а немцы пройти не могут. Словно стена невидимая перед ними стоит. — Данила внезапно умолк. Он о чём-то напряжённо думал, а затем спросил у деда: — А может, Господь то место своей ладонью прикрывал?

— Сие только самому Господу известно, — ответил дед, крестясь. — Дань, а ты их главного козла видел?

— Какого козла? — Данила удивлённо уставился на деда.

— Ну, как его там, — дед замялся, — генерала ихнего самого главного, того, которого там, в плен взяли...

— А... ты о Паульсе. Но он не генерал, а фельдмаршал.

— Хрен с его чином, так видел или нет?

— Не довелось, я в это время лежал в госпитале. Обидно, в самый разгар таких важных событий пулю в грудь схлопотал. Так что Паульса другие ребята брали.

Данила умолк. Задумчиво стал водить пальцем по столу, рисуя невидимые замысловатые фигурки. Затем поднял голову и посмотрел на собеседника.

— Знаешь, Иваныч, я думаю, что у каждого, кто прошёл эту войну, был свой Паульс. — Он закрыл глаза и потёр пальцами виски.

Бабушка тем временем залила угли в плите (не дай Бог, ветер ночью раздует их), прикрыла плиту железным листом и села на табуретку.

— Заговорил я тебя, сынок, до смерти, прости старого. Давай, иди, ложись отдыхать, а мне тоже на покой пора, бабка волнуется, наверно, да и Дуняшка с молоком где-то запропастилась.

— Папаня, не пора ли домой, мама беспокоится, — раздался у перелаза голос тети Дуни. И, уже обращаясь к бабушке, сказала: — Мам, возьмите молоко.

Взяв кувшин, бабушка пошла к столу. А Данила в это время помогал деду одолеть перелаз.

— Странно, вроде, он был пониже. Либо я в землю врос, либо ты, перелаз, подрос, — бубнил дед, пытаясь перебросить ногу на другую сторону.

— А ты, батя, еще рюмку выпей, так в собственном саду заблудишься, — засмеялась тетя Дуня.

Переправив деда на другую сторону плетня, Данила снова сел за стол.

— Странный этот Аким, — сказал он, беря в руки кружку с молоком, — пришел поговорить, а будто отчитался на партсобрании.

— Что ты, — улыбнулась бабушка, — я впервые слышу, чтобы он так много говорил. Валентина, бывало, просит его: «Поговори со мной, что молчишь как немтырь», — а он улыбается и молчит. Мужик он хороший, ты обязательно к нему сходи в гости.

— Конечно, схожу.

Данила медленно пил молоко, смакуя каждый глоток.

— Детством пахнет. Забытое чувство.

— Многое тебе заново придется вспоминать. Ну, ничего, где сердце подскажет, где запахи напомнят о забытом. Так что привыкай, сынок: каждый день новое открывать будешь.

— Устал я очень, можно прилечь?

— Конечно, постель тебя давно ждет. Иди, ложись с Богом.

— Спасибо вам, век не забуду, — начал он.

— Ну, будет, будет, иди, ложись.

Данила ушел. Бабушка стала наводить на столе порядок. Спрятала хлеб под чугунок, чтобы коты не достали, вытерла стол и, захватив сало с яйцами, пошла в хату.

Разбудил меня стук топора. Выскочив на крыльцо, увидела Данилу, колющего дрова. Я быстро умылась и, заплетя косы, побежала в сад, где стала расставлять тарелки для завтрака.

— Вот умница, — похвалила меня бабушка, — дождалась я помощницы. Ты, пойди перышек с лука нащепи да позови дядю Данилу к столу, а то картошка остынет.

— А где мама? — спросила я, кладя лук на стол.

— Солнышко еще спало, как она пошла в поле бахчу полоть.

Завтрак был королевский. Отварную картошку бабушка полила растопленным салом, с золотистыми шкварками. Объедение!

— Тамара, — обратился ко мне Данила после завтрака, — ты покажешь, где у вас здесь порубка, мы с тобой пойдем за орешником. Плетень у вас от улицы совсем рассыпался.

Бабушка замахала руками.

— Отдыхай, сынок, грец с этим плетнем!

— Мария Дементеевна, я все же мужчина. Для меня эта работа — раз плюнуть. — И, смеясь, спросил: — А кто такой грец?

Бабушка пожала плечами.

— Не задумывалась как-то. Грец, он и есть грец. Наверное, двоюродный брат черта.

Взяв топор и веревку, мы пошли в лес. Выйдя за село, Данила огляделся вокруг.

— Красота, какая! Словно в сказку попал.

Он сел на еще мокрую траву и стал смотреть вдаль. Солнышко уже поднялось над вершинами гор, грея им макушки. Некоторые из них были повязаны платочками. Это, наверное, для того, чтобы затылок не напекло. Далеко-далеко виднелась Мостовская со своими беленькими хатками, покрытыми соломой, которые были похожи на боровики. Тишина и покой царили вокруг нас. Порхали разноцветные бабочки, голубенькие мотыльки кружили над незабудками, вкусно пахло чабрецом.

— Чудесно! — сказал Данила, поднимаясь с земли.

— Хотите, я Вам настоящее чудо покажу?

— Ну, давай, показывай, посмотрим на твое чудо. Надеюсь, оно не с зубами?

— Не смейтесь, а то не покажу, — нахмурилась я.

— Хорошо, больше не буду.

— Тогда смотрите на те горы, что по краю неба торчат.

— Ты хотела сказать, что на горизонте виднеются, да?

— Ага, только чуть ближе к нам…. Да не туда Вы смотрите. Видите вон ту хату, которая покрыта дранкой?

— Вижу…

— Так вот, от нее по направлению моей руки смотрите вдаль.

— Пока ничего не вижу...

— Не спешите, внимательно присматривайтесь, тогда увидите…

— Голову Ленина! — изумленно воскликнул Данила. — Ну, надо же! Кто это сделал?

— Никто, просто три горы ее сами вылепили. Шишка на лбу все портит, а так — как настоящий.

— Действительно, чудит природа-матушка, кажется, так вчера дед сказал? Это надо же, кому сказать, не поверят. Каково сходство! Усы, лысина, губы…. Вот если бы не шишка…. Так, ты говоришь, это нерукотворная работа? В это трудно даже поверить, уж больно всё приближено к реальности.

Данила говорил по-книжному, некоторые слова мне были непонятны, но спросить у него их значение я не решилась.

— Немцы тоже думали, что это люди сделали, даже бомбили те горы, а толку то что. Как была голова, так и осталась.

Пока Данила рассматривает голову вождя, я гоняюсь за голубенькими мотыльками, пытаюсь поймать жёлтеньких бабочек, разрисованных чёрной краской, и собираю разношёрстный букетик цветов.

Спускаясь с бугра к перелеску, нами был замечен дым, который поднимался у истока Кизиловой балки. Потянуло жареным мясом. Подойдя ближе, мы увидели трёх мужиков, одетых в тёмные рубашки и солдатские штаны.

— Никак кто-то из наших устроил привал, пойдём, узнаем, откуда идут и куда путь держат.

— Дядя, не ходите туда. Это бандюки. Чего доброго жизни нас лишат.

— С чего ты взяла, что это бандиты?

— Да у нас все об этом знают. Они не идут к людям. А всё по околицам шарят. Сопрут что-нибудь из живности, спрячутся в лесу, зажарят и съедят. А в село редко заглядывают, разве только штобы самогоном разжиться, да куском хлеба. У нас, их боятся. Те, кто на окраине живёт, так с топорами спать ложатся. Как только вышла амистия, так они и появились тут.

— Не амистия, а амнистия, — поправил меня Данила.

— Пусть будет амнистия, — махнула я рукой, — всё равно уже чото спёрли, а теперь жарят.

— Странно, куда же местная власть смотрит? Милиция?

— А туда, куда и все. «Каждый сам отбивается, как может», — так говорит моя бабушка. А милиционер к нам приезжает только тогда, когда нового председателя из району привозят.

— И часто это происходит?

— Часто. Один раз в год, это точно. Говорят, что не справляются с задачами. Вроде умные мужики, а решить их не могут.

Вон, моя сестра в девятом классе учится, и то каждый день их правильно решает.

Данила улыбнулся.

— А почему ты решила, что она правильно решает?

— Если бы не правильно, то пятёрок бы не приносила.

— Это верно тобой подмечено. Но школьные задачи отличаются от тех, которые нам диктует жизнь, — вздохнул Данила.

Этот и последующие дни мы ходили с ним в лес за хворостом. Данила разобрал наш старый плетень и, забив новые колья, переплёл их крепкими ореховыми прутьями. Плетень получился на славу!

— Сразу видна мужская рука, — сказала бабушка, осматривая Данилину работу. А мама даже заплакала. И, хотя коровы у нас не было, наш гость сплел ясли и сделал настил из досок, которые бесцельно лежали под верандой.

— Осталось малость: купить корову, — грустно улыбнулась бабушка.

Данила тем временем вырыл сушилку для фруктов. Глубокую, с отверстием как у печи. Помог деду забить колья под ульи, поставить на колодец новый сруб.

Вечерами мы по-прежнему собирались у нас в саду за столом. Вспоминали прошедшие годы, обсуждали нынешние дни, но центральной темой разговора была война. К нам приходили люди, в основном это были женщины — жёны и матери тех, кто не вернулся к родному порогу. Вопрос, заданный Даниле, был один: не встречал ли он на дорогах войны того, самого близкого, самого родного им человека? Данила, пытаясь проглотить ком, стоявший в глотке, отрицательно качал головой, виновато глядя собеседнице в глаза. Он рассказывал нам, как на далекой Украине был страшный бой танков, где горела даже земля. Рассказывал о сожженных сёлах и разрушенных городах, о противотанковых рвах, заполненных трупами. Дед дотошно расспрашивал его

о самой Германии, и Данила подробно описывал чистенькие посёлки, хутора, предельно вежливых стариков, с ненавистью смотревших на наших солдат, о концентрационных лагерях... Мужчины, хмурясь, молчали да поглубже затягивали в себя дым от самокрутки. Бабы тихо плакали. А мне так хотелось, чтобы всё происходящее было сном.

Но это была явь. В мои настоящие сны стали врываться танки, которые стреляя из своих пушек, гонялись за мной по улицам села, страшно лязгая своими гусеницами. Мне виделись горящие хаты, плачущие дети и страшные чёрные трубы печей, где живыми горели люди.

Просыпаясь от собственного крика, я прижималась к бабушкиной груди, ища защиту и успокоение. Она гладила меня по голове и, целуя, приговаривала:

— Ну, будет, будет, всё хорошо, я с тобою.

Однажды, успокаивая меня после очередного моего крика, сказала:

— Не бойся, внученька, это сон, и в нём с тобою ничего случиться не может. Но запомни, что я тебе скажу. Постарайся сохранить в памяти услышанное, оно ближе к сердцу, чем, то, что потом узнаешь из прочитанных книг. Они, конечно, тебе больше расскажут, но у них нет глаз, в которые ты можешь посмотреть.

Постепенно я затихала и вновь погружалась в сон, где меня поджидали новые ужасы войны.

Шли дни...Пока Данила занимался по хозяйству, его вещи высохли. Из старого рядна мама сшила большой вещмешок, в который поместился старый «сидор», до отказа набитый картошкой, вещи, бутылка с самогоном, каравай хлеба с куском сала и, конечно, дедова попушка табака. Все было готово в дорогу.

В последний вечер Данила пошел к Акиму. Не дождавшись его, мы легли спать. Пришел он только под утро.

— Сватья, ты штаны Стефана ему положи, на первое время сменка будет, — суетился дед.

— Давно положила. Петино нижнее — тоже.

— Ой, сынок, чуть не забыл, вот тебе бабка передала. — И дед протянул ему носки из тонкой овечьей шерсти.

Данила был смущен и растерян. Начал было благодарить всех, но словно подавился. Пытается сказать, а не может, только кадык ходуном ходит да в глазах слезы стоят. Тут прибежала запыхавшаяся мама.

— Даня, скорей, сосед наш Федор сейчас подъедет. Он в Мостовскую за почтой спешит. Тебя подвезет, как раз к паровозу поспеешь.

Началась суматоха — извечная спутница проводов.

— Погодите, погодите! — через огород бежал Аким. — Уф-ф-ф, успел, — проговорил он, роясь в кармане. — Я тут крепко подумал и решил: на, возьми Звездочку, ты помоложе меня, Бог нам с Валей детей не дал, а у тебя все впереди. Передашь им, расскажешь, как было, пусть хранят память о моих боевых друзьях. Держи. — Он протянул к Даниле руку, на ладони которой лежала Звезда.

— Нет, — строго сказал Данила, зажимая пальцы на Акимовой руке, — тебе этот крест свыше доверен, сам же говорил. А что детей нет, то это дело поправимое. Возьми сироту из детдома и воспитывай. Возможно, что он сын твоего однополчанина. Придет время, и у тебя будет, кому Звезду передать. Я знаю, ты сможешь это сделать. А за доверие спасибо.

Они крепко обнялись.

Всей гурьбой мы вышли за ворота, где уже стояла подвода. Данила начал с меня. Подняв на руки и крепко поцеловав в щеку, сказал:

— Ну, атаманша, так, по-моему, тебя дед зовет? Учись хорошо. Я не прощаюсь. Рано или поздно встретимся.

Простясь со всеми, он сел на подводу и пообещал:

— Я вернусь, обязательно вернусь. Всех вас никогда не забуду. Берегите себя, родные.

— Даня, — глухо прозвучал голос деда, — помни: ты вышел из первого ада живым, уцелел во втором, так постарайся не потерять себя в этой жизни. А мы все за тебя молиться будем.

Телега тронулась с места и, подпрыгивая на кочках, стала удаляться.

— Ядрен лапоть! Стой! — закричал дед и, ковыляя, бросился ей вслед.

Телега остановилась. Данила спрыгнул и пошел навстречу деду, который торопливо рылся в кармане. Из его недр на божий свет он извлек медный крестик на суровой нитке. Дрожащими руками надел на Данилу и, перекрестив, произнес:

— Храни тебя Бог, сынок. Веришь, в него или нет — твое дело, но креста не снимай, он тебя от напасти защитит. С ним я тебе часть своей души отдаю. Помни об этом.

Когда подвода скрылась за углом, все стали расходиться по домам. Но я была уверена, что каждый думал о Даниле.

— Слышь, Дементеевна, — дед почесал бороду, — не пойму, что со мной творится: вроде, чужой нам этот человек, а всю душу перевернул. Знаешь, кого я в нём узрел? Сына. Где он сейчас? Может, как Данила, бредёт по земле от хаты к хате, и конца той дороги не видать... — Дед умолк, снял кепку и тыльной стороной ладони вытер со лба пот.

— Сват, так ты же похоронку получил, а в ней прописано, где твой сын похоронен, даже адрес указан, так чего же ты себя и других баламутишь?

— Что в той бумажке толку? Как хоронили, не видел, да и съездить на могилку не придётся. Один Бог знает, где находится этот проклятый Кёнинберг, или как там его... Чужая сторона, что мачеха зла. Вот, может, и бредёт его душа светлая на родимую сторонушку, а путь, как чую я, неблизкий лежит. А тут ещё это пёрышко...

— Ты о чём? — бабушка удивленно посмотрела на собеседника.

— Да понимаешь, когда он в тот чёрный день полез на полуторку, то увидел я на его брюках куриное пёрышко, маленькое такое, беленькое. Повернулся он ко мне лицом, а я его не вижу. Маячит это пёрышко перед глазами — хоть умри. Тронулась с места машина, а у меня глаза белой пеленой закрыло. После проводов говорит мне бабка: «Отец, ты видел, как он на нас смотрел? Словно прощался навеки». — Киваю ей в ответ головой, чтоб не обидеть, а сам-то не видел не только глаз, но и лица его. До сих пор не могу понять, почему пёрышко лицо сына закрыло. — Дед вздохнул.

— Видно, Господу так угодно было. А может, Он знак тебе подал, да ты его разгадать не смог, — перекрестясь, сказала бабушка.

— Возможно, твоя, правда. Ну, покедова, сватья, дома работы непочатый край, а я тут с тобой болясы точаю.

— День хороший, никак, к пчёлам полезешь?

— Ну а кого ещё тревожить? Бабку нельзя, больно стара, стала, так хоть пчёлок потискаю.

— Правду говорят люди: седина в бороду, а бес в ребро. Смотри, прознает Никаноровна про твои шашни — тебе и твоим зазнобам по первое число достанется.

— Нет, она их за версту обходит, боится, как бы мои зазнобы ей морщины не разгладили, не хочет узкоглазой ходить. Ну ладно, пошкандыбал я, покедова.

Возвратясь, домой, бабушка опустилась перед иконой на колени и долго молилась, отбивая земные поклоны. Тихо потрескивала зажжённая свеча, а Божья Мать грустно смотрела на бабушку, крепко прижимая к груди ребёнка...

Данила был одной из первых ласточек, залетевших к нам из тех страшных мест, о которых в народе еще долго говорили шепотом. Сколько обездоленных мы встретили и проводили!

У каждого из них была своя нелегкая судьба и горькая правда. И почти каждый говорил, что идет из ада. Сколько их прошло через наше село? Мы не считали. Они все были разными, но их объединяло одно — минувший ад. И минувший ли?

Моя бабушка задала вопрос пожилому танкисту:

— Сколько ж вас там маялось? Неужто этот ад такой огромный?

На что тот ответил:

— Да, мать, огромный. Этот ад вместил в себя всю страну.

P.S. Прошло пять лет. Мы часто вспоминали нашего гостя. Старики поминали его в молитвах, ставили свечи за здравие, прося Господа Бога помочь ему в новой жизни.

И вот в один из июньских дней к нам постучался мужчина, в котором мы не сразу признали того тощего солдата, когда-то волей судьбы брошенного к нам. Данила раздался в плечах, тревога ушла из его серых глаз, и они смотрели на мир спокойно и уверенно. Когда все собрались за накрытым столом, он попросил меня:

— Тамара, сбегай за Акимом.

— Нет нашего Акима, — сказал дед, — укатил он с женой и сыновьями под Москву, в те места, где воевал.

Данила удивленно поднял брови.

— Какими сыновьями?

— Чему удивляешься, сам ведь посоветовал ему из приюта мальчонку взять. Только ты одного не учел, — засмеялся дед, — что наш Аким считать не умеет. Промахнулся мужик. Поехал за одним, а привез троих. Видишь ли, отцы тех ребятишек артиллеристами были. Вот уже скоро три года будет, как он съехал. Письма пишет, но редко: мол, устроился, купил дом, хозяйством обзавелся, мальчишки на пятерки учатся. Всей семьей ухаживают за братской могилой, в которой лежат его однополчане. Тобой интересовался, просил, как объявишься, адрес ему переслать. Вот такие пироги, милок!

После первой рюмки дедова зелья бабушка попросила:

— Данечка, расскажи, сам-то как поживаешь?

Данила улыбнулся.

— У меня все хорошо, Дементеевна. Отыскал маму и увез ее в Курганную, подальше от пересудов. Поначалу устроился на железную дорогу сцепщиком вагонов, а теперь работаю помощником машиниста на паровозе. Женился, и у нас двое деток, а жену Таней зовут.

— Кто у тебя родился? — поинтересовался дед.

Наш гость расплылся в улыбке.

— Пацаны, близняшки. Старшего, что на двадцать минут раньше родился, Стефаном назвали, а младшего Петей.

Бабушка, закрыв руками лицо, заплакала, а дед, сдвинув брови, засопел.

— Мы третьего ждем. Хотим девочку, но там уж, как Бог пошлет!

Он повернулся ко мне.

— Если родится дочка, то назову Тамарой, а если мальчик, — он посмотрел на деда, — то в твою честь — Иваном.

Наступила тишина. Картошка с яичницей стыла на столе. И, как когда-то, на улице мычали коровы, горланили утки, а кот, лёжа на свободной табуретке, громко пел свою молитву. Каждый думал о чем-то своем, самом сокровенном, которое бережно хранилось в уголках памяти, доступ к которой был для других за семью печатями.

Бабушка тихо плакала, вытирая фартуком слезы. Она, наверное, вспоминала сыновей. Интересно, какими она видела их? Орущими карапузами? Солдатами, идущими в атаку? Мне этого уже не узнать никогда.

Поднимая очередную рюмку, Данила сказал, обращаясь ко всем:

— Всего этого у меня могло и не быть, если бы не вы, родные. Спасибо вам за доброту и человечность от меня и моих близких.

Взрослые еще долго говорили, вспоминая прожитые годы. Разошлись за полночь.

Данила гостил у нас два дня. Починил саж-домик для поросенка, которого принес нам в подарок. Сложил с мамой в стог сено, привезённое с покоса. На приглашение подольше погостить ответил отказом. Он торопился домой. А через месяц мы получили телеграмму, где он сообщал, что у него родился сын Иван. Я огорчилась. Но мама, обняв меня за плечи, сказала:

— Все правильно, дочка, Бог троицу любит.

Часть II
Молчун

Стояла весенняя распутица. Сошедший снег оголил землю, выставив напоказ неприглядный бурьян вдоль забора. Прошлогодние листья ясеня и акации, рыжей буркой лежали вокруг мокрых стволов. Мелкий нудный дождик моросил несколько дней подряд, и порядком надоел. По раскисшим дорогам было ни пройти, ни проехать. По канавам шустро бежали мутные ручьи.

Я сидела у окошка и тоскливо смотрела на пустынную улицу, по которой отказывались бродить даже свиньи, предпочитая отсиживаться в тёплых катухах. Прошёл Колькин отец, едва вытаскивая ноги из жирного чернозёма. Где-то прокричал петух. У Могилиных замычала корова, и вновь мокрая тишина обняла дремотный мир, пропахший горьковатыми дымами, лениво выползающими из печных труб.

Первой залаяла собака у Гантопахиных, потом у Прокопенко, затем у Норенко…. Наш Шарик тоже влил свой голос в нестройный собачий хор. Неспроста всё это. Возможно, кто-то идёт по нашей улице со стороны кладбищенского бугра. И этот кто-то — чужой. На своих деревенских собаки лают с ленцой, так, для порядка, дескать, служба охраны не дремлет. Сейчас же они гавкали, остервенело, будто их палкой дразнили. Я прильнула к окну и, насколько позволяло видимое пространство, стала напряжённо высматривать незваного нарушителя спокойствия. Наконец в поле моего зрения появился незнакомец. Высокий, худой, одет он был, как и все предыдущие чужаки — в фуфайку и стеганные ватные штаны. За спиной болтался «сидор», на голове солдатская потрёпанная шапка. Ноги обуты в кирзовые сапоги. Когда он поравнялся с нашим домом, остановился, а

потом решительно направился к калитке. «Будет проситься на постой» — подумала я, и обрадовалась. Новый человек — конец скуке. Он обязательно расскажет много интересного, а значит, день с вечером не будут так долго тянуться. Но незнакомец не постучался в калитку, а сев на лавочку стал развязывать вещевой мешок. Достав из него клеёнчатый свёрток, осторожно развернул. Извлёк небольшой кусочек хлеба и стал, есть, подставляя к подбородку ладонь. Он боялся уронить на землю крошки.

— Бабушка, а у нас на скамейке горемыка сидит. На постой не просится, боится, что не пустим. Промокший весь, как цуцик.

Бабушка отставила в сторону рогач и отошла от печки. Повернулась к иконам, перекрестилась. Глубоко вздохнув, поправила на голове платок и, обтерев его концами уголки рта, сказала:

— Пойду, позову, коль сам стесняется попроситься, — и, накинув на плечи старенькую шаль, вышла.

Я прилипла к окну.

— Заходи мил человек, гостем будешь.

Мужчина вздрогнул, встал, и торопливо стал засовывать недоеденный кусок хлеба в свой мешок, напрочь забыв про клеёнку, которая сиротливо распласталась на лавочке. Он не повернулся на голос и, не сказав ни слова, направился к дороге, на ходу затягивая лямку «сидора»

— Да куда же ты, собаки, и те в своих будках сидят. А ты бродишь как леший. Заходи, не обидим! Да и кому тут тебя обижать, одни бабы, — грустно вздохнула она. — Не спеши, отогрейся, поешь горяченького борщеца, я его только из печи на загнетку вынула — уговаривала бабушка упрямца.

Он остановился в раздумье. Не поворачивался, но и не уходил.

— Ну идём в хату, настойчиво уговаривала она его.

Человек медленно повернулся и, посмотрев из подлобья на бабушку, направился к хате.

— Ну, вот и хорошо, умница. Проходи не стесняйся, а я покаместь к курам в катух наведаюсь, может быть, они нам яиц к обеду подкинули.

— Мужчина мельком взглянул на меня. Не улыбнулся, не подмигнул, как это делали другие, а молча стал очищать щепкой с сапог грязь. Затем неспеша разулся, и как был в портянках, так и зашёл в хату. Сев на предложенную табуретку, в ожидании предложенной тарелки борща, нервно мял в руках мокрую шапку. Ни слова не говоря, бабушка забрала её из его рук, и повесив на ручку рогача, прислонила к печке.

— Раздевайся, снимай фуфайку. Не в ней же собираешься за стол садиться.

Мужчина молча повиновался. Ел не спеша, словно не был голоден. Но я прекрасно видела, как он сдерживает себя, чтобы не набросится на еду. Резкие движения руки в сторону миски замедлялись усилием воли. Жевал быстро, но потом сдерживал глотательные движения, время от времени крупно вздрагивая. К борщу была подана яичница из четырёх яиц. А потом взвар. Покончив с обедом, гость встал из-за стола.

— Спасибо, всё было очень вкусно, — глухим голосом сказал он, и потянулся к фуфайке.

Путь к ней преградила бабушка.

— Погоди, куда торопишься? За полдень перевалило, а там и темень не за горами. Куда пойдёшь в ночь? Путь тебе, как вижу я, предстоит не близкий. Оставайся, заночуешь, а по утру двинешься в путь.

Мужчина заколебался.

— Не сумлевайся. Ты не первый у нас. Многих встретили и проводили, никто ещё в обиде не был. Ты вот что, милок, сегодня суббота, банька колхозная в самом разгаре. Я тебе сменку белья дам, пятачок, мыльца, а ты, будь ласков, сходи, помойся. Оно конечно можно и дома, но уж больно много хлопот. Воду принеси, нагрей, да вынеси. Ну что, собрать тебя в баньку?

Гость не раздумывая, кивнул головой. Бабушка засуетилась.

Достала из сундука пару нижнего, оставленную последним горемыкой, который ушёл в дядь Петином исподнем. Завернула в полотенце обмылок, принесла из сеней дубовый веник, и подробно объяснила, как дойти до бани. Выпроводив его за порог, горестно покачала головой.

— Слова не выжмешь. Видно крепко досталось в жизни. Хороший человек, но больно гордый. Наша жалость ему, что поросёнку нож к горлу. С таким характером ему нелегко будет, — немного помолчав, добавила, — видно из больших начальников. Таким труднее прогибаться, чем простому люду.

Я, время от времени поглядывала в окно — не возвращается ли наш гость. Как не сторожила, а всё же проворонила. Увидела его только в тот момент, когда он выбирался из канавы, в которую упал.

— Бабуленька, а наш гость второй раз искупался.

— Как это?

— Да очень прости. В канаву завалился. Теперь стоит посередине улицы и матерится на чём свет. Может, надрался где?

— Да вроде бы негде ему нализаться было. Но, как говорят, свинья везде грязь найдёт. Судить раньше времени не будем. Выйду, погляжу, что к чему.

Вернулись в хату вместе.

— Не переживай ты так. Сейчас застираем твою одежду. Тома, сбегай к деду, пусть даст какие-нибудь нам брюки на время.

Налив в корыто воды бабушка стала застирывать штаны и рукава фуфайки. Она ни о чём не расспрашивала гостя, а он молчал. Я и так крутилась перед ним, и этак, а он молчит как немтырь. Хоть бы спросил, как меня зовут. Наконец поднялся и пошёл в зал к этажерке с книгами. Подойдя, стал рассматривать их. Удивлённо поднял брови, повёл головой в сторону, и произнёс:

— Хм…. — После чего взял томик Джека Лондона и уткнулся в него.

Вернулась с работы мама. Мужчина мельком взглянул на неё, поздоровался, и снова носом в книгу. Когда стало темнеть, он перебрался на кухню, ближе к лампе. Тем временем бабушка с мамой растопили печку и приготовили ужин. Ели молча, а, поев, легли спать.

Проснулась я от страшного крика. Спросонья ничего не могла понять. Тусклый свет лампы выхватывал из полумрака, мечущиеся по комнате фигуры в белом — мамы и бабушки. Наш гость, сидя на кровати, размахивал руками, и дико вращая белками глаз, орал:

— Огонь! Огонь, мать твою! Левее бери! Константинов!…., — отборный мат заполнил комнату. — Ты что, оглох? Ну, милок, давай! Огонь! — гость вскочил с кровати, — что, гады, выкусили? — он хлопнул себя по бёдрам. — Так их так! — через ствол цельсь, через ствол! Они пройти не должны, слышишь? — мужчина упал на кровать,— и вновь вскочил, как отпущенная пружина. — Не возьмёте, гады, не возьмёте!

Мама подбежала к нему. Но он отшвырнул её к печке. Она упала на пол и свалила рогачи, да ещё вдобавок опрокинула чугунок с помоями. Улучив момент, бабушка толкнула буйного гостя на кровать, и ловко обхватив его голову руками, прижала к своей груди.

— Сыночек, сыночек, я тут, рядом. Не бойся, никому тебя в обиду не дам. Смотри, побежали фрицы. Их нет уже, они далеко, а ты дома, и я рядом.

Солдат слабо пытался сопротивляться. Бабушка быстро гладила его по стриженой голове и, целуя в макушку, говорила, говорила, говорила…. Наконец он обмяк, крупная дрожь пробежала по его телу.

— Мама,… — прошептал он

Бабушка осторожно уложила его на кровать.

— Маруся, неси мою рубашку, его надо переодеть, мокрый как мышонок. Да вот ещё что, прополощи его исподнее.

— А может просто просушить?

— Нельзя дочка. С потом из него много нехорошего вышло, надо это смыть, чтобы оно в него снова не вошло. Да не забудь травяного настоя добавить, а лучше осиновой щепкой трижды крест начерти.

— Переодев буяна в свою рубаху, бабушка заботливо укрыла его лоскутным одеялом.

Утром я встала очень рано. Не спалось. С опаской, поглядывая на гостя, тихонько умылась и, захватив куклу Ленку, вновь шмыгнула на печь. Так, на всякий случай, от греха подальше.

— Ты чего в такую рань подхватилась? — поинтересовалась бабушка, — снимая очередной блин со сковороды.

Я молча указала пальцем на причину моей бессонницы, который смиренно сидел на табуретке, уставив свой взгляд в окно. От него веяло силой, сумятицей и беспокойством. Ветер, как есть ветер! Значит, мне вчера не показалось. Ничегошеньки себе! Кого только у нас не было, а вот ветер впервые. Ишь затаился, будто выжидает чего-то. Куда же понесётся он после короткого затишья? Что будет через минуту — неведомо. Я внимательно смотрела на гостя, и вдруг, почувствовала силу, которая начинает движение. Смотри, встал. Оделся. Вышел. Что удумал бродяга? Сошмыгнув с печи я бросилась к окну. Он стоял на крыльце и осматривал двор. Прожорливые утки шумной компанией направились в его сторону, надеясь получить горсточку кукурузы. Но на сей раз, им не повезло. Гость постоял, постоял и, рассекая, разом загомонившую утиную орду, направился к колоде. Там стоял чурбак, с загнанным в него топором. Гость поднял топор вместе с чурбаком, да как жахнет по колоде! Чурбак раскололся на две половины. Та, которая поменьше, отлетев на приличное расстояние, шмякнулась посредине утиной стаи, слава Богу, никого не задев. Утки разбежались в разные стороны и подняли

такой гвалт, что в пору святых выносить. Они высказали всё, что думали о человеке покушающимся на их жизни. Потом, возмущённо покрякивая, удалились в дальний угол двора.

Переколов дрова, гость взял вилы, и стал выбрасывать из катуха навоз. А после, до самого вечера, опиливал в саду деревья, отвлекаясь только на завтрак и обед. Гору срезанных веток незнакомец перерубил и сложил под веранду. За ужином бабушка, наконец, решилась задать вопрос нашему гостю.

— Имя у тебя есть, сынок? А то неудобно, получается, хочешь окликнуть, да не знаешь как.

Гость поднял на бабушку взгляд и коротко ответил:

— Виктор.

Разговор явно не клеился. Все молча продолжали есть. Спать легли рано. Я долго ворочалась, время, от времени поглядывая на спящего Виктора. Всё ждала, когда он начнёт буянить. Но он вёл себя тихо. Я уже начала засыпать, когда услышала шорох. Сон метнулся вспугнутым зайцем и исчез. Осторожно подняв голову с подушки — замерла. Виктор, сидя на кровати, одевал гимнастёрку. «Что он замышляет? — подумала я, — неужели решил тайком удрать? А как же его вещи? Что мы деду скажем насчёт брюк»?

Тихонько, чтобы никого не разбудить, гость взял с припечки спички и вышел. «Наверно покурить захотел» — мелькнуло у меня в голове. Но тут я вспомнила, что за время, проведённое у нас, он ни разу не закурил. Странно всё это. Мне по-прежнему не спалось. Я и к стенке поворачивалась лицом, натягивала на голову одеяло — фигушки, видно далеко убежал сон. Гость не возвращался. Ярко светила луна, вычерчивая на полу квадраты. Если бы не калачики, на подоконнике, то хоть в классики играй.

В доме стояла звенящая тишина. Она обволакивала меня теплом и уютом, постепенно уводя в омут сна. Сквозь дрёму я почувствовала, как перевернулся с боку на бок кот и упёрся мне лапами в спину. При этом он так громко затянул свою песню,

что на кровати в соседней комнате, заворочалась бабушка. С трудом приоткрываю тяжёлые веки и, сна как не бывало. В окно виден яркий огонь костра, а рядом с ним сгорбленную фигуру. Немного полежав, я, наконец, решаюсь. Слажу с печи и, надев пальтишко, выхожу на крыльцо. На небе несметное количество звёзд. Луна яркая, яркая, словно радуется чему-то. Застёгивая на ходу пальто, отправляюсь в сад. Фигура у костра зашевелилась. Я подошла и молча села на толстый чурбак, который в летние дни служил нам вместо табурета. Молчал гость. Молчала я. Огонь лениво лизал сырые ветки яблонь и груш. Мужчина время от времени скручивал из соломы жгуты и подбрасывал их в огонь. Пахла пёкшаяся картошка, вызывая во рту слюну. «Неужели взял без спроса?» — подумала я, и тут же получила ответ на свой немой вопрос.

— Картошку я принёс с собою, мне её на хуторе дали.

Меня обдало жаром. «Хорошо, что темно, не видно как покраснела. Как он угадал мои мысли»? — пронеслось в моей голове. Ничего, не сказав, я поднялась и пошла в дом. Зайдя в сени, отыскала миску и, наполнив её солёными огурцами, капустой и помидорами, отправилась в сад. Изредка побрёхивали собаки, где-то, кажется у Норенко, скрипнула дверь. Наверное, дед вышел подымить.

Тем временем гость стал выкатывать из костра картофелины. Они основательно поджарились. Поставив на попа чурбачок, он положил на него слегка подгоревшее лакомство и стал скрести его ножом. Покончив с чёрной работой, протянул одну из них мне. Я попыталась удалить твёрдую корочку, но он меня остановил:

— Ешь её такой, какая она есть. Так вкуснее, чем-то напоминает пирожок.

Я откусила кусочек. Действительно было очень вкусно. Корочка хрустела так, будто её на сковородке в сале поджарили. Несмотря на то, что мы плотно поужинали, приготовленное Виктором блюдо разбудило аппетит. Съев картошку, мы оба ус-

тавились в огонь, который на первый взгляд казался ленивым. На самом деле он с аппетитом пожирал веточки, особенно сухие. Сырые сучья старательно лизал своим языком. Огонь напоминал мне старика, старательно жующего пищу неподвластную его зубам. Но, набравшись терпения, он постепенно расправлялся с нею, оставляя после себя пепел и угольки. На душе было немного смутно. Может потому, что человек сидящий напротив меня, таил в себе бурю, которая могла вырваться наружу в любой миг.

— Кхе-кхе.

Мы вздрогнули и повернули головы.

— Не помешаю честной компании? — прозвучал голос деда.

Виктор промолчал, а я обрадовано позвала:

— Дедушка идёмте к нам. Правда картошку мы уже съели, осталась одна капуста.

— Да я вроде бы тоже не пустой, — сказал дед, пытаясь перебраться через перелаз.

Я кинулась ему помогать. Дед протянул мне увесистый узелок и бутылку самогона, только после этого, перебрался на нашу территорию. Бабушка как видно успела рассказать ему о нашем молчуне. Дед, не задавая вопросов, достал из-под плиты табуретку и сел. Затем вынул из кармана две стопки и поставил их на чурбак. Молча, наполнив своим зельем, вздохнул и, обращаясь ко мне, сказал:

— Будь ласкова, поухаживай за двумя мужиками. Развяжи узелок, да положи ейное содержимое на чурбачок.

Я молча выполнила просьбу. В миске оказались сало и хлеб.

— Держи, мил человек, — проговорил дед, протягивая одну из рюмок Виктору.

Мужчины молча выпили.

— Хоть бы чокнулись, не на похоронах ведь, — проворчала я.

— И то верно. Томочка, — проговорил дед, шумно нюхая хлебную корку.

Наш гость наколов на палочку кусочек хлеба с салом стал поджаривать их на огне. Сало потрескивало, аппетитно шкворча. Давно не едала такого!

Молчание всех тяготило. Окружающий мир замер в ожидании чего-то. Нарастала тревога. Она, как снежный ком увеличивалась с каждой минутой. Ещё мгновение и…. Вдруг что-то произошло. Смута покинула душу, наступило равновесие между тревогой и покоем. Это было пограничное состояние, но я чувствовала себя уверенно. Чего нельзя было сказать о мужчинах. Дед, сопя, время от времени покашливал, а Виктор перебрасывал стопку из руки в руку. В это время я не была собой, во мне жила умудрённая опытом женщина, немало повидавшая на своём веку. Моё тело было не моим, оно словно налилось тяжестью. Чувствовалась несвойственная моему возрасту скованность, (спустя десятки лет она напомнила мне о себе!).

— Чего в молчанку играете, мужики? — обратилась я к своим соседям, — думаете, не знаю, что хочет каждый из вас?

Мужчины удивлённо уставились на меня.

Тебе, Иваныч, не терпится выведать у него, — я кивнула в сторону Виктора, — откуда он, куда идёт, да за что сидел, но больше всего хочешь узнать, хороший он человек или плохой. Ты не решаешься этого сделать потому, что боишься ненароком человека обидеть. А ты, — повернулась к гостю, — зарылся в сено и сидишь там, себя жуёшь. Смотри, загорится стог, поздно будет. Не от огня погибнешь — от дыма задохнёшься. Небось на весь свет в обиде. А стоит ли твоя обида того, чтобы люди вокруг тебя виноватыми себя чувствовали? За что ты с ними так?

Меня обдало жаром, на лбу выступили капельки пота. Я обмякла. Оболочку моего тела покинуло то, что минуту назад поселилось в нём. Стало страшно. Вдруг сейчас начнут ругать за то, что с взрослыми так неуважительно разговариваю. Чего доброго гость опять начнёт орать как потерпевший. Только

бы мама об этом не узнала. Как я ей объясню, что сама я так разговаривать не могла. Но кто это тогда был? Господи, что же теперь будет?...

— М-да, — произнёс дед, поёрзывая на табуретке, — не в бровь, а в глаз. Не знаю как с твоей стороны, мил человек, а с моей, аккурат, в яблочко шмальнула.

Гость молчал, продолжая перебрасывать стопку из одной руки в другую. Наконец поставил её на чурбак и сказал:

— Налей, старик.

Дед молча наполнил рюмки. — Ну что, за встречу? — Мужчины чокнулись.

Выпив одним махом дедово зелье, гость отломил кусочек хлеба и, нюхая его, шумно втянул в себя воздух.

— Обиду, говоришь, таю, — обратился он ко мне, — есть малость. Но не в этом дело, просто много говорить не люблю, а тем более, плакаться в жилетку. Особенно противно, когда тебя жалеют.

— Жалость жалости рознь, — встрял дед, — тут понимать надо, когда принимать её, а когда бежать от неё подальше.

Жалость, она и есть жалость, в каком бы соусе её не подали, она мне противна. Почему ко мне относятся, как к какому-нибудь калеке, постоянно пытаются угодить.

— Ну не мужики же, а бабы. В них жалость с рождения заложена.

— Это не имеет никакого значения.

— Имеет, — взрывается дед, — имеет, да ещё какое! Может, в тебе сына видят, который с войны не вернулся, а может сразу двух, — дед налил стопки, — давай выпьем за бабью жалость, на ней родимой свет наш белый держится. — Как там тебя величать?

— Виктором.

Понимаешь, Витя, нам мужикам, баб Бог в награду дал. А мы, пакостники, не бережём сей дар. Только когда теряем, начинаем понимать, чего лишились. А насчёт жалости, я вот что

тебе скажу, принимай её, как кот ласку. Не дай Бог, на смену жестокость придёт, вот тогда в пору Лазаря петь. Права Тамарка, хотелось о тебе побольше узнать, но не всяк человек о себе постороннему всё выложить может. Главное, я уже узрел. Ты не жулик и не проходимец.

— Откуда такая уверенность?

— Просто наблюдал за тобой, когда ты деревья опиливал. Не мельтешил, работал аккуратно, со знанием дела. Жулики себя так не ведут. Они суетятся, болтают много, то бишь, стараются хозяевам понравиться. Ты же наоборот, Своим молчанием людей пугаешь, а, как известно этим в доверие не вотрёшься.

— Ну, дед, ты прямо философ.

— Вот ты обозвал меня хвилосохом, кто он такой мне не ведомо, но, наверно, это башковитый мужик, а значит и я не промах. Спасибо за похвалу, мил человек, на том и стоять будем. Ты надолго к нам?

— Думаю, что уже завтра двинусь в путь. За ночь штаны мои окончательно высохнут, во всяком случае, я на это надеюсь.

— Выходит, я и здесь не промахнулся. Дед полез за пазуху и вытащил оттуда объёмистый свёрток (А я то думала чего это дед там прячет!). — Это тебе на дорогу.

— Что это?

— Табачок. Может, сам побалуешься, может, доброго человека угостишь, а то и кусок хлеба выменяешь.

— Дед, ну ты же меня совсем не знаешь, может я убийца.

— Все кто был на войне убийцы, оттуда святошами не вертаются.

— А если я своего убил?

— Тут разобраться надо. С дуру грохнул, то убийца, а если для дела то нет.

— А кто мне в этом поможет разобраться

— Ты сам. Ведь осудил его ты? Приговор привёл в испол-

нение тоже ты? Так чего же за чужой спиной ответ ищешь. Али сомневаешься в чём-то?

— И да, и нет.

— Ну, тогда сядь, вспомни всё до мелочей, особенно на них упор делай. Проследи вашу ссору или спор с самого начало, до самого конца. Поверь это не маловажно. Особенно прощупай начало и конец вашего сшибания, ибо всё заложено в посеве и жатве.

Наступило молчание. Весело плясал огонь на сучьях, лениво перекликались собаки, где-то прокричал петух.

— Ну, засиделся я с вами, ежели петух не брешет. Томочка, ты скажи бабушке, чтобы блинов на завтрак напекла, бабка медку, да молочка принесёт.

— Спасибо дедушка.

— Пока благодарить не за что. А тебе, Витя, счастливой дороги. Последуй моему совету. Разберись с тем, что в душе накопилось. Если прав, всё забудь. Если нет, то ты уже отбыл своё наказание. Угадал?

Наш гость кивнул головой.

— Ну а как это другим доказать?

— Зачем доказывать? Кто тебе верил, тот и по сей день на твоей стороне, А кто нет, тот до самой смерти с этим не смириться. Главное оставайся человеком. Ну, с Богом, сынок.

После ухода деда мне захотелось спать. Да и Виктор не склонен был продолжать беседу. Я поднялась и направилась в хату. По дороге пыталась осмыслить услышанное, но сон мне этого сделать не дал. Едва моя голова успела прикоснуться к подушке, как я отключилась.

Проснулась от аромата блинов и тихого разговора между моей бабушкой и бабушкой Норенчихой.

— Сватья, дед велел мне принести вам молока и мёда. Побалуй своих.

— Спасибо Никаноровна. Сегодня наш гость в дорогу от-

правляется. Что с ним произошло, не знаю, по-другому как-то смотрит, веселее что ли. Даже улыбнулся первый раз за последние три дня. Может, радуется, что скоро своих увидит?

— Да кто ж его знает. Дед говорит, что он больно уж мается по какому-то делу, а какому не сказывает.

— Когда это Иваныч успел с ним побазарить?

— А ты что, ничего не знаешь? Они же сегодня полночи в саду костёр палили. С ними и Томка была.

— Да спит еще она, а гость наш, не болтливый. Так что он там рассказал?

— Да нечего толком дед с него не вытянул. Одно ведомо, убил он кого-то.

— О, Господи! — ахнула бабушка.

— Да не пугайся, на убийцу он не похож. Мой дед насквозь человека видит, ещё не разу не ошибался.

— Как знать. Девять раз угадаешь, а на десятом промахнёшься.

Я слезла с печи. Поздоровалась с бабушками, и стала умываться.

— Вот и думай после этого, кого в дом пускать.

— Дядя Витя не виноват, что убил военного начальника. Тот сам напросился, — сказала я, вытирая лицо.

— Ты то откуда знаешь? Он, что, рассказал об этом?

Я молчала.

— Воды в рот, что ли набрала? Откуда тебе это ведомо, — допытывалась бабушка.

— Оттуда… — пробурчала я, садясь за стол.

— О чём это она? — я что-то не пойму ничего.

— Сватья, ну а я почём знаю? Мелет, сама не зная чего. Ты вот лучше садись, блинов отведай.

— Я бы с радостью, да дед у самовара заждался. Без меня есть, не начнёт. Всего вам доброго.

— Ещё раз, спасибо, Никаноровна.

Когда за гостьей закрылась дверь, бабушка села напротив меня.

— Ну, теперь давай рассказывай всё по порядку.

— Смеяться не будешь как прошлый раз?

— Не буду, только ты не выдумывай ничего, этим шутить нельзя.

— Да я и не шучу. Знаешь, как бывает страшно, когда такое случается? Вон, сегодня даже описалась.

— Так чего молчала до сих пор?

— А что, при гостье позориться буду? Я ж не виновата, что такая пронырливая уродилась, носит меня там, где черт нос сунуть боится.

— Нечистого поминать большой грех. Давай поговорим, пока никого нет, а потом я тебя искупаю. Так что произошло с тобой?

— Я ночью на войне побывала….

Бабушка перекрестилась.

— там так страшно было! — я заплакала, — особенно, когда танк на меня наехал. Он так, бабушка, громыхал, дымом вонючим плевался, пострашнее трактора, а я стою, и двинуться с места не могу. Так и проторчала, пока он через меня ехал.

— Так как же ты уцелела?

— Откуда я знаю.

— Ладно, забудь об этом, то просто был сон. Сколько раз я говорила тебе, чтобы не ходила в клуб смотреть страшные кино, так нет — не слушаешь. А потом ночами не спишь.

— Кино тут ни при чём. В кино не показывают дядю Витю. А я его сегодня видела. Он крепко ругался с толстым дядькой.

— А чего они не поделили?

— Да кто этих мужиков поймёт. Там столько наговорено было словами мудрёными, коих я никогда не слыхивала.

— Давай попробуем разобраться, — предложила бабушка.

— Давай. С чего начать?

— С их разговора. О чём речь шла?

— Дядя Витя говорил про приказ, о котором ему по телефону поведали. А толстый орал, что слышать об этом не желает. И никому отступить не даст. Дядя Витя стал кричать на толстого, что тот и так уже пол полка ни за что положил. Тут я бабушка не поняла, дядя Витя говорил, что толстый с дуру, какие-то флаги голыми оставил, и теперь немцы могут их окружить. Отступать, мол, надо, выравнивать линию, а какую я не запомнила. Толстый ни в какую не соглашается. Орёт, как ненормальный. Выхватил наган и тычет, дяде Вите в лицо, кричит, что он враг народа. Мол, застрелю каждого, кто повернётся к немцам спиной. Бабулечка, а кругом такая стрельба шла, и всё время вжикало что-то. Один солдатик схватил железную коробку и побежал по канаве, так толстый его убил из нагана, а потом ещё в другого выстрелил, но не попал. Дядя Витя схватил толстого за руку, тот стал вырываться и материться, почище, дядьки Перегудина. «Всех под суд отдам»! — кричит. Да как толкнёт дядю Витю, тот зацепился ногой за убитого и упал. А толстяк на него наган наставляет. Тут дядя Витя и выстрелил в него, но тот, прежде чем упасть мёртвым, успел стрельнуть и попал дяде Вите в руку. Немножко попал, около плеча, но кровь потекла. Такая каша потом заварилась! Дядя Витя другим командирам стал приказы отдавать, а сам с солдатами у двух пушек, остался. Одни солдаты по канавам разбежались, стрелять начали, другие забрали раненых и к лесу подались. А потом появилось три немецких танка. Один из них, как бабахнет! Разом одну пушку раскурочил, а солдатиков убил. Дядя Витя, не долго думая, бросился к целой пушке и с двумя другими солдатами, в ответ, стал по танкам пулять. Два штуки они убили, а один, перелез через глубокую канаву и хотел гнаться за теми, кто недавно ушёл и унёс раненых. Вот тут он на меня, бабушка, и наехал. Ой, забыла сказать, что прежде чем на меня наехать он дядь Витину пушку вверх тормашками перевернул, когда стрелял. А после того, как меня переехал, почему-то подпрыгнул и у него зад загорелся. Дядя Витя поднялся, шатается, материться, кровь с головы ручьём течёт, а солдатиков

нигде не видать. Тут прибежал тот, что возле ящика с трубкой сидел и всё время долдонил: «Сосна! Сосна»! «Связь появилась! — кричит он, — приказано к Матвеевке отходить»! А вот тут я что-то проворонила, засмотрелась на железку, которая мне под ноги упала.

— Какую железку? — поинтересовалась бабушка.

— А бес её знает. На пулю немножко, похожа, только большущая. Как бухнет под ноги, земля разом в стороны полетела. А по той железке молнии змейками побежали во все стороны, и разорвали её на маленькие кусочки. Один из кусочков попал в того солдата, что новость принёс, прямо в голову. Оглянулась я, чтоб на помощь позвать, и вижу, как остальные забегали все по канаве, вылазить из неё стали, и, пригнувшись, в сторону лесочка подались. А пешие немцы, которые за танками шли, прут прямо на меня. Когда наши подбежали к лесочку, то позади них небо почернело. Его взлетающая земля закрыла. Такой грохот стоял! Та, страшная, прошлогодняя гроза ему в подмётки не годится....

Раздался шорох. Мы вздрогнули и оглянулись. В дверях стоял наш гость и с прищуром смотрел на меня.

— Садись завтракать, — засуетилась бабушка, — ты не обращай на её болтовню внимания, мало ли чего дитя малое напридумывает.

Гость молча сел за стол. Немного помолчал, а потом заговорил:

— Да нет, Мария Дементеевна, в её словах нет выдумки, в них голая правда. И хотя я был во всём прав, меня осудили, за то, что не предотвратил это наступление. Откуда же я мог знать, что мой командир, пойдёт на должностное преступление. Если бы я его не застрелил, то он меня убил бы, да в придачу ещё остаток полка угробил. И неизвестно, чем кончился бы прорыв немцев на том участке, ведь нас могли окружить. Фланги ведь оголены были, и немцы, запросто, могли прорваться к нам в тыл, а там уж бед натворили бы. У полковника либо крыша по-

ехала, либо выслужиться захотел, другого объяснения не нахожу. Высотка слегка в нашу оборону вдавалась, вот он и решил немцев подвинуть, а остановиться вовремя не смог. Высоту мы тогда в легкую взяли. Удача ослепила его, и он, не думая о последствиях, двинулся вперёд. Оказывается его самовольная выходка не была согласована с командованием, отсебятину внёс, нас дезинформировал. И что интересно, в самом начале боя прервалась связь. Я на линию послал связиста, а провод, по странному стечению обстоятельств, был оборван у самого аппарата, и под ящик заведён. Когда разобрались, что и к чему, я связался с командующим, тот был в недоумении нашими действиями. Велел немедленно отходить на старые позиции. Судом грозился. Полковник упёрся, мол, я этого приказа не слышал, и отступать никому не позволю. А тут, как назло, снова пропала связь, на сей раз, как потом мне рассказали, произошёл обрыв на линии. Вот и пришлось мне за того гада отдуваться. Но до сих пор меня мучает одно — чуял ведь, что идёт что-то не так, почему не подстраховался, не уточнил поставленную задачу перед полком, поверил этому обормоту. Ведь с самого первого нашего знакомства, он показался мне каким-то мутным.

Виктор молча уставился в окно, за которым окружающий мир в изобилии был раскрашен серыми и рыжими красками. Бледное, словно больное, солнышко лениво покоилось на небе.

— Куда путь держишь, если это не секрет? — поинтересовалась бабушка.

— В Майкоп, там сеструха с детьми. Моя семья погибла при эвакуации. Эшелон, в котором они находились, был уничтожен под чистую.

— Ты, Витя, запиши адрес моего старшенького, Шуркой его зовут. Может чем поможет тебе на первых порах.

— Удобно ли это будет?

— А чего же тут неудобного? Шурка у меня гостеприимный

хозяин, всю войну прошёл, полковник, лётчик, — с гордостью сказала бабушка.

— Ну и нужен ему гость с такой биографией? Не известно, как всё завтра повернётся, а мужику не преминут об этом напомнить.

— Волков бояться — в лес не ходить. Знаешь такую пословицу? Пуганые мы, сынок. Так, что одним испугом меньше, другим больше. Ничего, выдержим. Если человек человеку не поможет, то от кого же тогда помощи ждать?

— Можно я сегодня уйду?

— Отчего же нельзя, иди. Только погоди чуток, придёт Маруся, напишет тебе адрес, я ведь неграмотная. Александру привет передашь от нас, скажешь, что скучаем и ждём в гости. Да пусть не забудет наличники захватить, а то Пашка — его сестра, мне всю голову проела, мол, когда же он привезёт их. Яиц не передаю потому, что куры что-то плохо несутся, но к его приезду соберём чуток. А тебе я положу картошки, табаку, да кусочек сальца с луком. Не обессудь что оно тоненькое. Зерна лишнего нет, чтоб нормально кормить порося, а на одной картошке жир не нагуляешь.

— Да мне ничего не надо,… — начал гость, но бабушка его прервала:

— Не спорь, неизвестно, как дорога сложиться, денег то у тебя нет, а без них не всякий шофёр подвезти возьмётся. А так продашь табачок, глядишь, и лишняя копейка в кармане появиться.

Вскорости пришла мама, она написала адрес и подробно объяснила, как удобнее добираться до Майкопа. Наш гость попрощался, и, закинув за плечи «сидор» шагнул через порог. А бабушка повернулась к иконам, молча зажгла лампаду, и, став на колени, стала просить Бога, помочь в пути и дальнейшей жизни, рабу его — Виктору.

Часть III

Не узнали

— Девочка, позови кого-нибудь из старших.Голос, который неожиданно прозвучал за моей спиной, заставил меня вздрогнуть. Прижав к груди куклу Ленку я обернулась и обмерла. Ужас сковал меня, холодок пробежал по спине и полыхнул в голове яркой вспышкой. Раскрываю рот, чтобы крикнуть, но не могу издать даже звука. Сердце бешено заколотилось. Я смотрела расширенными от ужаса глазами на то, что по идее, было человеческим лицом. Красно-лиловое месиво, обтянутое тонкой, блестящей кожей, было испещрено грубыми белыми рубцами. Губы отсутствовали. Вместо них находилась щель, над которой, видны два отверстия. По всей вероятности это был нос. На одной руке наполовину нет пальцев, и она похожа на лягушачью лапу. Там где должны быть уши — бугорки. Голова наклонена в левую сторону, и край щеки прирос к ключице. Веки одного глаза наполовину срослись. Брови отсутствовали.

— Не бойся меня, я тебе ничего плохого не сделаю. Позови маму или папу.

Ноги словно свинцом налиты, хочу бежать, и не могу двинуться с места, только Ленку крепче прижимаю к груди. В это время на крыльцо выходит бабушка.

— Ты с кем там разговариваешь, Тома?

Хорошенькое — разговариваешь, я звука издать не могу.

Бабушка подходит к калитке. И, как ни в чём не бывало, спрашивает:

— Что надо, мил человек?

— Здравствуйте! Не найдётся для меня кусок хлеба? От картошки тоже не откажусь.

— Отчего же, и хлеб найдётся, и тарелка борща. Заходи.

Мужчина замялся.

— Мать, может, сюда вынесешь? А то я всех ваших близких своей рожей распугаю.

— Не рожей, а лицом, и потом, они у меня не боязливые, заходи.

Спустя некоторое время я осторожно открываю двери в хату и проскальзываю в комнату. Наш гость ест борщ, ловко орудуя ложкой. Я только сейчас заметила, что его покалеченная рука до конца не разгибается. Бабушка сидит напротив, подперев щёку рукой, и с тоскою смотрит на незнакомца.

— Куда путь держишь, сынок?

— Сам не знаю. Я уже много лет в пути, и как вижу, конца ему не предвидится.

— Что ж ты скитаешься, как ветер, давно пора к месту прибиться.

— Не так всё просто, мать. Место для тела найти можно, а вот как быть с душой? Её словно кто-то всё время в дорогу зовёт. Пока иду, нормально себя чувствую, а стоит только остановиться, начинает тоска заедать. Вспоминаю прошлую жизнь, тянет на Родину, а там для меня места нет.

— Кто же это решил?

— Я и решил.

— А прежде чем такое решить ты хорошо подумал?

— Не уверен, вот поэтому и маюсь, хожу кругами вокруг дома, а появиться на его пороге не рискую.

— Ну, так может, вместе разберёмся? Взвесим всё, разложим по полочкам, а там глядишь, отыщем то, что ты потерял в своей жизни.

— Вряд ли, много раз пытался это сделать, но всё кончалось не начавшись.

Бабушка поднялась, вытащила из зева печи запеченную тыкву и, отрезав, большой ломоть подала гостю.

— Дом то далеко?

— Да нет, рядом. Второй день пошёл, как там побывал. Посмотрел издали на сынишку, маму, жену и снова в бега подался.

— А они о тебе что-нибудь знают?

— Для них я без вести пропавший. Это я у местных мужиков выведал.

— Так чего же ты не порадуешь их?

— Смеёшься мать? Как же я в таком виде предстану пред ними? Да и не признают они меня.

— Не говори так. Глаза не узнают, сердце подскажет.

Мужчина отвернулся к окну и стал смотреть в него. Прошло много времени, прежде чем он глухо произнёс:

— Видно не подсказало.

— Так ты что был у них?!

— Был, ещё в начале сорок пятого. Понимаешь, мать, после того, как обгорел, я долго лежал в госпитале. Раны, заживали плохо, время от времени снова открывались. Домой ехать я отказывался, а доктор был мужик с понятием, определил меня на кухню подсобным рабочим. Я там собственно числился, какой из меня работник, так, одно название. Пока я находился при кухне, он меня подлечивал, даже операцию на левой руке сделал. Она у меня к телу в районе подмышки приросшей была. Когда я окреп, он хотел мне ещё одну операцию сделать, но не успел, отправили его в полевой госпиталь, он давно на фронт просился. Говорил, что там он больше пользы принесёт. Оставаться при госпитале резону не было. Решил в родные края податься. Когда приехал в станицу, то не рискнул домой в открытую явиться. Вот так же, как сейчас, постучался к родным и попросил хлеба. Мама за стол посадила, борща налила. А кусок в горло не лезет, будто душит кто-то. Тут жена с сынишкой заходят. Увидел меня малец и в рёв. Подхватила его моя Любочка на руки и вон из хаты. Слышу, успокаивает его на крылечке. Мол, не бойся дядю, он хороший, добрый. А сынок Коленька спрашивает её:

— Почему дядя такой страшный?

— Так его, наверное, немцы мучили — говорит Любаша.

Тут раздаётся соседкин голос:

— Что случилось? По какому такому случаю слёзы льём?

Жена ей объяснила, что да к чему, а ту любопытство распирает.

— Пойду, гляну, — говорит.

— Чай он не диковина, чтоб его рассматривать, зачем человека смущать.

А той всё по барабану. Зашла в хату, увидела меня, охнула, и только её видели. Слышу, говорит Любаше:

— Не приведи, Господи, если такой муж с войны явиться. С ним не то, что в кровать страшно ложиться, на большую дорогу разбойничать жутко выходить.

— По мне, какой угодно, только бы живым пришёл, — отвечает жена.

— Это ты сейчас так говоришь, а вот пришёл бы такой, небось, Лазаря запела бы. Каково мальчонке такого урода каждый день видеть? Что не говори, а по мне лучше похоронку получить, чем с таким маяться.

Не выдержал я, поднялся, и пошёл. Если честно сказать надеялся, что окликнут меня по имени, остановят. Но меня, неп-риз-на-ли! Правда окликнула меня мама, но только для того, чтобы сказать, дескать, не обращай на дуру внимания. Иногда накатывает желание дома объявиться, но как вспомню тот разговор, сразу желание пропадает.

— Зовут то, как тебя, скиталец?

— Хитришь мать. Думаешь, не знаю, что по вашей бабьей почте тут же депешу отправишь. А я парень «видный», мигом найдут, если захотят. Но я не желаю обузой быть, не хочу, чтобы из жалости в дом пустили, не хочу, чтобы сын меня стеснялся.

— Но как дальше жить собираешься? Не будешь ведь всё время по миру скитаться, чай не собака бездомная.

— Пока хватит сил, поброжу, а потом в какой-нибудь приют определюсь. С документами у меня полный порядок. Да и в день Победы есть, что на грудь повесить. Так что, мать, я не лыком шит.

— Где же тебя так угораздило?

— Под Прохоровкой, слыхала про такую? Кто там побыл, того вряд ли адом испугать можно.

— Слыхала, сынок. У нас в селе учитель истории, есть, так вот он на этой самой дуге воевал, где-то между Курском и Орлом. Таких страстей нам понарассказывал, что до сих пор волосы на голове шевелятся.

— А в каких частях он воевал?

— В пехоте. Сам молодой, а виски уже седые.

— Седина, она как орден, её тоже заслужить надо.

Мужчина умолк. Он задумчиво ковырял ложкой тыкву и слегка подёргивал головой. Первой молчание нарушила бабушка.

— Не прав ты, ох, не прав. Не ведомо тебе, что такое ожидание. Переступи порог родного дома. Сколько душ живых покой обретёт, да и сам маяться перестанешь. А то бродишь по земле ветром бездомным.

— Да обманул я тебя мать, на данный момент не бродяга я, осёдлый, уже почти три года. Живу в небольшом городке, поселился в заброшенной хатёнке, подлатал её, как смог, сторожем работать устроился на склад. Деньжат немного скопил. Да вот не знаю, как их передать своим. Ведь сразу поймут от кого. А это значит, себя обнаружить, что в мои планы не входит. А что бедствуют они, то это не вооружённым глазом видать. Обчонка на Любаше ветхая, кофточка вся в латках. Да и мама не лучше выглядит, а вот на сыночке одежда справная, руками моей Любушки пошитая.

Мы с ней перед самой войной в сельпо костюм мне купили, где он сейчас не ведаю, а вот из старого жена штанишки на Коленьку пошила. Хозяйка она у меня справная. Очень хочется

помочь им, но и обнаруживать себя, подавать надежду не желаю.

— Какие же вы мужики не путёвые. Вот, ты, о себе печёшься. А о них подумал, каково им сейчас? Не хватает духу из рук в руки отдать, так по почте пошли. Если обнаруживать себя не желаешь, то кого-нибудь попроси, чтобы с другого места отправил.

— Да я об этом уже думал. Наверное, так и поступлю. Ладно, мать, засиделся я, пора и честь знать. Спасибо за хлеб и соль, но прошу, не надо бабье радио подключать. Сам, может, с духом соберусь, что-то последнее время о возвращении много думать стал. Не подведи, мать. Я и так тебе много лишнего наговорил.

Мужчина поднялся из-за стола.

— Если можно, то дай пару картошин на дорогу, домой я попаду только завтра к обеду.

Бабушка сходила в сени, принесла картошки и, отрезав ломоть хлеба, положила перед гостем на стол. Он аккуратно сложил продукты в сумку, от предложенных яиц отказался, ссылаясь на то, что он их может раздавить. Тогда бабушка принесла коробку из-под дядиных ружейных патронов и, уложив в неё яйца, протянула мужчине. Когда он ушёл, бабушка, вздохнув, сказала:

— Надо Лукерье сообщить, к ней ведь много люда лечиться ходит, может кто, что-нибудь слышал. Война, война, что ж ты проклятая наделала…. Скольким судьбы поломала, сколько душ загубила, скольких обездолила.

Бабушка заплакала, развернулась и пошла в хату, на ходу вытирая слёзы краешком своего фартука.

На Рождественские праздники бабушка Лушка принесла нам весть, которую ещё долго обсуждали в нашем селе. Якобы в Губской объявился солдат, которого долго считали без вести

пропавшим. Он был до неузнаваемости обезображен, поэтому его родные не сразу признали.

Своим появлением, он всколыхнул у вдов потухшую надежду на возвращение близкого человека. Перед самой пасхой тётя Рая сходила в Губскую. По её описанию это был тот самый человек, который гостил у нас в середине лета. На вопрос бабушки:

— Зачем ты туда ходила?

Она ответила:

— Хотела порадоваться хотя бы чужому счастью.

Рассказы

ОДНА В СЕДЛЕ

Девочку разбудил взволнованный голос соседки. «Господи, и чего не спится этой тётке Таньке? С утра порядочным людям покоя не даёт», — подумала она, с трудом открывая сонные глаза.

— Нет, ты представляешь, Маруся, накачал их в «гадюшнике»* до рыгачки, а потом еще домой пригласил. Не дожрали, видите ли. А бревнища то, какие толстенные! По два штуки на подводе лежали, как их кони только тащили, ума не приложу, — соседка суетливо поправила на голове платок, — дорога там, сама знаешь, от Витькиного плетня к яру под уклон идёт, а тут ещё ночь на дворе. Черкесы сели с той стороны, что к яру. А темень, хоть глаза выколи. Кони слегка влево взяли, телега накренилась, и брёвна по мужикам, как катком прошлись. Угораздило же их вместе сесть. Вот что значит судьба. А Витька следом ехал, с ним хоть бы хны. Вот скажи, Марусь, как можно было людей, не знающих дорогу, вперёд пустить? У него чо, голова не варила? Одного из мужиков почти на самое дно свезло, а второй неподалеку от дороги лежать остался. Господи, страсть то, какая!

— У яра уже, наверное, всё село собралось? — поинтересовалась мама.

— Та нет, наших никого не видать, окромя Лёньки и милиционера, а вот черкесов много понаехало, штук пятнадцать будет. Одних стариков пятеро. Жиркочат по-своему, злющие такие. Ой, Маруся, как бы беды не было. А вдруг они нас резать начнут?

— Таня, чего ты мелешь? Они что, ненормальные?

— Да кто знает, чо у них на уме.

---

*Гадюшник — сельская закусочная.

— Откуда же тебе известно, что они злые? Из пальца высосала?

— Почему из пальца? Я матери с утречка молока понесла, а её огород к лабушняковскому примыкает. Ставлю кувшин на стол, сама в окно поглядую. Увидала мужиков, интересно стало, чего они там собрались. Я тогда в огород, по-над плетнём подкралась поближе, присела за вишняком, — всё увидала и всё услыхала. Старики такие важные стоят, все в черкесках, с кинжалами. Их самый главный с милиционером через толмача разговаривает. Не желает по-русски говорить. А ведь, как пить дать, знает наш язык, чего вредничает, сам не ведает.

— Таня, а почему мы не хотим учить их язык, ведь знаем по-черкесски всего два, три слова, хотя и живём рядом с ними?

— А на кой ляд мне по ихнему трепаться? Я на русском всю жизнь болтаю.

— Ну, тогда и нечего обвинять старика, что не хочет по-нашему говорить. У них даже дети знают русский, а мы взрослые, по ихнему, ни в зуб ногой.

— Нас больше, вот и пусть под нас подстраиваются.

— Нельзя так рассуждать.

— Хватит читать мне заупокойную. Ты вот лучше, дальше послухай. Показывает этот дед на Витьку и говорит, мол, зачем он напоил моих людей. А тот бе, ме, сами пили, я им в глотку не заливал. Старик его не слушает, лютует, грозится покойников в яру оставить. Мол, кто их поил, тот пусть и хоронит. Раз они закон нарушили, нахлестались водки, какие они после этого адыги. Вот такие дела, соседка. Я даже свинью из катуха* не выпустила.

— А свинья тут при чём?

— От греха подальше. Вдруг подвернётся им под горячую руку, возьмут и убьют чего доброго. Они же их терпеть не могут. Говорят, что свиньи могилку ихнего важного чина

*Катух — хлев для свиней.

разрыли. И хоть давно это было, до сих пор помнят. Во, какие злопамятные!

— Танька, ну чего народ баламутишь? — вмешалась бабушка, — чего панику сеешь? Забыла, как они нас в войну за мостом встречали и до самой Лабинской вели?

— Утож и охраняли, что немцы им пригрозили, коли найдут хоть одного убитого селянина, — сожгут аул к чёртовой матери.

— Да пойми, ты, голова твоя садовая, немцы ведь хотели наши народы лбами столкнуть. Забыла, как они предложили черкесам село разграбить? Забыла, как те отказались? Вот тогда немчура и придумала новую пакость. Убили бы кого-нибудь из наших по дороге в Лабинскую, а свалили б на черкесов. Но те молодцы, мигом раскусили их. Нас в обиду не дали, и себе жизнь сохранили.

— Кто умный, а кто дурак, одному Богу известно, а бережёного Бог бережёт, — важно заявила соседка, громко хлопнув дверью.

— От прибабахнутая баба, — вздохнула бабушка, — Витька тоже хорош гусь, угробил мужиков ни за понюх табака. Голову на плечах надо было иметь, когда домой их потащил. Наши мужики ту дорогу хорошо знают, и то по ней лишний раз не ездят, а тут чужие люди, да ночью.

Мама заметила, что я проснулась…

— Доброе утро доченька! Давай, слазь с печки, завтракать будем.

— Мамочка, а можно потом за пролесками сходить?

—Иди, но в сторону птицефермы — ни ногой. В кизиловой балке цветов уйма, туда и топай. А то, не дай Бог, выследит тебя одноглазый, на сей раз не уйдёшь живой.

— Так я и прошлый раз на ферму не ходила, у брода была, а он меня у самой речки застукал. Мам, Пират не такой страшный, латут любит. Правда кукарекает громче всех.

— Да тебе в тот миг и шёпот мог громом показаться. Кончай болтать, пора за стол садиться.

Девочка быстро заплела косички, умылась, и села завтракать. Новость, принесённая Колькиной матерью, не давала покоя. Черкесов она видела на картинках, а в живую только один раз, когда те через село проезжали. Ей очень понравились карманчики у них на груди, из которых торчали карандаши. Ведь это так удобно, — захотел рисовать, — пожалуйста. Вынул карандаш и рисуй, была бы бумага под рукой. Почему мама не хочет пришить ей такие на платье? Наверное, с ними возни много, а лишнего времени у мамы нет. Одежда, которая была на мужчинах, удивила её не меньше кармашков. Вместо фуфаек — черкески, чем-то похожие на короткие платья, а поверх их, бурки наброшены, у которых нет рукавов и ни одной пуговицы не видать. Как они только с плеч не падают, когда черкесы на конях скачут. Ремни тоже не такие, как у мужиков, а узенькие, с приляпанными железочками. И что интересно, сбоку кинжал висит.

— Ешь быстрее, а то дома останешься, — пригрозила бабушка,— да помни, что тебе наказала мама.

Быстро доев картошку, девочка оделась.

— Сегодня я тебе, бабуля, точно принесу пролесков.

— Ладно, иди с Богом. Прошлый раз тоже обещала принести, да петуху отдала, — засмеялась бабушка, — буду надеяться, что сегодня ты их лисам не подаришь. Что скажешь на это?

— Так лисы не дерутся как петухи, а, видя людей, убегают, куда глаза глядят.

2

«Жаль, что мама не разрешает ходить к броду. Не такой уж Петька и страшный, как его малюют, подумаешь, припугнул маленько. Может, он знал, что у меня в кармашке кусочек латута лежит, вот и решил отнять. Сашка за конфету мне нос расквасил, когда её отнимал, а тут, ерунда, клюнул в пальто пару раз»,

— рассуждала она, медленно бредя по улице. «Может сходить к яру и проверить, не набрехала ли тётка Танька», — подумала девочка и решительно свернула в боковую улицу.

Ещё издали заметила толпу мужчин. Привязанных к кольям плетня лошадей. Подойдя поближе увидела председателя колхоза, который что-то объяснял черкесам, и, вероятно, не находя нужных слов, помогал себе жестами в разговоре.

Старики стояли, как нарисованные, держа руки на кинжалах. Среди них особенно выделялся один, в высокой барашковой шапке. Он стоял впереди всех, важный такой….

Вдруг, девочка увидела на склоне бугра погибших мужчин. Один из них лежал лицом вниз у ручья, другой почти у самой дороги. Толстое бревно скатилось на дно яра, а другое зависло на самом верху. Это бревно словно сторожило мужчину, вдруг он начнёт подниматься, вот тогда и…. Девочка поёжилась. Почему их не вытащили на дорогу и не увезли домой? Почему до сих пор не обмыли и не переодели? Неужели старик хочет выполнить свою угрозу, — оставить покойников в яру? Но так же нельзя поступать с умершими. Совсем недавно бабушка рассказала ей, что когда немцы отступили, то их убитых похоронили местные жители, а тут ведь родственники живут неподалёку. Как же так можно? Она посмотрела на букетик пролесков. «Отдам ка я цветы покойникам, ведь должен их кто-то утешить, а бабушке завтра принесу». Она осторожно стала спускаться на дно яра, но подойти к убитому было невозможно, начинался крутой обрыв. Малышка разделила букетик, и одну его часть бросила на покойного. Цветы рассыпались по его спине, а некоторые упали рядом на землю. Со второй половиной подошла к другому, и замерла. Мужчина лежал навзничь, раскинув в стороны руки. Его лицо и волосы были испачканы землёй и засохшей кровью. Открытые глаза смотрели в ярко-голубое небо. С правой стороны головы была высохшая лужа тёмного цвета, которую недавно питал исток, берущий своё начало из

уха, внутри которого сейчас, находился сгусток запёкшейся крови. «Почему она такая чёрная, ведь должна быть красной, может это вовсе не кровь»? Девочка присела. Положив букетик мужчине на грудь, вздохнула. «До чего же взрослые бестолковые, до сих пор глаза не закрыли покойнику, разве можно так поступать?». Она достала свой носовой платочек и осторожно накрыла им его лицо. В душе малышки бродили смешанные чувства. Сегодня ей пришлось столкнуться со смертью во всём её неприглядном виде. Покойников она не боялась. Вместе с бабушкой ей часто приходилось ходить на похороны. Обычно это были старики, смиренно ушедшие из этого мира в другой, о котором каждый знал только понаслышке. Ведь ***оттуда*** ещё никто не возвращался, и поэтому, тот, другой мир, был для всех таинственным, неизвестным, пугающим. Глядя на покойника, живые обычно строили догадки, куда он попадёт — в рай или ад, но каждый раз все сходились в одном, что это известно только Богу. Погибшие страшной смертью мужчины были другими. Здоровые, полные сил, они ушли из жизни, как птица, подстреленная охотниками, это и пугало девочку. Она никогда раньше не задумывалась, что можно отправиться на тот свет, не будучи старой. Девочка впервые увидела кровь, обильно пролитую на землю. Сколько времени она сидела рядом с покойником — не помнит. Очнулась от тишины. Подняв голову, увидела, что все мужчины, прекратив разговор, смотрят на неё. «Нет, надо что-то делать с этим упрямым стариком», — подумала она, поднимаясь с коленей. Отряхнув с чулочков соломинки, решительно направилась в его сторону. Внутренним чутьём поняла — он здесь главный. Подошла, остановилась. Старик даже не взглянул на неё. Он смотрел куда-то в даль. Девочка слегка дёрнула его за черкеску. Старик опустил взгляд.

— Дедушка, не сердись на них. Мужики все выпивают, только нужно знать свою меру, — так говорит моя бабушка. Ты всё-таки прости покойных, а то их дорога к Богу будет трудной. Они и так уже наказаны за свой грех.

Старик молча продолжал смотреть на малышку. Она заплакала. Тогда он достал из кармана платочек и, наклонясь, стал вытирать ей слёзы. Это обнадёжило девочку.

— Ты простил их дедушка?

— Почему их жалеешь? — задал встречный вопрос старик.

Она даже плакать перестала от удивления. Широко распахнув глаза, и приоткрыв рот, смотрела на старика, который, до этого момента, с русскими общался только через толмача.

— Дедушка, так ты говоришь по-нашему? — шёпотом спросила она его, и оглянулась на опешившего милиционера.

— Да, — ответил старик, — но не со всеми. Ты не ответила на мой вопрос.

— Какой?

— Почему ты их жалеешь?

Девочка задумалась. Что за непонятливый старик. «До седин дожил, а ума не нажил, сказала бы моя бабушка», — подумала она. Скрестив на груди руки, вздохнула как старушка и, посмотрев старику в глаза, ответила:

— Потому, что они уже никогда не увидят солнышка, цветочков, не обнимут своих деток. Моя бабушка говорит, что в бабах жалость с рождения заложена. Может еще и поэтому я их жалею.

Старик улыбнулся краешками губ.

— Мне всех жалко, — продолжала девочка, — я никого не убиваю, даже противных мух. Бабушка говорит, что всё живое хочет жить, и ему тоже бывает больно, как нам людям. Звери едят друг друга, чтобы выжить, а человек человека ест словами, чтобы было больно душе. Нехорошему человеку это доставляет удовольствие.

— Почему ты ему закрыла платочком лицо?

— Какой ты непонятливый, дедушка! Нельзя ведь к Богу с открытыми глазами идти. Дорожка, по которой сейчас ведёт его ангел, узенькая. Глянет несчастный вниз, закружится голова, и

упадёт он прямо в ад, не дойдя до судии. А то и худшее может случиться. Запомнит дорогу, и потом будет приходить по ночам за живыми.

Старик, не говоря ни слова, погладил её по спутанным волосикам, поправил сползший на плечи платок и, поцеловав в щёку, вновь задал вопрос:

— А почему ты взрослым говоришь «ты»? Это не вежливо. Надо говорить «вы».

— Так я не всем так говорю, только тем, кого очень уважаю. Бабушка сказала мне, что когда человеку говорят «вы», он значит чужой для тебя, а когда «ты», то он близкий, родной.

Старик внимательно посмотрел на собеседницу.

— Ты хорошая и добрая девочка, оставайся такой всегда.

— Я постараюсь. Дедушка, так ты простил их?

— Да! — коротко ответил старик.

— Спасибо тебе, ты добрый. Моя бабушка говорит, что надо уметь прощать не только словами, но и сердцем. Ты их простил сердцем?

Старик кивнул головой.

— Дедушка, а они были хорошими людьми, раз ваш Бог позволил им умереть на старой земле.

— Как на старой? — старик удивлённо поднял брови.

— Мне бабушка рассказывала, что когда-то на этом месте стоял ваш аул. Потом царь вас велел отсюда выгнать, а вместо аула построить село. По всему выходит, что это и есть ваша старая земля.

Старик часто-часто заморгал глазами и повернулся к толмачу. Он что-то сказал ему на родном языке. Юноша быстро направился к лошадям. Отвязав от кола серого, в яблочко, скакуна, подвёл к нему.

Девочка ахнуть не успела, как старик, подхватив её под мышки, посадил в седло. Она впервые сидела на коне одна. За спиной была пустота. Надеяться на тёплую грудь дяди Саши

не приходилось. Стало очень страшно, даже под ложечкой засосало. Девочка так вцепилась в луку седла, что косточки на пальчиках побелели.

— До свидания, добрая душа, — старик слегка поклонился, — будь счастлива в этой жизни.

— До свидания, дедушка! И тебе всего доброго.

Старик что-то объяснил юноше, затем повернулся к мужчинам и, приказным тоном, отдал распоряжение. Девочка краем глаза, (повернуть голову она боялась — вдруг упадёт с лошади), увидела, что несколько человек стали спускаться в яр.

— Покажешь дорогу? — спросил паренёк, взяв под уздцы коня.

— Да. Едем по этой улице, тут всего два квартала, потом повернём, и там будет наша хата. Может, я пешком пойду? — с надеждой в голосе спросила она, надеясь, что её снимут с коня.

Нельзя, дедушка велел отвезти тебя на своём скакуне до самого дома. Это большая честь. Он ещё никого не удостоил такого почёта, даже меня, своего внука.

3

Постепенно девочка освоилась в седле, ей уже было не так страшно. Она оторвала взгляд от гривы коня и посмотрела вокруг. Плетни, как не странно, стали ниже, а сливы вдоль них, будто в землю вросли. Девочка заметила, что макушки у них светло-зелёненькие, почки толстые, даже отсюда видно, вот-вот лопнут. Она подняла голову и посмотрела вверх, где редкие белые облака, похожие на гусиные пёрышки, были разбросаны по нежно-голубому озеру небес. Солнышко уже забралось на вершину своего кургана и собиралось катиться вниз, к дверям ночи. «Интересно, если хорошо присмотреться, можно ли увидеть дорожку, по которой ангел сейчас ведёт погибших»? — подумала она и стала внимательно всматриваться в голубое

пространство. Но яркий свет солнца слепил глазки, и рассмотреть тропинку было невозможно.

Конь бойко шагал, слегка потряхивая гривой. От него исходил манящий запах дороги, и девочке захотелось, чтобы она никогда не кончалась. Тёплые бока лошади приятно грели ножки, а удильный звон рождал в душе музыку, которая дробила смутную боль утраты, по мужчинам, (о существовании которых ей до сегодняшнего дня было не ведомо). Удаляя её, по крупицам она заполняла собой освобождённое пространство. Девочке было приятно, что её похвалил самый главный старик аула, только за что, она никак не могла понять. Спросить у юноши не решалась. «Может за цветочки, или за то, что прикрыла лицо покойному платочком? Так его глаза не хотели закрываться, даже тогда, когда она попыталась их закрыть. И почему лицо у него было твёрдое и холодное? Замёрз, наверное, бедолага. Ночи ведь пока стоят холодные, в лесу даже снег у речки держится. Больной, а уходить не хочет, надеется, что зима вернётся», — девочка вздохнула, — «наверное, страшно умирать, когда кругом так хорошо».

Дурманяще пахло парующей землёю. Весело чирикали воробьи в зарослях сирени, тётя Люба, позвякивая вёдрами, доставала из колодца воду….

Жизнь продолжалась.

БОГАТЫЙ УЛОВ

Как только солнышко прогреет землю, и по юной травке разбегутся, словно цыплята, одуванчики, я прихожу на своё любимое место, расположенное над обрывом, у самого моря, вернее залива. Осторожно сажусь, и, свесив ноги, предаюсь неге… Справа и слева, выгнутые дугой берега, напоминают стенки гигантского бокала, сделанного из зелёного стекла. Этот сосуд наполнен молодым вином из белых сортов винограда, ослепительным блеском солнца, и лёгкими всплесками волн. По его бокам, витиеватым рисунком, насколько хватает глаз, просматриваются станицы и хутора.

Обрыв отвесный, высокий. Лёгкие волны, набегая на прибрежную кромку, пытаются коснуться его основания, но это им не под силу. Не добежав до намеченной цели, они играючи захватывают, и тащат в глубины вод: мелкие камешки, остатки ракушек, песок, — словно подкоп делают. Одним словом подбираются к великану. Иногда, осознавая безуспешность своих попыток, подогреваемые ветром, начинают злиться. Клокоча и пенясь, с разбега бросаются на упрямца, который не желает добровольно уступить им кусочек суши. И тогда волны, начинают отщипывать кусочки от его тела. Не выдержав нападение этих злючек, под их радостные аплодисменты, великан делает шаг назад, сбросив к своему подножью увесистый кусок своей плоти. Всхлипывая от жадности, волны начинают пожирать её, как зверь свою добычу. Разница состоит лишь в том, что у зверя, во время еды, морда в крови, а у волн в глине. Съев подачку, и умывшись, они, как ни в чём не бывало, продолжают вести свою подлую игру, тихонько вынашивая в себе очередной план нападения. Главное, самой не оказаться, в тот миг, на краю об-

рыва, когда берег вновь захочет покормить волны. Меня уже не раз предупреждали об этом рыбаки.

— От, чёртова баба, хоть говори, хоть плюнь, а она снова за своё. На пошлой недели вон, какой кусок обломился, если б сидела, то давно уже по тебе поминки справили бы.

Я оборачиваюсь. Держа в руках сеть, ко мне направляется старик, вернее не ко мне, а к кольям, вбитым недалеко от края обрыва. Сеть ещё мокрая. Её ячейки обильно наполнены зеленовато-бурыми водорослями.

— Как улов? — интересуюсь я.

— Ты мне зубы не заговаривай. А ну, брысь от обрыва! Жить надоело?

Спорить не стоит. Молча перебираюсь к лавочке, одиноко стоящей среди изумрудной зелени. Прислоняюсь к ней спиной и молча гляжу вдаль, туда, где небо тонет в море, а может море уходит в небо. Поди, разберись…

Тем временем рыбак развесил на кольях сеть, и, очистив её от хлама, закурил, присев на лавочку.

— Я давно за тобою наблюдаю, чего ты всё время на море пялишься? Связано с ним что-то?

— Да нет, просто люблю смотреть на него. А потом здесь дышится легче, чем в городе.

— Это верно. Чо город, одна суета, да пылища. У меня дочка в нём живёт, бывало, вернусь от неё, высморкаюсь в платочек, и, не ко времени сказано, сопляк чёрный. Бабка смеётся: — «Дед, ты чо, землю носом рыл, што ли?». В я ей в ответ, мол, ежели бы я им только землю рыл, то грязи в нём меньше было бы. Я вот усю жизнь около моря прожил, и не представляю, как можно жить в другом месте, — старик вздохнул, — ты тут про улов спрашивала. Ну, что сказать. По нонешним временам, вроде неплохой, а по прежним — слёзы. Лет десять назад я таких краснюков ловил, — тебе и не снилось. А ноньче всего одного вытащил, да и то, мужик попался. Не удалось икрицей побало-

ваться, — старик вздохнул, загасил папироску о край лавочки, и спросил, — ты тут еще долго сидеть будешь?

— Пока уходить не собираюсь, если не прогоните.

— Ну, а чо я тебя должен гнать? Не со зла ведь от обрыва гоню, за тебя переживаю, глупенькая. Съедет земля под обрыв, и концов родные не найдут. Ну, раз не уходишь, то тогда у меня к тебе есть просьба. Посиди малость, посторожи сеть, а я схожу, пообедаю. С ранней зори во рту маковой росинки не было. Может тебе рыбки принести, посолонцуешь?

— Да нет, спасибо. Потом пить больно хотеться будет.

— Ну, как знаешь, я мигом.

Старик ушёл. Наслаждаясь покоем, я продолжала сидеть на траве и глядеть в горизонт, дорожка к которому была позолочена солнцем. У деда на обед, вероятно, был зажаренный бык, ибо, что можно так долго делать за столом?

Румяное солнышко стало тихонько идти в гости к ночи. Оно даже не заметило, как очутилось по другую сторону рыбацкой сети. Создавалось впечатление, что бедолага запуталось в ней. Свежий ветерок играл сетью, а мне казалось, что это трепыхается солнышко, пытаясь освободиться. Рядом с ним о тонкие нити билось пушистое, упитанное облачко. Оно было такое славненькое, с одной стороны румяное, что мне даже захотелось ущипнуть его за щёчку. Только вот в каком месте её искать….

Раздался скрип калитки.

— Господи, дочка, прости. Поел, прилёг на чуток, и как провалился. Ты уж не сердись на старика. Погоди, не уходи, я сейчас.

— Надолго, дедуля? — поинтересовалась я, — а то мои скоро из Ростова вернуться. — Последние слова были адресованы захлопнувшейся калитки.

Спустя пару минут, которые для меня показались вечностью, старик вышел с подворья, неся в руках увесистую матерчатую сумку, и объёмистый свёрток.

— Это тебе дочка за труды, сказал он, протягивая своё подношение.

— Ну, что вы, не надо, — пряча за спину руки, смущённо проговорила я.

— Бери, бери, для хорошего человека не жалко. А сумку, ежели следующий раз принесёшь, то закинешь во двор.

Поблагодарив старика за рыбу, я пошла по узенькой тропинке на автобусную остановку. На повороте оглянулась. Старик уже снял сеть, и теперь, сидя на лавочке, курил, поглядывая в даль. Солнышко и облачко покоились на голубом просторе небес.

Милый, добрый старик, ты даже не подозреваешь, какой улов был сегодня в твоей сети! А может это и к лучшему?

РОДНИКИ

Въехав на бугор, спешилась. Избавив Печенега от узды, и сняв с седла кожаное ведёрко с голышами, отпускаю его на все четыре стороны. Конь стоит в раз--думье, решая для себя важную задачу, — куда податься. Наконец, он приходит к простому решению: остаться на месте. Но что-то его беспокоит, и он снова переминается с ноги на ногу, легонько пофыркивает, даже толкает меня в плечо, старается обратить на себя моё внимание. Видя, что я не реагирую, наклоняется, и, захватив край ведёрка зубами, слегка встряхивает его.— Горишь желанием помочь? Спасибо, сама донесу. Тебе там делать нечего. От твоей помощи один вред будет. А если хочешь, чтобы я седло сняла, подожди чуть-чуть, глазки строить не надо.Снимаю седло. Печенег встряхивается, и, фыркнув, тянет свои губы к моим волосам.

— Ну-ну, давай без телячьих нежностей, — я отталкиваю рукою его морду, — топай куда собрался, но далеко не уходи, чтоб я тебя не искала.

Конь в знак согласия кивает головой, разворачивается, и бойко идёт на другую сторону бугра. Этот бугор особенный, других таких в округе нет. Я называю его Двуликим. Он негласно делится на две половины. На одной стороне трава высокая, густая, разбавленная цветами до такой степени, что её даже не заготавливают на зиму для скота. Зато по ней охотно бродят козы и овцы, они пропалывают цветы, ювелирно выедая травку. Эту сторону бугра я называю Радужной. Другая сторона — противоположность первой. Растительность на ней низенькая, чахоточная, повсюду разбросаны пухлые бородавки-кочки, на них растёт противная трава с твёрдыми, узкими листьями, о края которых можно сильно порезать ноги. Этот склон я зову Темницей.В

его подземельях томятся в неволе крохотные роднички, те, что самостоятельно не могут выбраться на божий свет. Я помогаю им. Уже двадцать девять пленников выпущены мною на волю. С каждым разом находить очередного «узника» всё труднее и труднее.Бугор тщательно маскирует «камеры» их заточения. Вот и сегодня, прежде чем отыскать «несчастного», мне пришлось обследовать чуть ли не треть склона. Возле бородавки-кочки я заметила сильно увлажнённое пятно земли. Взяв детскую лопаточку, начинаю осторожно снимать тощий дёрн, под которым земля перемешана с жёлтыми камешками, чем-то похожими на дроблёную древесину. Осторожно разгребая землю, я, к своей радости, замечаю, что начинает обильно сочиться вода. Убрав лишний грунт и камешки, обнаруживаю ключ родника, который, всхлипнув, выбрасывает на поверхность мутный фонтанчик воды. От радости она начинает бурлить, и кажется, что родник кипит. Обозначив начало русла, я достаю из ведра плоские голыши, и аккуратно выкладываю камнями края родничка. Постепенно он очищается. Вода в нём становится похожей на девичью слезу на заре. На самом дне — лёгкое движение песчинок. Они роятся вокруг ключа, подпрыгивая, рассыпаются вокруг него златом, чтобы уже в следующее мгновение вновь быть поднятыми со дна нетерпеливыми водами. Это — Танец Жизни. Как он прекрасен!В воздухе раздаётся громкое жужжание. Над родником, словно бомбардировщик, начинает кружиться толстый шмель. Пикирует, и садится на краешек голыша. Подёргивая крылышками, он осторожно подползает к воде и начинает то ли пить, то ли лапки мыть... Ладно, делай что хочешь, только не кусай. Из стебелька травинки я делаю трубочку и, наклонясь над родником, начинаю пить мягкую, холодную воду. Вкусная! Шмель тоже напился, немного поползав по камешку, натужно взлетел. Я продолжаю наблюдать за родником. Ему предстоит нелёгкая задача — отыскать дорогу к реке. Пройдя намеченное мною русло, он сталкивается с первой преградой на своём пути — камешком. Уткнулся родничок в него своим носиком и понял

— не сдвинуть! Нечего свои силы растрачивать, лучше обойти его стороной. Не успел обогнуть камень, как снова препятствие, — небольшой плотный пятачок стелящейся травки. Побродил по ней родничок, потыкался во все стороны, словно слепой котёнок, взял, да и свернул в сторону. Не успел обрадоваться, как натолкнулся на кочку. Постучал о неё, видит, та не хочет с места насиженного уходить. «Ну, и стой, где стоишь, нет времени дожидаться.» — Дальше побежал родничок. По пути заполнил собой маленькую выемку в земле, а, перебравшись через её край, спрыгнул прямо на голову своего собрата. От неожиданности тот шарахнулся в сторону, но спустя мгновение уже радостно обнимал своего нового друга. Ну, теперь я за тебя, новорождённый, спокойна! В этот день мне удалось вызволить из неволи ещё два родника, один из которых оказался довольно большим. Почему сам не смог выбраться на Божий свет, непонятно. Может, предпочитал отсиживаться в подземелье? Кто его знает... Камни кончились, искать следующего узника смысла нет, да и солнышко припекает. Поднимаюсь на бугор. Печенега нигде не видать. Куда же он запропастился? На разнотравье нет, возле перелеска тоже нет. Стоп, кажется, догадываюсь, где он. Взвалив на спину седло, и захватив ведро с уздою, я отправляюсь к своей любимице-иве. Эта роскошная красавица, со стволом необъятного размера, росла возле самой речки. Её основной ствол, на высоте полутора метров, расходится в разные стороны пятью толстыми ветками. Прямо — кисть руки, да и только!Как я люблю здесь отдыхать! Гамак, кресло, кровать — всё в одном! Только надо знать, на какую ветку нужно опереться. Длинные тоненькие прутики ивы, словно волосы, свисают до самой земли, касаясь быстрых вод речки. Так и есть! Печенег под деревом. Прохладно, не надо мух хвостом отгонять, — за него это делает ивушка. Качаются веточки, приятно скользят по бокам, мух отгоняют и доставляют моему другу несказанное удовольствие.

— Я что тебе, лошадь? Почему должна таскать седло вместо тебя? — ворчу я, сбрасывая наземь свою ношу.

Печенег даже ухом не повёл, будто не к нему обратилась. Забираюсь на ладонь ивы и, выбрав «кресло» устраиваюсь поудобнее. Сижу и балдею. Вдруг, откуда не возьмись, с громким криком на меня спикировала иволга. И тут же, над самой головой взмыла вверх, только для того, чтобы наброситься снова. Господи, да чем же я ей не угодила? От гром-ких криков птицы даже Печенег ожил, смотрит на меня в недоумении, словно спросить хочет: «Чего она к тебе прицепилась? Что натворила, сознавайся!» Ничего я не натворила, сама в недоумении... Того и гляди, в волосы вцепится. С чего бы это она так разошлась. Вдруг, на боковой ветке, рядом с наростом замечаю гнездо. Странно, почему птица раньше на меня не нападала? Может, у неё уже птенцы появились? Интересно, сколько их в гнезде? Удовлетворять своё любопытство не стала: а то мамашу «кондрашка хватит». Спрыгнув на землю, я пытаюсь оседлать коня. Именно, — пытаюсь. К такому повороту событий он не готов. Пятится от меня, фыркает.

— Да что же это такое!? — в сердцах выговариваю своему другу. — Совсем обнаглел! Больше никогда тебя рассёдлывать не буду, хоть умри!

Наконец, Печенег нехотя даётся в руки. Затягивая подпругу, я иду на мировую:

— Ладно, везти меня не будешь, рядышком пойду.

А иволга продолжает нас донимать. Уже не только на меня бросается, но и на Печенега.

— Пойдём отсюда, — говорю я коню, — как видишь, нас упорно прогоняют самым наглым образом. Причём, заметь, с нашего законного места. Но мы с тобою порядочные, и связываться с этой хулиганкой не будем. Тем более, что она многодетная мать, а матерей не обижают. Нет, ты только на неё посмотри, совсем распоясалась!

Раздвинув распущенные волосы ивы, мы с Печенегом выходим из-под их сени, а вслед нам продолжают доноситься боевые угрозы возмущённой иволги…

РУСИ ЛЮБИМЫЙ УГОЛОК

Положив в карман кусочек латута*, девочка отправилась на порубку за голубыми пролесками. За селом, взойдя на бугор, остановилась, и огляделась вокруг.

С одной стороны виднелись горы, синие-синие, как спелые сливы. Некоторые из них надели белые шапочки, точь-в-точь, как у черкесов. А по другую сторону, внизу у речки кучковались ивушки. Они были похожи на женщин, которые собирались летним днём искупаться в прохладной воде. Растелешились, нежатся под солнышком, а чтобы плохой глаз не навёл порчу на их дородные тела, распустили свои светло-зелёные, с примесью жёлтого цвета, прутики-волосы до самой земли. Добряка ветер старательно расчёсывает тоненькие веточки своим гребнем и из озорства нет-нет, да и заглянет под них. Уж больно хочется ему узнать, что скрывают от его глаз эти красавицы. Ивушки сердятся, хлещут его своими веточками, как бабы мужика мокрыми рубахами, чтоб не подглядывал за ними. Ветерок хитрит. Затаится на время, будто совсем ушёл, и снова за своё.

От ив, в сторону горизонта уходит лес-порубка. Скрывая свою наготу, он кутается в лёгкую, невесомую, белёсую дымку. Зелёные шары омелы, на грушах и кислицах**, служат украшением этого скромного наряда.

— Красотища, какая! — произнесла девчушка улыбаясь.

Чем ближе подходила она к лесу, тем он быстрее тянул на себя воздушное покрывало. Натягивая его на грудь, не замечал, что оголяет опушку — свои пятки, выставляя напоказ яркий подзор***. Который, на сколько хватало глаз, полыхал разноцве-

*Латут — кукурузная лепёшка.

**Кислицы — лесные яблоки.

***Подзор — спускающаяся кружевная оборка.

тьем красок. Цикламены, (их девочка называла подснежниками), от белого цвета, до тёмно-бордового, сплошь укрывали землю. Трудно было остановить взгляд на отдельно взятом участке нерукотворного ковра. Глаза просто разбегались. А какой дух стоял вокруг! В нём царила приятная свежесть подснежников, разбавленная ароматом солнца, пахло набухшими почками и острым грибным привкусом плесени.

Девочка стояла в раздумье. Нет, эти цветочки рвать сегодня не надо. Третьего дня она принесла маме и бабушке букетик, а теперь пришла за пролесками. Эти цветы, похожие на колокольчики, уже распустились, и теперь, дразня, уводили в глубь порубки, туда, где цвели белые серёжки и лазорики. Там же, на валежнике, в изобилии росли грибочки, их не иначе как потеряла сказка, когда возвращалась домой после ночной прогулки. Шляпки этих грибов были похожи на крохотные вазочки — малиновые внутри и мраморные снаружи.

Нарвав букетик пролесков, девочка села на пенёк передохнуть. Ярко светило солнышко, пронизывая лес тоненькими лучиками, которые легонько двигались то взад, то вперёд, будто их на волнах качало. А ведь это проделки ветерка — колышет верхушки деревьев, а тени от них бегают за лучиками, а лучики за ними, словно в салки меж собой играют.

Где-то прокричала птица. Девочка словно ото сна пробудилась. Она встала, достала из кармана латут и, отломив от него кусочек, положила на пенёк.

— Леший, дружочек, скушай кусочек, в чащу не мани, жизнь мою не губи!

После этого подняла букетик и пошла к речке, водички испить. Чем ближе она к ней подходила, тем громче слышалось весёлое журчание. Речка словно песенку пела. Став на четвереньки, девочка с бережка напилась студёной воды, такой студёной, что зубки заломило.

— Спасибо за водичку, речка-сестричка

— Пожалуйста! — послышалось ей в ответ

Девочка улыбнулась. В это время мимо неё, подпрыгивая на волнах, проплыла сухая веточка. Девчушка оживилась. Положив букетик на землю, она направилась к стволу бука, уже не один год лежащего на земле. Отодрав от него длинную полоску коры, разломала её на куски и, нарвав старых ольховых шишек, положила на них. Недавно мама рассказала ей, что далеко-далеко за полями, за дремучими лесами там, где синее-синее море, стоит величественный город — Царьград. Не нравилось правителям этого города, что на севере есть другая страна, которую Русью величают. Завидовали они её богатству, и им очень хотелось заполучить в рабство её жителей. Их царь боялся сам идти войной на Русь. И стал он натравливать на неё кочевой народ — печенегов. Сам же по мелкому пакостить приноровился. Купцов русских обижал, данью непомерной их обкладывал стал, товары отбирал, а то и вовсе убивать велел. Рассердился князь Олег, и пошел со своею дружиной порядок наводить. Печенегов по степи разогнал, а после отправился главных заводил наказывать. Посадил своё войско на ладьи и поплыл в дальний путь. Долго ли, скоро ли, но покорился ему Царьград. А чтобы жители той страны помнили, что зло наказуемо, прибил Олег свой щит на главные ворота города. Дескать, знайте, — на всякую силу, другая сила найдётся. Тот щит, как памятка для них, захочет правитель идти завоёвывать другие земли, взглянёт на щит, и сразу охота пропадёт у него безобразничать. «Может, этот щит и по сей день там висит»? — подумала девочка. (Во всяком случае, ей этого очень хотелось)!

И представила она, что это не кора с ольховыми шишечками, а ладьи с грозными воинами. Одна за другой стала спускать их на воду. Речке понравилась игра. Подхватила маленькие суда и понесла к синему морю. А девочка бежала по бережку и, кричала:

— До скорой встречи, вои, славные! Бог вам в помощь! Возвращайтесь живыми, с победою долгожданною!

Выбежав из перелеска, она очутилась у брода. За ним начинался бугор, разрезанный речкой на две половины. Дальше, вдоль водного пути, дороги не было. Девочка остановилась тяжело дыша. И вдруг, как гром среди ясного неба!

— Ку-ка-ре ку!

Девочка так испугалась, что плюхнулась на землю и закрыла глаза. Играя, она не заметила, что очутилась у брода, который находился напротив птицефермы». Может это всё-таки не он», — подумала она, и открыла глаза. Но перед ней стоял именно ***он*** — одноглазый петух, прозванный в народе Пиратом. Из всех петухов фермы он был самым зловредным. Его боялись все — от мала, до велика. Ездовые вечно спорили меж собой, кому везти на птичник корма. Пират верховодил всеми петухами. Его мёдом не корми, только дай подраться. Завидя незваного гостя на своей территории, он издавал боевой клич. Заслышав его, остальные петухи спешили на помощь своему полководцу. И тут начиналось такое! Например, Дядю Диму так отделали, что фельдшеру на полдня работы хватило. Фуфайку на спине в клочья изодрали, щёку располосовали, ухо разорвали, а уж о руках и говорить не приходится.

— Хорошо, что он ещё в ватных штанах был, — злословили бабы.

Тонькина бабушка с напарницей, его еле-еле метёлками от этих хулиганов отбили. Птичниц петухи не трогали, их даже одноглазый уважал. Правда, женщины без метёлок по двору не ходили. Мало ли чего. Бережёного Бог бережёт. А петуха лишить жизни не давали.

— Он лучше всякой собаки ферму охраняет. Цыгане и те её стороной обходят. Сничтожите Пирата, — мы здесь работать не будем, — говорили они председателю.

Петух стоял перед девочкой в боевой позе: распустил кры-

лья, поднял дыбом перья и, этак боком, боком, стал подходить к ней. «Решил со мною в одиночку разделаться» — подумала она и беспомощно оглянулась назад, пытаясь найти хоть какую-нибудь поддержку. Но кроме нескольких куриц поблизости никого не было.

— Петечка, возьми, пожалуйста, цветочки! — сказала девочка и кинула ему под ноги букетик.

Петух подпрыгнул, и, что-то сердито проговорил на своём языке. Как видно, подарок ему не понравился, он рассердился ещё больше. И тут она вспомнила про кусочек латута. Быстро вынула платочек, развернула его, и, достав латут, бросила петуху.

— Петечка, покушай лепёшечки, она хоть и кукурузная, но вкусная, — льстивым голоском приговаривала девочка, поднимаясь с земли.

В первое мгновение петух отпрыгнул в сторону, но, убедившись, что это не подвох, клюнул пару раз, и призывно закричал:

— Ко-ко-ко-ко-ко!

И в его «ко-ко-ко» не было зловещих ноток. Курицы со всех ног бросились к Пирату, а девочка развернулась и, изо всех сил побежала к селу. Ей казалось, что петух гонится за ней по пятам и вот-вот настигнет. Сердечко выпрыгивало из груди. Она хватала ртом воздух и бежала, бежала, бежала, слыша за спиной топот. Очухалась только тогда, когда уткнулась во что-то шевелящееся и мягкое. Звякнули вёдра.

— Господи! Да что с тобой? Кто тебя так напугал? Гонятся за тобою, что ли?

Девочка подняла голову.

— Ой, тётя Люся, — выдохнула она, — а где петух?

— Какой петух? — недоумённо поинтересовалась женщина.

— Ну, тот, одноглазый, который со своей шайкой дядю Диму потрепал

— Так нет никакого петуха, тебе, наверное, привиделось. Где ж ты его зришь?

Девочка оглянулась по сторонам.

— Но, я точно слышала, как он гнался за мною — растеряно проговорила она. — Неужели остался у фермы, когда я ему отдала латут?

. — Куда только твоя мать смотрит? Всем ведь сказано, — к ферме не ходить! Для тебя, что законы не писаны? На кой ляд туда понесло?

— За цветочками….

— Ну и где же они?

— Петуху отдала, — плачущим голосом произнесла девочка и хлюпнула носиком, — а они ему не понравились.

— Горюшко ты луковое. Ты хоть знаешь, что могло случиться, если бы петухи напали на тебя?

— Убили бы наверно.

— Вот именно, забили бы до смерти. Хорошо, что всё обошлось. Беги домой, да больше к ферме не ходи.

Женщина, позвякивая вёдрами, направилась к колодцу, а девочка медленно пошла домой.

«И всё-таки с ним надо подружиться. Не такой он уж и плохой», — подумала она, ускоряя шаг.

СТРАШНАЯ ТАЙНА

Городской двор — это отдельно взятое государство в государстве. И в каждом из них существует свой Кулибин, плутоватый сантехник дядя Вася, который является неотъемлемой душой весёлой компании выпивох. Двор без президента и дворовой думы существовать не может, так же, как без строгого прокурора, дотошного следователя и судьи в лице одной, какой-нибудь бабульки, знающей обо всех то, о чём они, простые граждане, даже не догадываются.

Наш двор не был исключением из правил. Дома, построенные ещё при царе Горохе, располагались в виде каре, с двумя дугообразными арками, вделанными прямо в них. В окрестности наш двор звали дубовым, потому что он весь был засажен дубами, которые уже давно перешагнули своё столетие. Один из дубов настолько близко рос к стенам дома, что ему пришлось укоротить боковой ствол, дабы он не своротил балкон 21-й квартиры, прозванной жильцами — забегаловкой.

В ней жили когда-то всеми уважаемые люди — Валентина и Николай со своей дочуркой Лидочкой. Николай был главным инженером на заводе, Валентина руководила конструкторским бюро. Вместе с падением Советского Союза завод захирел. Его пытались реанимировать, выпуская ширпотреб, но эта затея с треском провалилась. Завод растащили по кускам, где на отдельно взятой территории была своя епархия. Вначале Валентина торговала на местном рынке шмотками. Но, не имея коммерческой жилки, вскорости бросила это занятие. Опустились руки и у Николая. Много ли заработаешь грузчиком на рынке, если не будешь воровать то, что подвозишь торговкам? Он попытался разгружать на станции вагоны, но там работали давно сколочен-

ные бригады. Чужаков не жаловали. После очередных побоев Николай запил, а вместе с ним и Валентина. Сбор бутылок стал основным доходом семьи.

Лида росла бойкой девочкой. Могла за себя постоять. Родителей любила и жалела. Никто в её присутствии не смел, сказать о них плохого слова, ибо она, не стесняясь в выражениях, высказывала обидчику всё, что думала о его умственных способностях. Все мальчишки двора находились у неё под пятой. Она посещала секцию единоборств, как обезьяна лазила по дубам, заставляя старушек хвататься за сердце. Ветку, вплотную подступающую к балкону, называла чёрной лестницей. Когда невмоготу было слушать пьяную ругань, она уходила из квартиры, одной ей покорённым путём. Мальчишки не только слушались её, но и побаивались, зная, что за матерщину, или курение в её присутствии, можно было схлопотать по шее. Особенно доставалось тем, кто обижал малышей.

Соседи жалели девочку, пытались подкармливать, но та категорически отвергала помощь. В свои четырнадцать лет, она знала, как достаётся каждая копейка. После занятий, запершись в пустом классе, делала уроки, потом спешила в магазин, где подрабатывала уборщицей. А так же мыла три подъезда в соседнем доме. На свои жалкие гроши она питалась сама, и подкармливала своих непутёвых родителей. Одевалась Лида по-королевски. Дарья Николаевна, хозяйка Секонд-Хенда, во время завоза товара приглашала её помочь разобрать вещи. Своих работников хватало вполне, но, зная характер Лиды, она путём обмана, оказывала ей помощь, расплачиваясь вещами. Да какими! Перепадало и родителям. Им доставалось то, что не было продано с предыдущего завоза. Лидины вещи долго не задерживались в её гардеробе, они быстро обменивались на бутылку мутного самогона или палёной водки. Но это продолжалось недолго.

Муж Дарьи Николаевны вместе с участковым, глядя на сомнительных посетителей квартиры, на свои деньги, поставил внушительные железные двери в одну из комнат. Ключи отдали Лиде. Теперь девочка могла спокойно, (если это только можно было назвать спокойствием), готовить дома уроки, спать, не боясь незваных гостей. Перестали пропадать вещи. Первое время мать с отцом пытались отобрать у неё ключи, но, при упоминании имени участкового отступали, грозя, дочери карой страшного суда за то, что она не желает помочь больным родителям.

В нашем дворе жил Саша — высокий белокурый юноша. Он был старше Лиды на три года. Квартира его родителей находилась под Лидиной. Саша был одарённым мальчиком. Окончив школу с золотой медалью, поступил в музыкальное училище по классу скрипки. Лида не любила маменькиных сынков. Мужчина в её понятии должен быть сильным, мужественным — надёжной опорой семьи и общества. Профессия должна была соответствовать его званию — званию мужчины. Поэтому она, наверное, и выбрала его объектом своих насмешек. Завидя Сашу, Лида кричала:

— Эй, Моцарт, сбацай Мурку! Али слабо?

— Слушай, Сань, за твоё пиликанье, на углу магазина неплохо бы подавали!

Парнишка смущался, краснел, а Лиду это только раззадоривало.

И всё-таки довела парня! Бросил музыкальное училище и поступил в вертолётное. Его родители чуть с ума не сошли от горя. Лиду спокойно видеть не могли после этого.

Прошёл учебный год, и Саша приехал на каникулы. Встретив свою мучительницу, улыбаясь, сказал:

— Лида, спасибо тебе. Я действительно только сейчас почувствовал себя мужчиной, хотя, если честно сказать, долго

на тебя имел зуб. Вначале мне пришлось нелегко, но потом втянулся, научился делать то, что раньше мне казалось недостижимым.

— Неужели забросил музыку?

— Конечно, нет. В свободное время продолжаю, как ты говоришь, пиликать на скрипке, но это резко отличается оттого, что было. Появилась внутренняя свобода выбора.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Очень просто. Надо мною никто не стоит, и не указывает, что мне играть.

В этот вечер молодые люди долго сидели в сквере, ели мороженое, болтали о разных пустяках и делились планами на дальнейшую жизнь.

В нашем дворовом государстве особых изменений не происходило. Жизнь его граждан протекала сравнительно тихо. Всем двором мы поздравляли молодые пары, и так же всем двором провожали стариков в последний путь. Лида училась в медтехникуме, на сестринском отделении. Приближался день её восемнадцатилетия, как неожиданно оба родителя умерли, отравившись палёной водкой. Вот тут о ней впервые вспомнили чиновники. Как же: сиротинушка, несовершеннолетняя жертва родителей алкоголиков. Разве может наше государство бросить на произвол судьбы ребёнка? Об одном они только умалчивали, что эта сирота имеет трёхкомнатную квартиру в центре города. В эти дни Лида третий раз в жизни приняла помощь посторонних людей. «Дворовая дума», вместе с «президентом» развернула такую кипучую деятельность, что глава нашего большого государства мог бы позавидовать её активности. Квартиру отстояли. Пока шли бои местного значения, Лиде исполнилось восемнадцать. Это только надо было видеть, выражение лица чиновницы, поставленной перед свершённым фактом!

Время пролетело незаметно. Училище Лида окончила с красным дипломом, и стала работать в терапевтическом отделении нашей городской больницы. Слава о Лидиной лёгкой руке разнеслась после того, как в больнице полежала Тимофеевна — самая зловредная старушка нашего двора. Захлёбываясь от восторга, она рассказывала кумушкам, как Лида ловко, с первого раза, попала ей в вену, которую не могли отыскать медсёстры со стажем.

С того дня Лида была на расхват. За свои услуги денег не брала. Ей доставляло удовольствие облегчить страдания больного. Дарья Николаевна с мужем ломали голову над тем, как уговорить Лиду поступить в мединститут, приняв от них помощь. Своих детей у них не было. Магазин приносил неплохие доходы.

Пока суть, да дело, судьба распорядилась по-своему.

Саша уже год, как окончил училище. Служил где-то в центральной части России. Он возмужал, раздался в плечах. Ему очень шла форма с голубыми петлицами и золотыми погонами лейтенанта. Все девчонки двора сходили по нему с ума. Все, кроме Лиды. В свою часть после отпуска он уехал в конце августа, а перед Новым годом его привезли домой в цинковом гробу. Погиб в Чечне. Провожали Сашу в последний путь всем двором. Как-то не верилось, что уже больше мы никогда не увидим милого юношу, так досаждавшего в детстве всем своей игрой на скрипке.

— Да лучше б он пиликал с утра до вечера, чем вот так, — сказала одна из старушек.

Вера Михайловна, мать Саши, увидев Лиду, стоящую поодаль с букетом жёлтых роз, закричала:

— Это ты, ты, убила моего мальчика! Будь трижды проклята!

Лида съёжилась и поникла. Она и так винила себя за то, что толкнула его на этот путь. А тут ещё обвинение его матери.

Говорят, что от судьбы не уйти. Может оно и так. Только если бы она не донимала Сашу своими насмешками, этой трагедии могло не случиться.

После похорон Лида потухла. Ходила словно не живая.

— Переживает, поди, девка. Напрасно Михайловна с ней так обошлась. Чего доброго руки на себя наложит, — говорили одни.

— Да что ей, жива, здорова, а парня то нет, — твердили другие.

Вскоре наш двор всколыхнула новость: Лида беременна! Это событие живо обсуждалось в семьях, особенно в тех, где были молодые мужья или сыновья, подходящие по возрасту. Женщины с пристрастием допытывали мужской пол. Но никто не признал отцовства.

— Не светило, не грело, да припекло. Тут поработали не наши мужики. Скорее кто-то из пришлых её осчастливил. Вот ведь какая тихоня! Никогда, и ни с кем её не видели. Ветром надуло, что ли? — удивлялась Тимофеевна.

— Что говорить, девки нынче пошли распутные. Ни стыда, ни совести. Ишь, ходит, как ни в чём, ни бывало. Выставила своё пузо напоказ и не краснеет, — подхватила разговор баба Лена.

Однажды Лида услышала отрывок разговора, где в очередной раз, не стесняясь в выражениях, полоскали её имя. Она решительно направилась в сторону дворовых кумушек. Подойдя, сказала:

— Ещё раз услышу, всех, до единой передушу!

Развернулась и ушла, провожаемая глухим молчанием.

— А с неё ведь станет,… — почему-то шёпотом произнесла одна из старушек.

В конце мая Лида родила девочку. Охотно приняла помощь Дарьи Николаевны. Перейдя на суточные дежурства, она со спокойной душой оставляла на неё малышку. Поначалу добро-

вольной няньке во дворе не давали прохода. Мол, созналась ли Лидка, кто отец ребёнка. Если да, то кто. На что Дарья Николаевна отвечала:

— Это не моя тайна. И не мне её открывать.

Постепенно все угомонились

Проходили годы. Лидиной дочке исполнилось одиннадцать лет. Спокойная, вежливая девочка, невольно вызывала уважение старших. Училась на отлично, посещала музыкальную школу. Во дворе вновь звучала скрипка.

— Лидка словно издевается над Михайловной. Не на меня она нарвалась, я б ей давно клюв начистила. Обучала бы свою девчонку на баяне играть, что ли, а то вот именно скрипку ей подавай! Мстительная какая, стерва! — возмущалась всё та же баба Лена.

— Михайловна молчит, так чего ты дёргаешься? Успокоится, никак не можешь? Что тебе Лидка плохого сделала? Забыла, как она тебя с того света вытаскивала? Хватит девке кости перемалывать, все бы такими стервами были, может, добра меж нами поболее было бы, — вступила в разговор Тимофеевна. — За своей внучкой-вертихвосткой лучше следи, а то в чужом глазе соринку видишь, а в своём бревна не замечаешь!

Старушка обиженно поджала губы. Спорить с главою двора не рискнула.

Старики часто вспоминали Сашу. Гадали, какое звание он бы сейчас имел — майора или подполковника. О капитанском звании речь не шла. Продолжали жалеть его мать, перенёсшую за эти годы два инфаркта. Сашин отец, Игорь Васильевич, тоже крепко сдал, но продолжал работать. В окружении детей ему легче было переносить свою утрату.

Как-то осенним тёплым днём бабьего лета Сашенька — дочь Лиды — сидела на лавочке со своим другом Кириллом

и, споря, перебирали нотные листы. В это время во двор вошла Вера Михайловна. Она шла медленно, часто останавливалась, держась за сердце. Дети умолкли.

— Кирюш, подожди меня, — сказала Саша и подбежала к женщине.

— Вам плохо? Пойдёмте, посидите на лавочке, а мы с Кириллом вас покараулим. Когда вам станет лучше, я отведу вас домой. А, может, лучше скорую вызвать?

— Не стоит. Вот приду домой, приму лекарство, и сразу станет легче. Я сама виновата, забыла его дома.

Саша решительно забрала из её рук пакет с продуктами и подставив своё плечо, сказала:

— Обопритесь на меня. Да не бойтесь, я сильная, как Илья Муромец.

— Ну, если как Илья Муромец, то, пожалуй, обопрусь, — Вера Михайловна с улыбкой посмотрела на Сашу.

Она с удивлением заметила, что боль стала не такой острой. Женщина и девочка медленно пошли к подъезду. Вера Михайловна с трудом поднялась на второй этаж, и, отомкнув квартиру, не раздеваясь, прошла в комнату.

— Сашенька, принеси, пожалуйста, воды, — попросила она, доставая таблетки.

Девочка быстро шмыгнула на кухню. Когда лекарство было выпито, женщина устало откинулась на спинку дивана.

— Вам надо раздеться и прилечь, — посоветовала Саша и принесла из спальни две подушки и плед.

— Ложитесь повыше и не волнуйтесь. Ваше сердце успокоится и боль уйдёт. А может, всё-таки вызвать скорую?

— Не стоит, мне намного лучше. Скоро муж с работы придёт, всё будет хорошо.

— Тогда я посижу с вами, пока его нет.

— Ну, зачем ты будешь коротать время с больной старухой. Забыла, что тебя ждёт мальчик?

— Кирюша понятливый. Не обидится.

Наступила тишина. Женщина лежала, прикрыв глаза, а девочка с неподдельным интересом рассматривала висящие на стене фотографии.

— Это наш сын, — глухим голосом сказала Вера Петровна, и в её глазах заблестели слёзы. — Остались мы с мужем на старости лет одни. Кроме него у нас никого нет, и не было. Мы ведь с Игорем детдомовские. Саша у нас был поздним ребёнком. Всю жизнь мечтали иметь большую семью, а оно вон как вышло, — женщина заплакала.

Девочка посмотрела на неё пытливо, изучающе и тихим голосом спросила:

— А вы хотели бы иметь внуков?

— Конечно. Ну да, что теперь говорить о том, чего уже никогда не будет.

— А вы умеете хранить страшную тайну?

— Да…. — как-то неуверенно проговорила Вера Михайловна, перестав плакать.

— Тогда поклянитесь, что никому не выдадите её, особенно моей маме.

— А как надо клясться?

— Вот так, положите руку на сердце и повторяйте за мной: «Клянусь, клянусь, клянусь! Пусть я умру, если проговорюсь!»

Сдерживая улыбку, Вера Михайловна выполнила ритуал клятвы. Саша внутренне напряглась. Слегка вытянув шею, сделала два глотательных движения и замерла, как перед прыжком с высоты.

— Вы не одни, у вас есть внучка — это я! — выпалила она на одном дыхании, глядя в глаза изумлённой женщины.

Вера Михайловна не знала как себя вести, что ответить. Мысли в её голове метались, как напуганные мыши. Она пыталась осмыслить услышанное.

— Такого не может быть. Наш сын не был женат.

— Может. Это я. Меня мама назвала в честь папы.

Женщина прикрыла глаза. Внутреннее напряжение спало, оставив после себя нечеловеческую усталость. Всё ясно. Лида сказала дочери, что её папа лётчик, который погиб на войне. Она не осуждала её. Так поступают многие матери-одиночки. Впервые в жизни она, учитель со стажем не знала решения задачи, условия которой продиктовала эта славная девочка, уверенная в том, что получит правильный ответ. Вера Михайловна открыла глаза. В комнате никого не было. «Померещилось, что ли»? — подумала она и пошла на кухню. На столе стоял пакет с продуктами. Выглянула в окно. На скамейке сидел Кирилл, просматривая ноты. Рядом с ним лежали две скрипки. Стукнула входная дверь. Вера Михайловна повернулась. Перед нею стояла Сашенька, прижимая к груди шкатулку, похожую на сундучок.

— Бабушка, почему ты такая непослушная? Тебе ведь надо лежать, а ты бродишь.

«Господи! Да у неё ведь Сашины глаза, и волосёнки белокурые, кудрявые…. Почему я раньше этого не заметила»?

Девочка словно прочитала её мысли.

— У меня под лопаточкой есть родимое пятнышко, в виде кляксы, как у папы.

Вера Михайловна обомлела. Она нащупала позади себя спинку стула, и, не отрывая от Сашеньки взгляда, медленно села.

— Вот, — девочка поставила на стол шкатулку и открыла её. Торопливо достала стопку писем и положила рядом с сундучком. Из отдельного конверта извлекла любительские карточки. Первое, что бросилось в глаза Вере Михайловне, это смеющееся лицо сына. Он обнимал Лидочку, у которой на голове был венок из полевых ромашек.

— Но как же это так…. Почему он нам не сказал ничего?

— Мама с папой страшно боялись, что вы обо всём узнаете

и будите ругаться. Поэтому они встречались тайно от всех. Папа лазил к маме через балкон. Они особенно боялись дворовых старушек, — Саша засмеялась, — мама так смешно их называет.

— Как?

— Тайной, дворовой полицией нравов, крепко нагрешившей в молодости.

Женщина улыбнулась.

— Действительно, метко подмечено, от этих кумушек трудно, что утаить.

— Знаешь, бабушка, папа, когда узнал, что я должна появиться на свет, очень обрадовался.

Он написал маме, что больше от вас ничего скрывать не будет, а сядет и напишет вам письмо, где расскажет всю правду. Когда она получила это письмо, то долго боялась попадаться вам на глаза. А потом папу убили.

Вера Михайловна резко встала из-за стола и быстро прошла к секретеру. Достала из него пачку писем и стала лихорадочно их перебирать, пока не наткнулась на тетрадный листик, сложенный вдвое. Она развернула его дрожащими руками.

— Это последнее письмо сына, которое он не успел дописать. Теперь понятно, что он хотел сказать. Вот послушай, Сашенька, — «Родные мои, простите меня, что до сих пор скрывал от вас свою тайну. Я просто боялся, что вы не сможете меня понять. В моей жизни намечаются большие перемены. Возможно, мы скоро встретимся. Я безумно счастлив. Надеюсь, что вы разделите со мною мою радость. У меня, в недалёком будущем должна….» — На этом его письмо обрывается, он просто не успел сказать самого главного, не успел,…. — Она упала на диван и зарыдала.

— Не плачь, бабушка, не плачь, тебе нельзя волноваться! Саша гладила женщину по голове, словно маленького ребёнка, и говорила, говорила, пытаясь растопить лёд боли в её душе. Она рассказывала о том, как папа и мама любили друг друга, как и

где, встречались, избегая посторонних глаз. Сашенька поведала о том, что в мамином шкафу, до сих пор висит свадебное платье с фатой, которые она купила, ожидая папу в короткий отпуск….

Когда Игорь Васильевич вернулся с работы, он испугался, увидев приоткрытую дверь. С бешено колотившимся сердцем вошёл в комнату. На диване сидела его Верочка, прижимая к груди белокурую головку их маленькой соседки. На мгновение ему показалось, что она обнимает сына.

— Саша! — позвал он.

— Дедушка пришёл! — радостно крикнула девочка, и бросилась к нему, распахнув для объятия руки.

А на скамейке во дворе терпеливо ожидая свою подружку, сидел Кирюшка.

БУДИЛЬНИК

Робко затявкал будильник. Именно затявкал. Противно, назойливо. Где только невестка смогла отыскать такого тявкуна? Господи, спать-то, как хочется…. Светлана Николаевна вздохнула. Будильник, видя, что его не отключают, расхрабрился. Уже не робкое тявканье исходило из его утробы, а бодрый, боевой марш. Громкость мелодии пошла по нарастающей.

— Да встаю, встаю, заткнись ты, окаянный! – сбрасывая с себя одеяло, проворчала она.

Как бы не так. Будильник совсем распоясался. Ему показалось, что боевого марша мало, и он, завыл таким жутким голосом, что у бедной женщины всё похолодело внутри. Эти вопли могли извергать только покойники на кладбище, в фильмах ужасов.

— Господи, да что за напасти такие, – ворчала старая женщина, пытаясь попасть ногой в непослушный тапок.

И вдруг….

— Тра-та-та-та-та! – раздалась пулемётная очередь с комода.

От неожиданности, Светлана Николаевна даже голову втянула в плечи.

— Да чтоб ты сказился проклятый! – выругалась она, вставая с постели.

Будильник, видя приближающегося врага, успевает выпустить ещё несколько очередей, прежде чем карающая рука успевает нажать на его красную шапочку.

Учинив расправу над хулиганом, женщина села на кровать, чтобы перевести дух. В затылке появилась тягучая боль, а сердце готово было выскочить из груди.

— Выкину тебя на помойку гад, иначе когда-нибудь до-

ведёшь до инфаркта, чёрт проклятый! Шаркая стоптанными тапочками по полу, она потащилась на кухню, крепко зажав будильник под мышкой. Подержала его над мусорным ведром, словно хотела попугать, вздохнула, и поставила на стол. Налила в стакан воды, вывалила из коробочки лекарства, и стала выковыривать таблетки из их убежища. Проглотив внушительную горстку белых кружочков, и заев их бананом, с ненавистью поглядела на своего врага, который, бегая глазками, показывал ей язык.

— О, бесовское отродье, еще и дразниться…

Но, взглянув на стрелки, засуетилась. Семь часов, рассиживаться некогда, а то талонов к невропатологу не достанется.

Быстро завершив водные процедуры, женщина оделась, и, захватив сумочку, вышла на лестничную клетку. Дверь квартиры хлопнула, известив хозяйку о том, что она осталась без ключа.

— Да что за день такой, етишкина жизнь! – в сердцах выругалась женщина.

Поняв, что ничего изменить нельзя, тяжело вздохнула,

«Ладно, позвоню сыну, чтобы привёз свои ключи. А всё Танькин подарок, будь он не ладен, виноват. Не иначе, как Борька-внучок свою ручку к этому приложил. Бес, а не пацанёнок. На час придёт в гости, — головной боли на неделю хватает».

Выйдя из парадной Светлана Николаевна остановилась. Новая неприятность. Вечером дождик моросил, а ночью морозец ударил. Тротуар и дороги превратились в каток, хоть на коньки становись! Обидно, что дверь захлопнулась, теперь шкрябчики не одеть, а без них, запросто, шмякнуться можно.

Женщина осторожно сошла со ступенек, и, не сгибая в коленях ноги, потихоньку пошла на трамвайную остановку. На перекрёстке чуть не попала под машину, которая решила проскочить на зелёный свет.

— Нет, сегодня не мой день, не мой, — приговаривала Светлана Николаевна, заходя на территорию сквера.

В окружающем мире присутствовали серые, и ржаво-рыжие тона. Тяжёлое небо висело над самой головой. Деревья, кусты, стебли трав, были покрыты тоненькой корочкой льда, даже у вороны, шедшей по дорожке, блестели перья. Морозец словно законсервировал окружающий мир.

Подойдя к дорожке, которая, пересекая сквер, вела к трамвайной, остановке, женщина остановилась передохнуть. Неожиданно её взгляд останавливается на огненно-рыжих пятнышках, разбросанных по голому кусту, стоящему поодаль. Светлана Николаевна растеряно переводит взгляд на соседний куст, где, сияя белизной, красовались белые, похожие на ромашки, цветы, — дальше жёлтые, бордовые, красные….

— С ума схожу, что ли? – вздохнула она, закрывая глаза, — а всё проклятый будильник.

Спустя мгновение она открывает глаза. Цветы не исчезли. Кусты по-прежнему полыхают разноцветьем красок. Женщина подошла ближе…. Господи, да это же дубочки*! Кому пришло в голову разложить их по кустам? Странно как-то…. И вдруг в голове мелькнула догадка, «Наверное, влюблённый парнишка для своей девчонки сюрприз приготовил. Выходит, что ещё не перевелись чудаки на свете», — подумала она, доставая из сумки целлофановый пакет. Постелив его на скамейку, Светлана Николаевна садится, и переводит взгляд с одного куста на другой. Уходит раздражение. Наступает покой. Женщина с улыбкой наблюдает за недоумёнными взглядами прохожих, и продолжает сидеть, не решаясь покинуть рукотворную сказку. Вспомнился муж. Он ей в день знакомства купил эскимо и стакан шипучей воды. А вечером в парке сломил веточку цветущего тополя…. Светлана Николаевна расплылась в улыбке.

«Надо Бореньке йогурта клубничного купить, да чупа-чупса, будь он неладен, от одного названия чесаться хочется. Толи дело, раньше петушки на палочках были! Фигуристые, ладные, да и сами палочки сосною пахли. А эти чупсы? Кто их придумал?

Ни тебе кожи, ни тебе рожи, одним словом — колотушки, да и всё!» Женщина задумалась, «Постой, а ведь где-то на антресолях лежат формочки, и ванилин с пасхи остался. Краска для торта тоже не вся израсходована…. Вот Борька удивиться, когда я ему петушков принесу, да и мама, глядя с небес, порадуется, что ещё помню её ремесло».

Позвонив сыну насчёт ключа, Светлана Николаевна направилась в ближайший магазин за сахаром. На душе было тепло и радостно. Она вспомнила, как мама делала петушков, а они с братом, царство ему небесное, продавали их на станции, бегая вдоль вагонов.

Лёгкий морозец пощипывал щёки, а из глубины памяти всплывали воспоминания из детства.

Серые тучи начали ронять невесомые снежинки. Женщина, подставив ладошку, стала ловить их, напрочь, забыв о поликлинике, талонах и невропатологе.

ДВА ОДИНОЧЕСТВА

Прасковья выключила компьютер, навела порядок на рабочем столе, и устало откинулась на спинку кресла. Сотрудницы давно покинули свои рабочие места, согласно графику работы. Они спешили домой, чтобы, проверить у чад уроки, и, накормив голодные рты, навести относительный порядок в доме. Прасковью ждала огромная квартира, голая тишина и одиночество, (избавиться от оной не представляло никакой возможности).

Сдав охраннику ключ, девушка вытащила из сумочки зонт, и вышла из офиса. На улице было слякотно. Моросил противный нудный дождик, один из тех, что и землю не напоит, а настроение испортит. Прохожие торопливо спешили в сторону метро. Прасковья не любила толпу, потому, что в этой разношёрстной публике преобладало чувство стадности. До дома было рукой подать, поэтому в любую погоду девушка совершала пешие прогулки. Как ни странно, но именно с дождём были связаны главные события в её жизни. Когда родилась Прасковья, шёл сильный дождь. Когда она вместе с мамой встречала папу из длительной загранкомандировки, тоже шёл дождь, и Прасковья очень боялась, что самолёт испугается дождя, и улетит туда, где светит солнце. Но самолёт приземлился, и вскоре в распахнутых дверях аэровокзала появился папа. Он бережно держал в руках большую, яркую коробку в мелких бисеринках дождя. Такие же бисеринки поблескивали на его чёрной шляпе, и пальто. Прасковья улыбнулась, вспомнив, как затаив дыхание, заглянула в недра коробки и увидела там великолепную куклу, с длинными золотистыми волосами. В серый дождливый день, к другой женщине, ушёл папа, первое свидание, первый поцелуй, свадьба, и даже развод — всё было связано с дождём.

Подойдя к подъезду, Прасковья остановилась. Под его козырьком, на небольшом сухом пятачке, прямо у самой двери сидел большой, тощий пёс. Бог знает, что у него на уме. Девушка с детства боялась собак, а этот к тому же бездомный. Она много раз слышала душераздирающие истории о том, как бездомные собаки нападали на прохожих. И хотя пёс был один, Прасковья осторожничала. Усилился дождь, а она всё стояла на одном месте, не зная, что ей предпринять. Но её проблема решилась сама собой. Пёс с достоинством посмотрел на неё, и отошёл в сторону, уступая дорогу. В его взгляде не было ни страха, ни заискивания. Он знал себе цену.

Прасковья почувствовала себя неловко, словно совершила что-то постыдное. Она медленно подошла к двери. И, вдруг, ногами ощутила тепло, исходящее с того места, где только что сидела собака. Наваждение? Ей стало неуютно. Раскрыв двери, она неожиданно для себя предложила псу:

— Заходи!

Пёс наклонил голову набок, и удивлённо посмотрел на девушку. Дескать, не ослышался ли он.

— Ну, чего таращишься, заходи, — повторно прозвучало приглашение.

Пёс слегка поколебался, а потом нерешительно вошёл в подъезд. Оглянулся по сторонам. Не увидев ничего подозрительного, сел. Прасковья наклонилась и погладила его по голове. Собака вздрогнула.

— Не доверяешь, — вздохнула девушка, — значит, тебе знакомо предательство. — Она присела на корточки, — поверь, я тебя не обижу, не обидел бы ты меня. — Прасковья, снова погладила пса по голове, и поднялась. — Ну, что, идём? — спросила она его, направляясь к лифту.

Пёс неуверенно, словно сомневаясь в принятом решении, двинулся следом.

Но едва двери лифта распахнулись, как он зарычал и попя-

тился. Ему хорошо были знакомы гремящие ящики. Мужчины, от которых пахло смертью, забрасывали в них визжащих от боли и страха собак. Пёс потом уже никогда не встречал этих несчастных собратьев по улице. Они из его жизни исчезали навсегда. Однажды, сам чудом избежал поимки. И теперь добровольно заходить в западню не собирался. Спустя мгновение, он развернулся и бросился к входной двери. Она, к его сожалению оказалась закрытой. Пёс, подвывая, стал скрести её, словно от его действий та могла распахнуться.

— Чего испугался, глупенький? — услышал он удивлённый голос.

Пёс умолк, и перестав скрести двери, недоверчиво оглянулся. Железный ящик был закрыт. Его знакомая стояла на прежнем месте. Она не ругалась, не кричала, на него, а главное, её глаза не горели злостью, как у тех недобрых людей.

Прасковья смотрела на него с недоумением и сочувствием.

— Ну, что трусишка, не хочешь ехать на лифте, пошли пешком, но предупреждаю, подниматься нам придётся долго.

Она развернулась, и направилась в слабоосвещённый угол помещения. Прежде чем исчезнуть за поворотом девушка оглянулась и скомандовала:

— За мной!

Пёс стоял, раздираемый противоречиями. Затем осторожно, словно шёл по минному полю, двинулся следом. Дойдя до первой ступеньки, остановился, напряжённо прислушался, затем оглянулся, — так, на всякий случай, мало ли чего. И только после этого, обнюхивая каждую ступеньку, он стал медленно подниматься, постоянно посматривая назад. Со стороны казалось, что он остерегается неожиданного подвоха. Пса явно что-то беспокоило. Вдруг он остановился, и молча, оскалил зубы. Кроме запаха своей новой знакомой, он уловил другой, тот, что обычно исходит от определённой категории людей. Их пёс, одновременно, и ненавидел и боялся. Однажды человек с

таким запахом убил его подружку, а после, с себе подобными, съел её. Пёс напрягся и замер.

Впереди послышались голоса: один грубый, мужской, другой испуганный женский. Пёс слегка попятился назад. Неужели западня? И в тот момент, когда он уже был готов задать стрекоча, послышался женский крик. Неужели, этот злой человек хочет её убить, и съесть, как когда-то съел его подружку? Но вед эта женщина из человеческой стаи, разве такое возможно? Крик повторился, в его нотках звучали: страх и отчаяние. Пёс, не раздумывая, в несколько прыжков, догоняет свою спутницу. Так и есть! Дурно пахнущий человек держит её за руку, а девушка отбивается он него своею сумочкой, которую тот пытается поймать свободной рукой. Не сомневаясь, в правильности своего решения, пёс бросается на обидчика, и впивается ему в запястье. Тот завопил не своим голосом.

— Пёсик, не надо, не надо! — кричит Прасковья, прижимая к груди кулачки, в одном из которых накрепко зажата ручка её сумочки. — Господи, ну как там. по-вашему?.. Ой, погоди,.. фу, фу! Пёс нехотя отпускает руку.

Забыв о своей жертве, человек бросился прочь, громко ругаясь.

А тем временем, девушка, уронила на пол сумочку, присела на корточки, и, закрыв ладонями своё лицо, заплакала навзрыд. Пёс удивлённо уставился на неё. Чего ревёт глупая, ведь всё обошлось, её не убили и не съели. Испугалась, наверное, бедняжка. Чтобы как-то её успокоить, он ласково лизнул мокрые от слёз пальчики. Прасковья порывисто обхватывает руками его шею, и плачет, ещё громче, при этом всё сильнее и сильнее сдавливая кольцо своих объятий. Вот влип. Не хватает ещё того, чтобы его задушили от избытка благодарности. Пёс начинает настойчиво высвобождаться. Спасённая им женщина размыкает руки, и, взяв в ладони его морду, начинает покрывать её поцелуями. Приятное, но давно позабытое чувство шевельнулось в его

душе, вызвав сладкую истому в теле. Пёс тихонько заскулил. Его голос вернул девушку в действительность. Тыльной стороной ладони она вытерла слёзы, и, встав с корточек, обратилась к своему спасителю:

— Ты прав, давай, скорее, уйдём отсюда. — Подняв сумочку, торопливо побежала вверх по ступенькам, громко стуча каблучками.

Зайдя в человеческую конуру, пёс сел и замер.

— Погоди. Я сейчас, — сказала его знакомая и ушла в глубину одного из отсеков своего жилища. Спустя некоторое время она появляется в коротких брючках и лёгкой кофточке.

Странные всё-таки люди, как они быстро умудряются менять одну шкуру на другую? Пёс лизнул свой мокрый бок, затем виновато посмотрел на Прасковью, дескать, у меня запасной шкуры нет, придётся ждать, когда эта высохнет. Но хозяйку, кажется, не смущал внешний вид гостя. Потрепав его по холке, она скрылась за приоткрытой дверью, и откуда послышался шум льющейся воды. Пёс остался один. Вытянув шею, и, слегка раздувая ноздри, он стал ловить запахи, витающие в окружающем пространстве. Ему очень хотелось обследовать помещение, но в силу своего воспитания, пёс не решился это сделать без ведома хозяйки. В это время дверь широко распахнулась, собака вздрогнула, словно её застали на месте преступления.

— Ко мне! Пошли купаться! — последовали сразу две команды.

Пёс с готовностью двинулся на зов. Послушно запрыгнув в ванную, замер. Прасковья долго и старательно мыла своего гостя, а он, тем временем подрёмывая, нежился под струями тёплой воды. После купания позволил обтереть себя большим мохнатым по-лотенцем, спокойно отнёсся к жужжанию фена. Даже не возражал против расчёски, которая стала хозяйничать в его шубе, так, будто она принадлежала ей. С достоинством съел

предложенный ужин, и, улёгся на краешке пушистого ковра, неотрывно следя за своей знакомой.

А та, сев перед плоской светящейся коробкой, начала катать по столу чёрный камень, и постукивать пальцами по чёрной доске. Каждый раз, когда она прикасалась к камню, пёс напрягался, и сосредотачивал своё внимание на руке, в которой он находился. Чем чёрт не шутит, возьмёт, да и запустит в голову, как сделал тот идиот в парке, а на вид таким добрым прикидывался, — пирожок предлагал. У пса заныл шрам, оставшийся после той встречи. Он задом стал тихонько отползать поближе к двери. Но на полпути его остановил голос.

— Погоди, ты куда собрался? Мы сейчас с тобою будем искать твоё имя. Я раньше никогда не интересовалась вашими кличками, поэтому в этом деле полный профан, но нам поможет комп.

На светящемся боку ящика стали появляться фигуры собак, а женщина, называя их имена, внимательно следила за реакцией пса. Но он не реагировал, ни на одно из них. Прошло много времени, прежде чем прозвучало, то единственное, заветное слово:

— Грэй!

Пёс вскочил и громко залаял.

— Так тебя зовут Грэй? Какое красивое имя! Грэй, Грэюшка….

Прасковья вскочила с места, и присев рядом с псом стала гладить его, ласково почёсывать за ушами, теребить холку, при этом что-то ласково приговаривая.

На Грэя нахлынули приятные воспоминания. Но вдруг, словно молния полыхнула в голове, и он как наяву, увидел высокие деревья, глухую дорогу, где его выпустили из машины. Он тогда подумал, что это будет увлекательная прогулка по ночному лесу. Но дверь машины захлопнулась, и она стала удаляться, глядя на него недобрыми красными глазами. Если

бы та машина знала, как долго пришлось бежать ему вслед за нею, надеясь, что она остановиться, и он вновь очутиться на своём любимом месте. Правда на это место последнее время часто стала покушаться женщина, от которой исходил, неприятный сладковато-терпкий запах. Она, как и её лысый кот были крайне невоспитанными. Один, находясь в гостях, постоянно шипел на пса, другая, гнала его прочь. И хотя Грэй старался не попадаться им обеим на глаза, хозяин человеческой конуры стал часто наказывать его, а за что, бедолага до сих пор находится в неведение.

Вспомнив прошлое, пёс резко мотнул головой и зарычал. Прасковья вскочила, испуганно спрятав за спину руки.

— Я сделала тебе больно? Ну не сердись, успокойся, я не хотела этого, прости, Грэй, — приговаривала она, отступая к дивану. Когда её ноги коснулись сидения, она машинально села, не отводя взгляда от разгневанного гостя.

Чувствуя вину, пёс опустил голову, лёг на живот и пополз к ногам своей новой знакомой. Он, готов был понести наказание за своё нехорошее поведение.

— Ну, что ты, что ты, встань, растеряно проговорила девушка, вновь гладя его по голове.

Но теперь в её ласках присутствовала настороженность. Какой же он дурак, вот просто так, ни за что, обидел хорошего человека. Грэй, не поднимая головы от пола, тихо заскулил.

Прасковья сползла, а вернее соскользнула с дивана. Прислонясь к нему спиною, вытянула ноги, и ласково потрепала пса по загривку. Гость осмелел. Он сел, и посмотрев на девушку, придвинулся к ней поближе.

— Господи, как ты меня напугал. Я думала, что укусишь, не делай так больше. Лучше расскажи, как ты оказался бомжом? Потерялся?

Прасковья почесала пальчиками под шеей, тронула его усы и, нащупав на голове шрам, вопросительно посмотрела псу в глаза.

— Да,.. жаль, что ты не можешь разговаривать, а то о многом бы поведал мне. Ты умненький, и чувствуется, что у тебя был хозяин. Вот только куда делся, мне уже не узнать никогда. Хотя догадываюсь, он просто тебя предал. Вряд ли ты смог сам потеряться. А что касается предательства, то оно в наше время стало нормой, я уже ничему не удивляюсь. Знаешь, я сама прошла через него, и его подружку боль, причём не один раз. Говорят, что время лечит, но не верю в это. Правда лишь в том, что со временем боль немного притупляется, но всё равно никуда не уходит, она живёт в тебе, и с нею надо мириться. Начнёшь воевать — себе дороже выходит. Уж лучше выделить ей маленький уголок в своей душе, и оставить в покое. Правда она с таким положением мириться не желает, старается всё время напомнить о себе, а недобрые люди ей в этом помогают. Знаешь, Грэй, когда от нас ушёл папа, мне казалось, что рухнул мир. Я не хотела поверить в то, что он уже никогда не прочитает мне на ночь сказку, не принесёт в голубом стакане молока, не пожелает спокойной ночи. Какой же я была глупой, когда отказывалась пить молоко! Капризничала, плакала, а он терпеливо убеждал меня, рассказывая, что девочки, которые пьют тёплое молоко, вырастают самыми красивыми и умными. Когда папы не стало рядом, и мне уже никто не приносил в постель молоко, я готова была его пить даже с пенками, но, увы, к прошлому возврата не было. Просто папа стал — воскресным папой. Я так его ждала! — девушка всхлипнула…

Пёс тихонько заскулил и лизнул её в щёку. Он не понимал человеческой речи, но чувствовал, что ему рассказывают что-то очень грустное.

— ...Но каждый его приход к нам кончался скандалом, — продолжала девушка. — Мама постоянно ругалась с ним, а однажды даже кинулась на него с кулаками. И тогда он сказал маме, что с нею невозможно жить, не только в одном городе, но и в одной стране. Мама в ответ наговорила ему кучу гадо-

стей, и не пустила меня с ним на прогулку. В тот день я впервые увидела, как он плачет. Второй раз папа заплакал, когда пришёл прощаться перед отъездом за границу. Едва только за ним закрылась дверь, мама вырвала из моих рук розового слона, принесённого мне в подарок папой, и пошла на балкон. Я заплакала и побежала следом за ней. Но опоздала. Мой слон лежал на тротуаре, в большой грязной луже, и, как показалось мне, тоже плакал. Я долго не могла простить папе, за то, что он не взял меня с собою. Только спустя много лет, узнала, что без разрешения мам, никто, даже папы, не имеют права вывозить детей за границу. А когда я выросла, то уже сама не захотела уезжать, как же, — влюбилась! Вот здесь-то я познала настоящее предательство. Моему мужу нужна была не я, а моя квартира. Благодаря только папиным друзьям, мы сейчас с тобою имеем крышу над головой. Вот так дружище! — Девушка осторожно вытерла ему уголок глаза. — Тебе ещё не надоело слушать моё нытьё, Грэй?

Пёс высунул язык и часто задышал. Он словно смеялся.

— С тобою так хорошо болтать, — продолжала Прасковья, — ты оказывается классный собеседник. И знаешь, в чём состоит вся прелесть? С тобою можно поделиться самыми сокровенными тайнами, не боясь, что ты их разболтаешь кому-нибудь. Особенно не хочется, чтобы о них узнала моя мама. Мне крепко повезло, что она изъявила желание жить на даче, а то бы… Папа был прав, с нею рядом жить невозможно. Она ничего не хочет понимать. На работе я устаю, как зверь, а придут выходные, я обязана ехать на дачу, чтобы обслуживать маму. Представляешь, она даже тарелку после себя не помоет. А сколько этих тарелок собирается за неделю, знаешь? Горы! Раньше у нас была домработница, но она сбежала. Разве с мамой кто уживётся. Платить старается как можно меньше, а требует как можно больше. А тут и вовсе решила: зачем иметь домработницу, когда есть я?

Прасковья умолкла, шмыгнула носом, и, размазывая по

щекам слёзы, тихонько заскулила. Пёс склонил на бок голову, и удивлённо посмотрел на неё. Чего ей не хватает? Конура тёплая, ящик полон еды. На мокрых листьях в сквере под дождём ночевать не надо. А может её обижают, как тот, что встретился им сегодня на лестнице, или те, кто сначала подманивают пирожком, а потом бьют в бок ногою, при этом говоря что-то обидное. Пёс, не зная как успокоить свою знакомую, легонько толкнул её в плечо своим холодным носом, и положил лапу на сгиб локтя.

— Грэй, какой же ты хороший, — улыбаясь сквозь слёзы, сказала девушка, — обнимая пса за шею. — Знаешь, каждый раз, когда я еду на дачу, мечтаю, что сяду на веранде, укутаюсь в плед, и, потягивая чай, из любимой папиной кружки расскажу маме, как мне жилось последние дни. Представляю, как она подойдёт ко мне, обнимет за плечи, и, словно маленькую поцелует в макушку. Но стоит только мне появиться, мама начинает обвинять меня во всех смертных грехах. Пока я вожусь с посудой, она, разбирая продукты, не переставая, ворчит: и сыр не первой свежести, и колбаса не та, что уж говорить об овощах и фруктах! Со стороны послушаешь её, так я совсем никчёмный человек. Всю субботу занимаюсь уборкой, стиркой, готовлю на неделю обеды, пеку пироги, и всё это, под аккомпанемент маминых упрёков. Хоть бы раз похвалила. Но самый страшный день, Грэй, это воскресенье, когда предстоит работа в цветнике. У меня оказывается руки растут не из того места. И полю не так, и поливаю неправильно, а уж когда дело доходит до стрижки травы, или обрезания кустов — это венец всему. А тут ещё, как назло, её подружка, чисто вылитая старуха Шапокляк, рядом вертится, и читает мораль, тема одна: родители и неблагодарные дети. К вечеру еле добираюсь до станции. Зайду в электричку, свободных мест как всегда нет. Вот и стою полтора часа, словно наказанная. А утром снова на работу. Я так устала, Грэй…. Слушай, а может объявить забастовку?

Что ты думаешь на этот счёт? По-моему хорошая мысль. Всё, к чёрту эту дачу! Завтра пятница, и мы с тобою после работы пойдём гулять в лесопарк. Одна я туда боюсь ходить, а теперь нас двое. Грэй, а ты любишь смотреть на звёзды? Что, никогда не смотрел?.... Жаль,...вот распогодится, мы с тобою сядем на балконе, и я покажу тебе Большую и Малую Медведицы, они похожи на ковшики, — большой и маленький. Когда я смотрю на них, то мне всегда хочется пить. Смешно, правда?

Прасковья умолкла. Она стала задумчиво смотреть в чёрный зев дверного проёма ведущего на балкон, откуда доносился шум ночного города, и шелест дождя. Пахло мокрой землёю, очищенный от пыли воздух был бодр и свеж. Глубоко вздохнув, Прасковья потянулась, и, стащив с дивана подушку, положила на неё голову.

— Грэй, можно я поваляюсь немножко, а потом мы пойдём спать. Ладно? – я не долго, только минуточку, — проговорила она, закрывая глаза.

Не прошло и минуты, как Прасковья уже крепко спала. Пёс переступил с ноги на ногу, а затем лёг рядом с нею, и, положив свою голову ей на бедро, стал дремать, чутко прислушиваясь к звукам, которые витали в окружающем мире. Сонная тишина, побродив по квартире, зависла над двумя одиночествами, так банально нашедшими друг друга, затем обняла их своим покоем, и, сев на диване стала сторожить их чуткий сон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БАБЬЕГО ЛЕТА

В начале сентября зарядили дожди. По улицам нескончаемыми потоками текла вода. Было промозгло и сыро. На мокром асфальте, изредка, вразброс, лежали жёлтые листья, они смотрелись, как заплатки на старом платье. Осень только начала вступать в свои права, но уже успела внести сумятицу в окружающий мир, ещё не остывший от знойного лета. Мокрые деревья, качаясь на ветру, роняли на землю крупные капли. Прохожие, укрываясь под зонтами, торопливо спешили по неотложным делам. Опустела детская площадка. Теперь единственным её обитателем был бездомный пёс Артур, который, свернувшись в калачик, дремал под деревянным грибком песочницы. Каждый раз, когда раздавался детский голос, он поднимал голову, в надежде, что его окликнут и угостят вкуснятинкой. Но его друзья, вместе с мамами быстро проходили мимо, шлёпая ногами по мелким «озерцам». Пропали со скамеек досужие старушки. С их исчезновением двор казался необитаемым. Странно, теперь не хватало того, что раньше так раздражало нас.

Пошла вторая неделя, как дождь оккупировал город. Казалось, что этому беспределу не будет конца. Но в понедельник окружающий мир проснулся от яркого солнечного света, водопадом льющегося с небес. О дожде напоминали лишь лужи, да раскисшая на газонах земля. Солнцу и теплу обрадовались все. Засияли на лицах прохожих улыбки, весело погромыхивали трамваи, добродушно шевелили усами троллейбусы. Из ординаторской нашего отделения исчезли зонтики. Они ещё вчера занимали всё свободное пространство, между столами. Даже утренний кофе сегодня пах как-то по-особенному. Все находились в хорошем расположении духа. Подшучивали над

Артемом Ивановичем, который, как обычно искал у себя на столе очередную, затерявшуюся историю болезни.

— Олег Ярославыч, отчего вы такой мрачный, в столь светлый день? — заходя, поинтересовался Вадим Петрович, хирург нашего первого отделения, бросая на стол пропажу Артёма Иваныча.

— Действительно, чего нос повесил, коллега? Давай, колись, ведь всё равно узнаем, — вступил в разговор терапевт Сенечка, любимец и баловень медсестричек. — Дашка от ворот поворот дала? Так по этому поводу грустить не стоит, найдём тебе новую пассию.

— Тебе бы всё искать, смотри, доищешься, что на старости лет, воды не-кому будет подать, — вступила в разговор Рита Михайловна.

— Я воду пить не собираюсь, уж как-нибудь на коньячке перебиваться буду, а на мой век хватит медсестричек-лисичек, которые за честь почтут поднести его мне.

— Балабол ты, Сенечка, голова уже седая, а на уме одни девки. Когда ты только остепенишься?

— Что вы, Рита Михайловна, я давно бы остепенился, но ведь женщина моей мечты на меня не обращает внимания.

Семен Игнатьевич, скрестив на груди руки, стал смотреть на свою собеседницу томным взглядом. Все засмеялись. Когда смех утих, Рита Михайловне повернулась к Олегу.

— Что все таки произошло? Может мы, чем-то сможем помочь?

— У мамы рак, четвёртая стадия….

Наступила гнетущая тишина. Все молчали, опустив глаза, словно были в чём-то виноваты перед своим коллегой.

— Ошибки быть не может? — спросил Артём Иванович

— Исключено. Даже операцию уже не берутся делать, — тихо ответил молодой человек.

— Рак чего?

— Левой почки с метастазами.

— М-да…

— Олег, почему мама так поздно обратилась к врачам?

— Да она не любит лечиться. Думала, поболит и пройдёт, а оно вон как вышло.

— Ну, хорошо, а где был ты? Не видел, что мать загинается?

— В том-то и дело, что она скрывала своё недомогание, тянула до последнего, пока окончательно её не прижало. Она ведь меня одна растила, бывало, что на работу с температурой бегала. Даже не припомню, когда больничный брала. Я думал, выучусь, пойду работать, и заживём мы с нею….

Молодой человек, словно маленький ребёнок, всхлипнул, размазывая по лицу слёзы. Все растерялись. Врачи, привыкшие смотреть смерти в глаза не находили слов утешения для своего товарища. Наступила гнетущая тишина. Неожиданно раздался лёгкий удар о стекло окна, и большая зелёная муха, надрывно зудя, стала биться об него, пыталась обрести свободу.

— Погодите, — заговорил Семён Игнатьевич, — я видел один фильм, в котором рассказывается о том, как муж нанял постороннего мужика поухаживать за смертельно больной женой. Кстати, опухоль была злокачественной. Жена потом влюбилась в того мужика, и выздоровела. Олег, я не шучу, может тебе стоит попробовать подобное «лечение» любовью? Как я понял твоя мама одинокая женщина?

Наступила тишина. Первым её нарушил Олег.

— Она никогда не была замужем, боялась, что меня могут обидеть.

Предложение ваше интересно, но не выполнимо. Во-первых, где взять человека, который согласится на это? Во-вторых, если она, действительно, выздоровеет, то вы понимаете, какой для неё будет удар, когда тот человек покинет её?

— Удар, не смерть. Это пережить можно, но не возвра-

тится ли болезнь от пережитого стресса? — произнесла Рита Михайловна.

— От этого я её застраховать не могу.

— А что, предложение интересное. В данном случае надо цепляться за малейший шанс. Но Олег прав, где найти такого человека? На поиски уйдёт уйма времени, а дорога каждая минута.

Все умолкли, решая непосильную задачу. Неожиданно Рита Михайловна хлопнула рукой по столу, заставив коллег вздрогнуть.

— Ты, Сенечка, придумал, тебе и быть исполнителем.

Не смотря на всю серьёзность обстановки, видя растерянное лицо Семёна Игнатьевича, никто не смог удержаться от улыбки,

— Рита Михайловна, почему вы решили, что этим человеком должен быть я?

— А кто, как не вы? Посмотрите на себя со стороны. Высокий, в меру упитанный, одна ваша шевелюра чего стоит, и потом, вы подходите по возрасту.

Не известно, как долго бы пришлось уговаривать Семёна Игнатьевича, если бы вновь не Рита Михайловна.

— Сенечка, просто вы боитесь, что не сможете увлечь,… — она повернулась к Олегу, — как зовут твою маму?

— Надежда Аркадьевна, — растеряно проговорил он, отказываясь, что-либо понимать из происходящего.

— Вот видите, Надежду Аркадьевну, — продолжала она. — Это ведь тебе не сопливых девчонок, соблазнять, которым нужен только твой кошелёк.

Семена Игнатьевича задели слова женщины. Да как она смеет сомневаться в его донжуанских способностях? За всю холостяцкую жизнь он только один раз, в молодости, получил «облом», И то, в этом был виноват муж дамы, который не вовремя вернулся из командировки. Надолго запомнился тот роман.

Ещё бы, часа два пришлось отсиживаться под кроватью, слушая ахи и охи своей пассии.

Недолго подумав, Семён Игнатьевич согласился.

Сотрудники Олега позвали Лидию Львовну, — психолога, чтобы по-советоваться, по поводу «лечения любовью». Та долго, сосредоточенно молчала, а когда у всех терпение было на исходе, вздохнув, заговорила:

— Ну, коллеги, задали же вы мне задачу. На своём долгом веку я с такой ситуацией ещё не разу не сталкивалась, и, честно сказать, не знаю, что вам ответить. Вопрос слишком сложный, и деликатный. К нему надо подходить осторожно, чтобы, упаси Бог, не навредить пациенту. А вдруг, действительно, ваша идея сработает, вы не задумывались, что будет с бедной женщиной. Она ведь получит сильный удар по психике. Мой совет, оставьте всё как есть.

Все сидели словно опущенные в воду. Каждый взвешивал — за и против. По странному стечению обстоятельств, стрелка весов твёрдо стояла на нуле. Когда ушла Лидия Львовна, Олег сказал:

— Она права, я же знаю свою маму, она не перенесёт такого удара. Мне очень больно об этом говорить, но, действительно, оставим всё как есть.

Прошло две недели. Сотрудники Олега принимали непосредственное участие в жизни его матери. Они задействовали все свои связи, дойдя до онкологического центра в Питере, но столкнулись с неодолимой преградой, — нежеланием пациентки лечиться в нём.

— Будь, что будет, — сказала она, — я не ребёнок, которого можно обмануть. Моё положение безнадёжно. Зачем же вы пытаетесь меня мучить, дайте спокойно умереть рядом с любимым сыном.

Каждый рабочий день Олега начинался с вопроса:

— Олег Ярославович, как самочувствие мамы?

Он молча пожимал плечами, морща свой, слегка курносый нос.

Коллеги, как могли, помогали ему. По очереди дежурили за него, раньше времени отпускали с работы. Все, как один отдали свою квартальную премию Олегу, объяснив это тем, что ему для матери нужны дорогостоящие лекарства.

В первых числах октября вновь зарядили дожди. В один из таких неуютных дней Олег пришёл повеселевший. На вопрос коллег:

— Что произошло?

Он радостно сообщил:

— Маме стало лучше! Она даже собирается сегодня идти в театр. Я хотел её сопровождать, а она отказалась. Я настаивать не стал. Ведь иногда человеку хочется побыть одному. Только сейчас начинаю сомневаться, а правильно ли я поступил?

— Не сомневайтесь! Всё сделали правильно. Желание дамы — закон, — сказал Артём Иванович.

— Вы, последнее время слишком опекаете её, вот ей и захотелось немного свободы, так, что не переживайте, всё будет хорошо, — добавила Рита Михайловна.

Проходили дни, и каждый раз Олег приносил хорошую новость: «Мама гуляла в парке», «Пока я был на работе, она ходила на набережную», «Нет, вы представляете, она со старым знакомым была в зоопарке. Вернулась оттуда в полном восторге».

Олег светился от счастья. Коллеги радовались за него, но как-то странно. Натянуто, если так только можно сказать. В их глазах скользила тревога. Когда Олега не было в ординаторской, они живо обсуждали истинное положение дел.

— Ребята, мне очень жаль парня. Он так трепетно любит

свою мать, но нам, врачам, как ни кому, известно, что такое улучшение часто проявляется перед концом.

С доводами Артём Иваныча все согласились.

Прошёл месяц. Надежда Аркадьевна в очередной раз сдав анализы удивила своих врачей. На лицо было видно улучшение. Сын радовался как ребёнок. А спустя несколько дней, пришёл на работу тихим, растерянным. Все заволновались.

— Олег Ярославыч, что случилось? На вас же лица нет. С мамой плохо?

Молодой человек не успел ответить, как в распахнувшуюся дверь вошёл Семён Игнатьевич. Кабинет встретил его тишиной.

— Рита Михайловна, где ваш больной из сто пятой? Прихожу консультировать, а его след простыл. Вы же мне говорили, что он не ходячий… Погодите, а чего это вы все такие напряжённые, случилось что?

— Сенечка, ты как всегда вовремя, — раздражённо проговорила Рита Михайловна, и повернулась к Олегу, — Олег Игнатьевич, так что же произошло? На вас лица нет. С мамой плохо?

— Да я право не знаю, как вам сказать… Маме один человек сделал предложение, и она, как я понял, не против выйти замуж…

— Так это же здорово! За неё только остаётся порадоваться.

— Что я и делаю, — вздохнул молодой человек.

— Выражение вашего лица говорит обратное, — улыбнулась Рита Михайловна.

— Да я в полной растерянности. Это как снег на голову.

— А кто её избранник?

— Не знаю, пока с ним не знаком. Но сегодня он приглашён на семейный ужин. Подскажите, как мне с ним себя вести, я никогда не попадал в такие ситуации.

— Ну, прежде всего не нервничать, даже если вы увидите нечто такое, что вас удивит, — сказал Семён Игнатьевич.

— Хорошенький совет, ничего не скажешь, это, коллега, скорее смахивает на скрываемую тайну, проговорил Артём Иванович.

— Ладно, — вздохнул Семён Игнатьевич, — от вас всё равно ничего не утаишь. И тайны никакой нет. Избранник Надежды Аркадьевны — я.

Произошла немая сцена, прямо как в Ревизоре.

— Вы шутите? — слегка заикаясь, спросила Татьяна Петровна, давно имеющая виды на всеобщего любимца.

— Отнюдь. Такими вещами не шутят.

Олег встал из-за стола, и только хотел что-то сказать, как его опередил Семён Игнатьевич.

— Олег, погоди возмущаться, выслушай. Я познакомился с твоею мамою случайно, в парке, она сидела на скамейке, и складывала листья клёна в букет.

«Да, было такое, мама принесла их домой, они и по сей день стоят в вазочке» — подумал Олег.

— Когда я увидел детский восторг на её лице, не смог пройти мимо, остановился. В её взгляде, брошенном на меня, было ***нечто*** ну как вам доходчивее объяснить,..понимаете,.. — не находя нужных слов Семён Игнатьевич жестикулировал руками, — в них утонула вся вселенная, вот… — он вытащил носовой платочек и стал вытирать вспотевший лоб.

Таким его никто ещё не видел. В ординаторской стояла звенящая тишина. Рита Михайловна сделала неловкое движение, и со стола на пол упала стопка историй болезни. На неё все зашикали.

— Только несколько дней назад, я узнал, что это ваша мама.

— Вы её водили в зоопарк?

— Я. И в театр с нею ходил тоже я. На набережной, под

дождь, она попала тоже со мною. Олег Ярославыч, вы её единственный близкий родственник, поэтому я у вас прошу руку Надежды Аркадьевны.

— Зачем вам это надо? Ведь вы всё знаете,… — заговорил Олег, — может быть хотите всем доказать, что вы неотразимый мужчина, и ни одна женщина не может избежать ваших чар?

— Олег, Олег, мальчишка ты ещё, если бы я не собирался стать твоим отчимом, то обязательно бы надрал тебе уши. Неужели ты не понял, что я впервые влюбился, и хочу с твоей мамой связать свою жизнь?

Надежда Аркадьевна и Семён Игнатьевич подали заявление в загс. Потянулись дни счастливой суеты. Олег с улыбкой наблюдал, как мама, словно девчонка, волнуясь, выбирала себе костюм для столь знаменательного дня. Она была счастлива, о своей болезни даже не вспоминала. Активно принимала участие в подготовке к предстоящим торжествам. Но Олег видел, — мать слаба. И всё же в его душе теплилась надежда, что любовь победила болезнь. А тут ещё все, наперебой, твердили о чудесном исцелении. Олег тоже поверил в чудо.

Вновь зарядили дожди….

Наконец пришёл долгожданный день. С самого утра в квартире невесты начались приятные хлопоты. Вызванный на дом парикмахер колдовал над причёской, сотрудницы Олега, спорили — надо ли пришивать бусинки к фатину, обрамляющего белые розы невестиного букета, или нет. Олег, чтобы не путаться под ногами, уселся в глубокое кресло и с улыбкой наблюдал за происходящим. Такой красивой, он маму видел впервые.

В загсе всё было строго и чинно. Всех окружала атмосфера праздника. После регистрации Семён Игнатьевич, подхватив на руки ***свою*** счастливую жену, понёс к машине, он светился от счастья. Приглашённые гости искренне радовались за них.

Застолье было шумным и весёлым. Когда объявили танец

невесты и жениха, у Олега ёкнуло сердце. «Вот и дождалась мама своего счастья», — подумал он, наблюдая, как Семён Игнатьевич бережно ведёт её в танце. И вдруг он увидел, как мама неестественно запрокинула назад голову, и едва не упала, подхваченная его отчимом. Наступило всеобщее замешательство.

Кто-то вскрикнул, кто-то подбежал к молодым, кто-то стал вызывать скорую помощь. Олег стоял в оцепенении.

Хоронили маму в теплый осенний день. От нудных дождей остались лишь лужи, да прибитые им к асфальту жёлтые листья. До Олега доносились обрывки разговоров:

— Надо же бабье лето по второму кругу возвернулось….

— Жалко парня,.. любил,.. мать... один…

Голоса роились, как въедливые комары, то шуршали опавшими листьями. Гасли, и вновь разгорались костром.

Олег стоял возле вырытой могилы, которая разверзла свои объятия для его мамы. Молодого человека бил озноб. Он поднял воротник пальто, словно хотел оградить себя от окружающего мира. Тупая боль в груди не покидала его, она прочно обосновалась там. Подняв взгляд на Семёна Игнатьевича, он в первый момент не узнал его. «Тоже мне, нашёл время, когда красить свою шевелюру», — неприязненно подумал Олег, и тут же вздрогнул. Да нет, он же просто поседел! Раньше у него только на висках просматривалась седина, а теперь он стал белым, как лунь. И тут Олег понял, — он в своём горе не один… Шагнув к отчиму обнял его, и заплакал, как плакал, когда-то в детстве на мамином плече. Семён Игнатьевич ласково поглаживал его вдоль спины… Совсем как мама.

ОПЛОШАЛСЯ

У моих друзей вдоль полисада растут три восьмидесятилетних дуба. Высокие, стройные, кроны раскидистые, одним словом — красавцы! Желудей в этом году на них уродилось не меряно. Коричневые пульки с белёсыми попками устлали всю проезжую часть дороги, придорожная канава засыпана ими так, что «дубовый» урожай можно черпать вёдрами. А уж о клумбах и говорить не приходится. Землю, между стебельками цветов, словно галькой засыпал кто-то.

Дом стоит в двух кварталах от леса, где произрастают: сосны, ели да берёзы. Как уж прознали белки о заветных дубах, по сей день остаётся тайной. Только повадились они на ранней зорьке за желудями к ним ходить, чтобы свои кладовые пополнить. Где по ограде пробегут, где по веткам яблонь, а там, через дорогу, и, даже на дуб взбираться не надо, хватай, какие тебе нравятся, и обратно к своему дуплу.

Каждое утро я сажусь у окна и наблюдаю, как эти проныры снуют по забору, дороге, шарят по клумбам. Самые привередливые на дубы лезут. Видите ли, им желудей свежих подавай, прямо с веток сорванных. Смотреть на рыжих одно удовольствие. Напихают за щёки лакомства, и домой бегут. Выгрузят запас, и обратно спешат, за следующей порцией. Трудятся до тех пор, пока хозяева домов не начинают просыпаться. На лающих собак внимания не обращают. Чего их боятся? Они по заборам и веткам лазить не умеют, да ещё, многие из них на привязи сидят. А вот коты, те парни проворные, с ними ухо востро держать надо. Того и гляди сцапают. Только зачем — не понятно. Хозяева их кормят, как на убой, так что беличье мясо у котов не в чести. А может, хотят перед хозяевами выслужиться? Дескать, посмотрите, как мы ваше добро охраняем. Но люди желудей не

едят, а сами коты, и подавно, чего жадничают, сами не понимают. Может ради спортивного интереса? Тогда уж лучше бы мышей ловили, а так только мешают делом заниматься.

Как то раз сижу, и наблюдаю за рыжими. Вдруг, они, в одночасье, на забор прыгнули, — и кто куда. Одни на дубы забрались, другие домой побежали, а третьи расселись на яблонях и вниз смотрят. Кто же их так напугал? Ага, появился соседский кот Васька. Никак решил поохотиться. Пока горе-охотник, свой толстый зад через ограду перетаскивал, все белки разбежались. Все, кроме одной. Слишком поздно она заметила опасность. Куда деваться? Васькина хищная морда рядом, а забор далеко. Но зато прямо перед нею высоченный алюминиевый шест стоит, и его макушка теряется в кроне яблони. Откуда же ей бедолаге было знать, что своими коготками она не сможет за него цепляться.

Лезет белка вверх, старается, а внизу Васька, трясца ему в бок, стоит на задних лапах, и ждёт, когда добыча сама к нему в лапы упадёт.

Изо всех сил карабкается рыжая, но дело продвигается с трудом. Стоит только ей остановиться передохнуть, как начинает съезжать вниз. А там кот вытянулся в струнку, обхватил шест лапами, вращается вокруг него, и от нетерпения когтями по нему постукивает. Хвостом, как пропеллером крутит. Ну, вот, ещё чуть-чуть, ну совсем немножко осталась, и… белка у него в лапах!

Покидают силы рыжую, но она не сдаётся, вновь начинает, карабкаться к веткам яблони.

Я уже в кота второй тапок запустила, а он, нечисть, даже в мою сторону не повернулся. Выбежать бы на улицу, да прогнать его, но не успею. Пока спущусь со второго этажа, поздно будет. А белка тем временем почти до веток яблони добралась, но опять решила передохнуть и, поехала вниз…. Васька не дремлет, пальчики на лапах растопырил, когти выпустил, и,… цап белку за хвост….

Откуда только силы у бедолаги взялись, — как рванёт вверх по шесту! В считанные секунды на ветке оказалась. Рыжей стрелой пронеслась по яблоне, перепрыгнула на другую, с неё на крышу дома, и, была такова!

Бедный Васька грустно посмотрел ей в след. Сел на попку, обнял одной лапой шест, а другую стал внимательно рассматривать, на когтях которой находился приличный клок беличьей шерсти. Понюхал он его, даже на зуб попробовал, а потом плеваться стал, — невкусно.

Посмеиваясь над незадачливым охотником, я пошла за своими тапками.

ИНДРИК

Индрик — это белый пушистый кот. Капризуля несусветный. Ежели, что не по нему, — отворачивает в сторону мордочку и проходит мимо, всем своим видом говоря: — «Я вас знать не желаю. Почему курицу подали? Я ведь вискас просил». Предложишь вискас — требует курицы. А когда в миске и то и другое, Индрик желает отведать рыбки.

Особенно коту нравиться, когда хозяева переживают за него. Для этого всего лишь надо забраться на старую яблоню, и громко жалобно мяукать, что на кошачьем языке, вероятно, означает: «Помогите, спасите, я слезть не могу! Чего доброго вниз свалюсь, шейку свою пушистенькую сломаю. Плакать потом начнёте, да уже поздно будет».

Кот знает, что в беде его не оставят. Хозяин за лестницей бежит, а хозяйка в это время успокаивает интригана.

— Индрик, миленький, потерпи, сейчас тебя снимем. Не плач мой хороший, смотри, Миша уже лестницу несёт.

А безобразник в это время ещё громче орать начинает.

Наконец кот снят с дерева. Его гладят, почёсывают за ушком, угощают вкуснятиной. Одним словом ублажают вредину.

Однажды мои друзья уехали по делам в Москву. Индрик долго бродил вокруг меня, требуя внимания к своей персоне, но я была занята. Мне надо было перебрать четыре ведра грибов, так, что на сюсю — пусю времени не оставалось. И тут кот решил проделать свой коронный номер, только теперь я должна была быть в роли спасателя. Он залез на яблоню, сел на её развилке и затянул своё коронное:

— Мяу-у-у, мяу-у-у….

Я на него — ноль внимания. Индрику это не понравилось.

Затянул свою песню громче и жалобней. Результат прежний. Горе у кота. Мало того, что вокруг дерева никто не бегает с причитаниями, так ещё обещают по шее дать, когда спуститься.

Наконец надоело ему сидеть на одном месте, но слезть на землю, значит признать своё поражение, а коту этого, ой как не хочется. И он продолжает канючить: «Мяу-у-у, мяу-у-у…», да жалобно так, будто с жизнью расстаётся. Но меня этим не проймёшь. Я посмеиваюсь:

— Ничего, слезешь, когда надоест. Я тебе не Жанна с Мишей, на твою уловку не поддамся.

А ведь слезть коту проще простого. Ветка слегка наклонённая, по ней, как по дорожке пройти можно, просто не желает сдаваться окаянный. Он вредничает, я тоже. Одним словом, кто кого измором возьмёт.

Вдруг с дерева срывается яблоко, и, бац Индрику по загривку! Обезьяны бы позавидовали коту, с какой скоростью он, пробежав по ветке, и, спрыгнув на землю, исчез в зарослях цветов на клумбе.

Спустя некоторое время, он, озираясь, выбирается из своего убежища. С опаской поглядывая на меня, бежит к воротам, возле которых остановилась машина моих друзей.

ПОЧЕМУ МАКИ КРАСНЫЕ?

— Бабушка, а почему у зайца уши длинные?

— Чтобы лучше слышать.

— А зачем ему надо лучше слышать?

— Чтобы лисе на обед не попасться.

— А почему он не попадёт лисе на обед, если будет лучше слышать?

— Да потому, что первым узнает, как она по травке крадётся и убежит.

— А почему он должен убегать?

— Чтобы она его не сцапала.

— А я могу услышать, как лиса идёт?

— Вряд ли. У людей слух хуже, чем у зверей.

— А если у меня вырастут такие уши, как у зайца, я тогда услышу, лисиные шаги?

— Услышишь, — покачивая головой, отвечает бабушка.

— А что надо сделать, чтобы уши выросли?

— Надрать их хорошенько, дабы, ты не приставала с дурацкими вопросами.

Танечка вздыхает. Вот так всегда. Эти взрослые, никогда толком не отвечают на вопросы, а потом удивляются, почему дети бестолковыми растут.

Некоторое время она в припрыжку скачет за бабушкой по дороге. Молчание её тяготит. Слева и справа от тропинки раскинулся луг во всём своём великолепии. А сколько бабочек порхает над его цветами, даже в глазах рябит! И все такие красивущие! Танечка останавливается и, покусывая ноготь, задумчиво разглядывает пёстрый склон бугра. До чего же луг похож на тот ситчик, который мама купила ей на платье! Такое

же поле зелёное, и цветочки всевозможные, вот только бабочек на нём нет. Но это можно исправить. На днях Колькина мать ставни голубой краской мазюкала, наверное, у неё, хотя бы чуток, да осталось. Колька не жадный, нальёт в блюдечко. А если у сестры кисточку взять, то можно будет на платье нарисовать голубеньких мотыльков.

— Ты чего там застряла? Давай, догоняй, а то потеряешься, — зовёт бабушка.

Танечка вздыхает. До чего эти взрослые смешные. Ну, как можно потеряться на этом лугу? Впереди лес, позади хаты, внизу речка, а рядом с полем пшеницы — кладбище, мимо которого бежит тропинка, до самого дома.

— Бабушка, а почему незабудки назвали незабудками, и почему они голубые?

— Эта история давно приключилась. Так давно, что никто её начало упомнить не может.

— Даже ты?

— Даже я. Видишь ли, рассердился как-то Бог неба на людей, за то, что они своих Богов перестали почитать, стали вести себя плохо, вот он и решил их наказать. Ударил своим посохом по голубому полю небес, и разбил его на несметное множество осколочков.

— А что стало с солнышком?

— Он его в свой карман спрятал. Ты вот лучше слушай, что дальше было — не перебивай меня. Я всё по порядку тебе расскажу. Так вот, как только он разбил небо, и спрятал солнышко — враз на земле наступила темнота. Испугались люди, мечутся, друг на друга натыкаются, ничего найти не могут. И тогда они стали просить у Богов прощения. Долго Сварог не хотел их прощать…

— А кто такой Сварог? И сколько всего Богов на небе? Мы ведь с тобою в церкви одному молимся, чего доброго остальные могут рассердиться на нас.

— Я же сказала тебе, что это было очень давно, ещё до того, как родился наш Бог. В те времена Сварог правил небом, и в его подчинении находилось несколько Богов. Ты мне постоянно мешаешь рассказывать. Смотри, рассержусь — пожалеешь, да поздно будет. Так на чём я там остановилась?...

— Что тот сердитый Бог не хотел прощать людей.

— Не хотел, потому, что больно сердит на них был, но потом всё же смилостивился, и решил их простить. Стукнул другим концом своего посоха по земле, большие осколки склеились, и вновь стали голубым небом, но только оно стало в половину меньше, оттого, что было. Вторая половина неба осталась по-прежнему чёрной. И стали эти половинки сменять друг друга. Так родились день и ночь. Маленькие осколочки превратились в голубенькие цветочки, чтобы люди помнили о гневе божьем. Поэтому их и назвали незабудками. Все давно позабыли о Свароге, а незабудки, и по сейчас, напоминают людям о том, что когда-то произошло.

— А почему эти цветочки на ночь глазки закрывают?

— Потому, что спать ложатся.

— А почему другие цветочки не спят по ночам?

— Не знаю, может им не спиться.

— И их мамы не наказывают?

— Кто же их накажет, — они ведь цветы.

Таня вздыхает:

— Хорошо быть цветком. Хочешь — спи, не хочешь — не надо. А то вот мне иногда не хочется спать, а вы с мамой заставляете.

— Дети во сне растут. Не будешь спать — не вырастешь.

Девочка задумывается.

— Ладно, буду спать, а то, и, правда, останусь маленькой. Бабушка, а Бог отпустил солнышко на волю?

— А ты разве не видишь?

— Вижу, но может, оно другим было, не таким, какое сейчас.

— Вообще-то да, наверное, стало меньше. Ведь Бог отщипнул от него кусочек и сделал луну.

— А откуда звёзды взялись?

— Когда Сварог отщипывал кусочек для луны, то просыпались крошки, вот они и стали звёздочками. Большие крошки — большими звездочками, маленькие — маленькими.

— А вот и нет, а вот и нет! Бабушка Лушка по другому рассказывала.

— Так если она тебе рассказывала, то чего ко мне пристаёшь?

— Хочу правду узнать. А ты путаешь меня. Не пойму, кто из вас врёт.

— Пойдёшь в школу, там всё и узнаешь.

— До школы ещё дожить надо.

Бабушка смеётся.

— Ты что, помирать собралась?

— Нет, помирать мне рано, я ещё не всё на этом свете узнала.

Некоторое время внучка с бабушкой идут молча.

— А почему ромашки белые, а серединки у них, похожи на маленькое солнышко?

— Тебе нравится, когда на небе солнышко светит, и белые облака вокруг плавают?

— Нравится, я люблю на них смотреть.

— А чтобы их увидеть, что надо сделать?

— Посмотреть вверх, — отвечает Таня.

— Правильно, надо задрать голову к небушку. А если ты по делам спешишь? Идти с поднятой головой по дорожке неудобно, а солнышком и облаками полюбоваться хочется. Вот и выходит, — либо дела бросай, либо любуйся. Поэтому Господь и создал ромашки, для того, чтобы человек в пути не отвлекался на праздности. Ты заметила, что они любят расти у дороги? А знаешь почему?

Таня отрицательно покачала головой.

— Идёт человек, — продолжала бабушка, — а рядом с ним, вдоль дорожки, маленькие облака с солнышками ручейком текут.

— Хитро Боженька придумал. Бабулечка, а давай мы с тобою, на настоящие поглядим? Смотри, какие они пушистые. И зверей, наверное, много вылепили, как это у них так получается…

— Ладно, давай отдохнём, — вздыхает бабушка, — ведь всё равно не отвяжешься.

Травка мягкая, пахнет отцветшим чабрецом и терпким запахом ромашек. Бабушка с внучкой ложатся на неё, и смотрят в небо, где плавают большие кучевые облака, похожие на большие, очень большие, комочки тополиного пуха.

— Бабуля, посмотри, вон медведь развалился, нежиться под солнышком. А ты нашла кого-нибудь?

— На моём облачке голубка сидит, а голубок над нею кружиться.

— Нет, то курица, а не голубка.

— Так твой медведь тогда, скорее, на лису смахивает. Посмотри, какой у него хвост пушистый. А разве у медведей такие хвосты бывают?

— Но и таких толстых лис тоже не бывает. Ой, бабуля, какой конь красивый! А скажи, ты когда-нибудь видела белого коня?

— Разных цветов видела, и белого в том числе.

— Неправда, синих коней ты не видела, я их даже в сказках не встречала.

— Так про синих речи не было.

— Как не было? Сама сказала, что коней разных цветов видела.

— Горе, ты моё! Совсем замучила меня своими вопросами. Ну почему ты такая любопытная уродилась? Почему минутки помолчать не можешь?

— Не пойму я тебя бабушка. То я солнышко, то твоя радость, то аленький цветочек, а вот теперь горе. Ты уже определись, кто я. А насчёт любопытства, то вся в тебя. Ты сейчас два раза почемучкнула, и даже не заметила этого, а меня обвиняешь, что я тебя вопросами замучила. Ты вот лучше ответь, почему маки красные?

СТЕРВА

Новость свалилась, как снег на голову.

— Девочки, — растерянно проговорила Антонина Савельевна, входя в сестринскую, — Иван Тарасович уходит от нас.

— Куда?

— Куда он может уйти, — на заслуженный отдых.

— Как это бос на такое решился? Я уж думала, что он нас сначала на него проводит.

— Может это очередная «утка», или розыгрыш?

— Та, скорее всего старик решил покочевряжиться, думал, что его будут уговаривать остаться.

Катюша, о чём ты говоришь, главврач его с добрый час уламывал, а он — ни в какую. Это мне по секрету Валентина Ивановна рассказала.

— Правильно, пусть отдохнёт дедуля, сколько же можно вкалывать. Я, сколько себя помню, всё время была под его началом, а мне, слава Богу, скоро будет полтинник.

— Девчата, он случайно не родился в нашем отделении?

— Нам это не ведомо, а сам он, даже под пытками не признается.

Раздался дружный хохот.

— Чего ржёте как кони? Забыли, где находитесь? А ну, марш, по своим местам! Надя, почему до сих пор не в процедурной? Катя, ты поставила капельницу Игнатьевой? Вот уж работничками Господь наградил! Анализы из лаборатории принесли? Отлично. Чтобы до обхода они по историям лежали. Галя, займись этим.

— Я давно их вклеила.

— Умница. А где история Никитенко?

— Её Иван Тарасович забрал. Софья Евгеньевна, а правда, что Тарасович от нас уходит?

— К сожалению, правда. Я даже не представляю наше отделение без него. Ведь он мне, как отец родной, — грузная, пожилая женщина села на стул. — Как сейчас помню, пришла я после училища по направлению, больница тогда ещё в старом здании располагалась, а меня — цап, да сразу в ночь на дежурство кинули. Забилась я в сестринскую, реву белугой. С чего начать — не ведаю, хотя училище с красным дипломом окончила. Спросить бы напарницу, так та в соседнее отделение чай пошла, пить к медбрату. Это уже потом выяснилось, что путаница произошла. В тот день к нам две медсестры оформили: меня, и Антонину Савельевну — работника со стажем, из второго отделения перевели в наше. А тогдашняя старшая перепутала нас, и вместо неё, меня дежурить поставила. Ну, так вот, сижу я, значит, и реву. Вдруг, открывается дверь, и заходит наш Иван Тарасович. Пристал с расспросами. Что, почему, отчего ревёшь? Кое-как добился ответа, а потом говорит: «Кончай мокроту разводить. Вместе подежурим». И так мне спокойно на душе стало. Работа моментально заладилась. Всем лекарство раздала, уколы поставила. Всю ночь мы с ним проговорили, а напарница только утром явилась, шалавистая, я тебе скажу, девка была. Другой бы заведующий, эту стерву, по тридцать третьей за порог вышвырнул, а он разрешил ей уволиться по собственному желанию. Я уже потом узнала, что в тот день у его жены день рождения был. Вот такой наш Иван Тарасович!

Всех лихорадило. Привычный уклад жизни нашего отделения был под угрозой. Мы гадали, кого же назначат на место Ивана Тарасовича, и каков из себя будет этот гусь. Наконец дождались. В понедельник главврач больницы представил нам уверенного в себе молодого человека.

— Это, ваш новый завотделением. Зовут его Александр

Андреевич. Прошу любить и жаловать. Надеюсь, что вы с ним сработаетесь. Он, кандидат медицинских наук, останавливаться на достигнутом не собирается. От работы в медцентре отказался, а выбрал нашу больницу.

— Сколько же ему лет, если он уже кандидат? — поинтересовалась, ни к кому не обращаясь, Катя.

Вечно, что-нибудь жующая Надя, забросив в рот конфетку, ответила:

— На вид лет тридцать пять. И на что он рассчитывает в нашем захолустье?

— На то, что «мышки будут более покладистей, чем областные, — зашептала Нина Ивановна на ухо Ирине.

Ирина не отреагировала на реплику. Она думала о своём.

— Наконец в коллективе появился нормальный мужик, — зашептала она Кате на ухо, — такого стоит захомутать. Интересно, он женат?

— Откуда я знаю, — тоже шёпотом ответила Катя, — тебе надо, ты и спрашивай.

— А вот возьму и спрошу.

— Ну и спрашивай, только отстань от меня, видишь, главный уже косится в нашу сторону.

— Александр Андреевич, вы женаты? — поднимаясь с места, спросила Ирина.

— Лёгкий смешок прокатился по кабинету.

— Нет, я холост, — холодно ответил молодой человек.

— Ничего, женим, — прошептала девушка, садясь на своё место.

Ивана Тарасовича провожали всем отделением. Были цветы, подарки, а главное застолье, по окончании оного многие так надрались, что не помнили, по какому случаю собрались. Наш новый заведующий пил только сок, и внимательно наблюдал за своими подчинёнными.

— Смотри, как изучающе на нас поглядывает, словно мы подопытные кролики. Интересно, что он думает о каждой из нас? Что не говори, а мужик он классный. Чур — мой! Катюха, если кто-нибудь из вас попытается его у меня оспаривать — тому смерть. Ясно? — сказала Ирина и, взяв стаканчик с вином, направилась к молодому человеку, игриво покачивая бёдрами.

— Александр Андреевич, в нашем отделении есть такая традиция: новый член нашего коллектива, чтобы влиться в него, должен с заведующим выпить на брудершафт. А так, как новенький, да ещё, в придачу, заведующий, вы, то этот обряд вам придётся исполнять с каждым членом нашего коллектива. Но нас много, поэтому мы решили, что на эту роль выдвинем одного человека.

Выбор пал на меня. Вы не возражаете?

— Во даёт, — произносит Инесса Вадимовна, и машинально наливает себе стакан водки вместо воды. Затем выпивает содержимое одним махом, не чувствуя разницы.

Все затаили дыхание. Что же будет дальше… Ничего сверхъестественного не произошло. Молодой человек спокойно встал из-за стола и, наполнив пластмассовый стаканчик вином, с улыбкой подошёл к Ирине. А дальше было как в кино. Неловкое движение и, божественный напиток, под аккомпанемент смятого стакана, перекочевал в ложбинку Иришкиной груди.

Под дружный смех присутствующих, он устремился вниз, создавая на светло-сером платье замысловатый рисунок, бордового цвета. Было это сделано специально, или нет, — нам не узнать никогда. Ирина в первый момент растерялась, а потом, улыбаясь, сказала:

— Александр Андреевич, да не переживайте вы так. Со всяким такое может случиться. Но, чтобы загладить свою вину, вы отвезёте меня после банкета домой. Не поеду же я в таком виде в общественном транспорте.

Молодой человек сделал книксен.

— К вашим услугам, милая леди.

Кто-то, смеясь, сказал:

— Интересно, чей дом она имела в виду.

После банкета, все, кто мог стоять на ногах, пошли провожать Ивана Тарасовича к машине. Положив в багажник подарки и цветы, вновь продолжили прощание. Наконец, перепачканного помадой, и окутанного разношёрстным ароматом духов, его усадили в машину, а потом долго махали руками, глядя вслед красным огонькам.

На другой день Ирина явилась на работу с загадочным выражением на милом личике. На все вопросы, она кокетливо поводила плечом, опуская взгляд.

Коллектив решил: заведующий под каблуком!

Ирина была отпетой лентяйкой. По возможности пыталась столкнуть свою работу на «рабочую» лошадь. Но делала она это так, что на неё невозможно было сердиться. К больным относилась пренебрежительно, однако, они её любили, особенно мужчины.

— Не девка, а стерва, но глянешь на неё, и жить хочется, — вздыхая, говорили они, пялясь на её стройные ножки, оголённые до того места, откуда росли.

За всё время на неё не поступило ни одной жалобы.

— Они куклы, я кукловод. Как захочу, так и поверчу, ниточки управления в моих руках. Учитесь, коллеги! — поучала она своих одношашниц.

Когда ей выпадало дежурство на праздник, Ирина обязательно с кем-нибудь менялась. Чаще всего с Галей. Тихой, ничем не приметной девушкой, которая постоянно шла у Ирины на поводу.

— Наша Галка, девица со стажем, — говорила Ирина, намекая на возраст своей сотрудницы.

И хотя он был не так уж велик, (Гале шёл тридцатый год), на её женской судьбе коллектив давно поставил крест. Скромная, необщительная, вечно занятая проблемами сестры и брата, она не вызывала симпатии у мужчин.

Отец давно жил в другой семье. Когда умерла мама, Гале шёл девятнадцатый год. Она не побоялась взвалить на свои плечи заботу о сестре и брате. И хотя они давно выросли, имели свои семьи и детей, Галя продолжала их опекать. По ночам, во время дежурств, когда все спали, она вязала своим «внукам», — то носочки, то костюмчики.

— Галка, я тебе на восьмое марта подарю большие очки в роговой оправе, так ты больше будешь смахивать на старушку, — язвила Ирина.

«Старушка» не обижалась, Или делала вид, что не обижается. Смущённо улыбаясь, девушка прятала от собеседницы грустный взгляд. Медсестрой она была от Бога. В самых тяжёлых случаях рядом с врачом находилась Галя. Ира пользовалась её добротой, постоянно просила подменить себя, (за деньги), так как лишний раз дежурить не хотела, выдумывая несуществующие причины. Галя соглашалась. Её устраивал такой вариант. Лишняя копейка никогда не помешает сестре или брату. Руководство отделения закрывало на это глаза, зная, что если на дежурстве Галя, то можно спокойно спать. Надо добавит, что Галя была единственной сотрудницей из коллектива, кто навещал Ивана Тарасовича.

Теперь, по делу и без дела, Ирина часто стала заглядывать в кабинет заведующего. Даже старшая сестра отделения стала вести себя с нею более сдержанно. А, в самом деле, чем чёрт не шутит, вдруг эта разгильдяйка станет женою босса. Бабский коллектив — есть бабский коллектив. За глаза Ирине перемывали кости, а в присутствии её, мило улыбаясь, говорили комплименты.

Приближался Новый год. И надо же такому случиться, что дежурить в Новогоднюю ночь досталось Ирине. Она, нервничая, стала изучать график дежурства врачей. Бегло просмотрев его, резко повернулась.

— Софья Евгеньевна, почему именно я должна дежурить с тридцать первого на первое? Неужели никого другого не нашлось? Могли бы поставить меня на второе число, вместе с Александром Андреевичем.

— Ирочка, я ничего не могу поделать. Катя — на больничном, Зоя Петровна — в отпуске, а Татьяна Геннадьевна, со вчерашнего дня, лежит в травматологии.

Дежурить некому. Весь график полетел к чёртовой матери. Хорошо, что Галя согласилась взять две смены подряд. Я ей тридцатого днём дам покимарить немного, чтобы ночь не такой длинной показалась.

Ирина фыркнула, развернулась и ушла.

Наступило тридцать первое. Галя ждала Ирину, чтобы сдать ей смену, но та, как всегда опаздывала. Галя нервно теребила в руках шарфик, поглядывая на часы. Наконец послышался дробный стук каблучков, и на пороге сестринского поста появилась Ирина, во всём блеске своей красоты.

— Галя, подежурь за меня, плачу по тройному тарифу, — без обиняков заявила она, забыв даже поздороваться, — как понимаешь, я не могу встречать Новый год без Александра Андреевича.

— Ириша, я уже двое суток на ногах, да при том, ко мне должна придти сестра с мужем и дочкой. А ещё брат просил приютить его своих сорванцов, он решил с женою встречать Новый год в ресторане. Я бы с радостью тебя выручила, но сама видишь, — не получается.

— Да ты понимаешь, что делаешь? Смотри, чтобы потом не пожалела. Я ведь и рассердиться могу.

Галя опешила. Такой Ирину она никогда не видела. Вдруг за спиной Ирины, словно из-под земли вырос Александр Андреевич.

— А я всё слышал, — улыбаясь, сказал он.

Галя, словно затравленный зверёк, переводила свой взгляд с торжествующей Ирины на заведующего отделением.

— И зачем же вы обманываете нас с Ириной, что ваш брат с женой идут в ресторан? Не лучше ли сказать правду? Может, позволите это сделать мне?

У Гали округлились глаза. Она отказывалась что-либо понимать из происходящего. А в это время, молодой человек, глядя на недоумевающую Ирину, продолжил…

— Ирочка, Галя действительно, не может выполнить вашу просьбу, потому, что у нас с нею сегодня помолвка. Об этом мы договорились ещё две недели назад. Тем более, прибыла группа поддержки — моя мама. И, как вы понимаете, мы не в силах что-либо изменить.

Мимика Ирины менялась, как рисунок в калейдоскопе. А когда до неё дошёл смысл сказанных слов, она злобно уставилась на опешившую Галю, затем резко развернулась, и пошла по коридору, толкая всех, кто попадался на её пути.

— Стерва! Стерва! — кричала она, — ты мне ещё за всё ответишь, стерва!

— Александр Андреевич, зачем вы так,.. — растерянно проговорила Галя, — это некрасиво, зачем обманывать… Зачем вы поссорились с Ирой на кануне такого праздника? Зачем козлом отпущения выбрали именно меня? Что я вам плохого сделала?

— Галочка, пойми, я ни с кем не ссорился, и никого не выбирал козлом отпущения. До печёнки меня достала эта наглая девица. Сколько раз я ей говорил, что люблю другую, а она всё свою песню тянет, мол, стерпится — слюбится. По отношению к вам, у меня самые серьёзные намерения. И с братом вашим я уже обо всём договорился, — он в ресторан не пойдёт.

— Да, но вы забыли спросить меня,.. робко произнесла Галя.

Молодой человек перебил её:

— Виноват, прости. Ты всегда такая серьёзная, и, честно сказать, я боялся подойти к тебе, думал, что пошлёшь, куда подальше. Единственное, на что я решился, это объяснение в любви при помощи цветов. Мне друг как-то сказал, что если девушка принимает от тебя цветы, то она тебя тайно любит. Ну, я и клюнул на его шутку. Ты что, не догадывалась от кого цветы?

— Какие цветы? — удивлённо спросила Галя.

— Вот эти, — и он указал на симпатичный букетик, стоящий на столе, — и все предыдущие, которые я приносил в твоё дежурство, а ты тайком их потом уносила с собой.

— А мы думали….

— Что я их приношу для Ирины?

— Ну, да. Она нам об этом постоянно твердила, и очень злилась, что я их воровала. Правда она не догадывалась, что это делаю я.

— Ирине я сразу сказал, что цветы не для неё. Злилась, не верила. Даже пыталась убедить меня в том, что я их приношу именно ей. Галя, раз уж я расхрабрился, то выслушай меня до конца. Знаешь, я не раз наблюдал, как ты нежно трогала их своими пальчиками, гладила листочки. А однажды, когда никого не было рядом, ты зарылась лицом в букет. Я потом своровал его, ведь в нём находилась частичка твоего тепла.

— Александр Андреевич, пора на пятиминутку, — позвала Софья Андреевна.

— Сейчас приду! Предупредите главного, что немного задержусь, ну, буквально на пару минут, не больше.

— Вам надо идти, я то наживёте неприятности, — сказала Галя.

— Я сам ходячая неприятность.

Галя взяла со стула пальто и стала его надевать. Молодой человек заволновался.

— Погоди, не принимай скоропалительных решений. Помнишь, это было в начале марта, у нас с тобою совпали дежурства, и ты ночью вязала крохотные штанишки. Я думал, что для своего сынишки вяжешь, это уже потом узнал, что для племянника. Ты с такою любовью это делала! Повяжешь немного, погладишь рукою, и вновь за спицы. Ну, совсем как моя мама! Как я тебя в тот миг ревновал к несуществующему мужу! Если бы ты только знала. С того самого вечера я пропал. Неужели ты ни о чём не догадывалась?

— Об этом я даже мечтать, не смела…

— Ты прости, хотел как лучше. А получилось, как всегда. Сюрприз не удался. Не вмешайся я сейчас, уговорила бы тебя Ирина, как пить дать, уговорила третий срок отбывать. У неё это хорошо получается. И про маму я не соврал, действительно, вызвал для поддержки. Трус я верно?

Галя, улыбаясь, кивнула головой.

— Ну что, до вечера? Теперь я от тебя не отстану, и отказа не приму. А сейчас, извини, мне надо бежать на пятиминутку к главному, я и так уже опаздываю.

Он развернулся, и, сделав несколько шагов, вернулся назад. С серьёзным выражением лица спросил:

— Галя, а ты не знаешь, почему пятиминутку зовут пятиминуткой, если её каждый раз растягивают на полчаса?

Галя улыбнулась.

— Опоздаете ведь.

— Всё, бегу!

Молодой человек наклонился и поцеловал девушку в щёчку.

На улице стояла Новогодняя погода. Лёгкий снежок лениво слетал с небес, обновляя праздничное покрывало земли.

Деревья, спасаясь от холода, зябко кутались в белые шубки. Кусты, росшие вдоль дорожки, натянули снежные шапки до самых пят.

Галя неторопливо брела по больничному скверу. Мысли путались, и как свет фонарика, выхватывали из темноты отдельно взятые эпизоды её жизни, связанные с Александром Андреевичем. Невзначай когда-то брошенные им слова, приобретали совершенно другой смысл. На душе было тревожно и радостно.

— Стер-р-р-ва, — услышала она, и вздрогнула.

Оглянулась. Вокруг не было ни одной живой души. В это время с макушки старой берёзы упал ком снега, и устремился вниз, раздевая дерево донага. Виновницей сего была ворона, которая попыталась сесть на ветку, спрятанную под снегом. Но, вспомнив про неотложные дела, сорвалась, и пролетела над Галей, тяжело махая крыльями. У девушки сжалось сердечко. На какое-то мгновение ей показалось, что это была Ирина. Она беглым взглядом окинула окружающий мир. Он был холоден и безжизнен. «На чужом несчастье, своё счастье не построишь», — тоскливо подумала Галя, замирая на месте. За спиной — ярко освещённые окна больницы, впереди — тёмный сквер…. Привычная жизнь, и неизвестность….

Большими хлопьями повалил снег, быстро пряча под собою человеческие следы, — последнее доказательство того, что эта планета обитаема. Дорожка в одночасье превратилась в длинный белый холст. Разделяя его на две половинки, будто на грани двух миров, стояла одинокая фигурка девушки. Волею судьбы, ей сейчас предстояло сделать выбор, — остаться в прошлом, или устремиться в будущее. Вдруг, сквозь снежную пелену, в конце аллеи, Галя увидела слабый свет уличного фонаря. Он мгновенно подтолкнул её к выбору, погасив сомнения. Девушке стало

жарко. Распахнув пальто, и сорвав с шеи шарф, она побежала навстречу мерцающему огоньку.

А снег всё шёл, заметая путь в прошлое…

Содержание

Повесть:

БРЕДУЩИЕ ИЗ АДА 3

Рассказы:

ОДНА В СЕДЛЕ 110
БОГАТЫЙ УЛОВ 120
РОДНИКИ 124
РУСИ ЛЮБИМЫЙ УГОЛОК 128
СТРАШНАЯ ТАЙНА 134
БУДИЛЬНИК 146
ДВА ОДИНОЧЕСТВА 150
ВОЗВРАЩЕНИЕ БАБЬЕГО ЛЕТА 161
ОПЛОШАЛСЯ 171
ИНДРИК 174
ПОЧЕМУ МАКИ КРАСНЫЕ? 176
СТЕРВА 182

Привалова Тамара Ивановна

БРЕДУЩИЕ ИЗ АДА
Повесть, рассказы

Редактор *А.Береговой*
Верстка и оформление *И. Зубковой*
Корректор *Н. Комнатная*
Художник *Н. Коновалова*
Директор издательства *А. Береговой*

Издательство Литературного фонда России
«Донской писатель»
344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича 89/94
т./ф 8(863) 292-78-03; 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95;
8-918-854-80-59

Подписано в печать 28.08.2012 г. Формат 70х90 1/16
Печать офсетная. Объем 12,25 усл. п. л. 196 стр.
Обложка мягкая «Лен». Тираж 300 экз.
ГарнитураTimes New Roman

Ростовские региональные отделения
Литературного фонда России
Союза писателей России

Издательство «Донской писатель»

Всем авторам, а также юридическим лицам (предприятиям, фирмам, организациям, учреждениям, административным структурам):

– издание книг, буклетов, журналов;

– редактирование текстов;

– консультации известных донских писателей и поэтов;

– рецензирование рукописей;

– подготовка и выпуск мемориальных альбомов/книг (включая текстовой контент и дизайн);

– иные полиграфические услуги.

10% скидка членам Литфонда РФ.

Высокое качество — низкие цены — точные сроки.

В издательстве «Донской писатель» работают профессионалы.

Ростовское региональное отделение Литературного фонда России с сентября 2008 года выпускает альманах Юга России «Дон и Кубань». Периодичность альманаха в 2012 году — 1 номер в квартал.

Издательство «ДП» с апреля 2010 года начало выпуск малоформатных, низкобюджетных книг из серии «Библиотечка альманаха «Дон и Кубань».

С условиями нашего с Вами сотрудничества Вы можете познакомиться в представительствах издательства по телефонам:

в Ростове-на-Дону:т/ф 8-(893) 292-78-03;тт. 8-918-599-67-51/
8-918-854-80-59; 8-988-567-43-95
в Новошахтинске: 8-918-544-10-91
в Новочеркасске 8-908-179-11-84
в Вешенской: 8-86386-2-28-27,
в Таганроге: 8-904-346-46-07,
в Волгодонске: 8-928-186-35-99,
по Краснодарскому краю: 8-928-039-51-78.
donpisatel@yandex.ru